

Hoover Library
on
War, Revol and Peace
STANFORD LIBRARIES

№ 140

Д-ръ Станиславъ Кутшеба
доцентъ Ягеллонскаго (Краковскаго) Университета

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ ПОЛЬШИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
ПРИВ.-ДОЦЕНТА ИМП. ПЕТЕРБ. УНИВЕРСИТЕТА
Н. В. ЯСТРЕБОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1907

Kutrzeba, S.

Д-РЪ СТАНИСЛАВЪ КУТШЕВА

ДОЦЕНТЪ ЯГЕЛЛОНСКАГО (КРАКОВСКАГО) УНИВЕРСИТЕТА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ ПОЛЬШИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

ПРИВ.-ДОЦЕНТА ИМП. ПЕТЕРБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. В. ЯСТРЕБОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

1907

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

Авторъ предлагаемой вниманію русскаго читателя книжки, прив.-доцентъ Краковскаго (Ягеллонскаго) Университета, др. Станиславъ Кутшеба, принадлежитъ къ числу выдающихся представителей польской науки. Спеціально работая по исторіи польскаго права, преимущественно стараго, принимая дѣятельное участіе въ занятіяхъ этимъ правомъ въ университетской семинаріи проф. Ульяновскаго и находясь близко къ источникамъ этого права по должности (съ 1901 г.) адъюнкта „Archiwum Krajowe aktów grodzskich i ziemskich" (въ Краковѣ), др. Кутшеба успѣлъ, несмотря на свою молодость (род. 1876 г.), обогатить польскую науку цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ изслѣдованій.

Послѣ окончанія университетскаго курса (1894—1898 гг.) и полученія докторатa права (1898 г.) др. Кутшеба продолжалъ свою научную подготовку въ Римѣ, въ качествѣ стипендіата Краковской Академіи Наукъ для разысканій въ ватиканскихъ архивахъ (1898—1899 гг.), и въ Парижѣ (1899—1900 гг.). Помимо научно-литературной дѣятельности, онъ отдаетъ свои силы и вообще культурной организаціи польскаго народа, принимая участіе въ работахъ Краковской Академіи Наукъ, какъ членъ ея двухъ комиссій: исторической и юридической, и состоя корреспондентомъ центральной комиссіи въ Вѣнѣ для охраны архивныхъ памятниковъ.

Не перечисляя сочиненій др. Кутшебы по исторіи польскихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, я сошлюсь здѣсь только на приложенную къ книгѣ „Библіографію", изъ которой видно, что др. Кутшеба далъ отличныя работы почти по всѣмъ сторонамъ стараго польскаго общественно-государственнаго строя.

Но др. Кутшеба не только юристъ-государствовѣдъ. Стоя на уровнѣ новѣйшихъ теченій исторической и соціальной вообще науки, онъ отлично сознаетъ значеніе экономической организаціи общества для правового строя его. Отсюда онъ стремится понять старый общественно-государственный строй Польши въ связи съ экономической исторіей народа и страны. Др. Кутшеба—спеціалистъ по исторіи торговли въ старой Польшѣ. Его работы въ этой области: „Handel Krakowa w wiekach średnich“ (1902), „Handel Polski ze Wschodem w wiekach średnich“ (1902) и „Taryfy celne: polityka celna w Polsce od XIII do XV stulecia“ (1903) — высоко цѣнятся спеціалистами. Въ связи съ этимъ интересомъ др. Кутшебы стоитъ и вниманіе его къ польскимъ городамъ, преимущественно какъ центрамъ торговли. Исторія родного Кракова особенно охотно обслѣдуется имъ, какъ то свидѣтельствуютъ и его работы: „Historya rodziny Wierzynków“ (1899) и „Finanse Krakowa w wiekach średnich“ (1900).

Сводкой и „ревизіей“ монографической работы автора явился трудъ общаго характера: „Historya ustroju Polski w zarysie“ (1905). Появленіе этой книги сдѣлалось „событіемъ“ въ польской наукѣ. Книга вызвала цѣлый рядъ отзывовъ, рецензій и критическихъ статей, изъ которыхъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить рядъ статей львовскаго профессора, историка польскаго права Освальда Бальцера, въ „Kwart. histor.“ за 1906 и 1907 гг. (переработка этихъ статей авторомъ, въ видѣ цѣлой книги, сдѣлана для русскаго изданія, которое уже печатается). Я не нахожу здѣсь нужнымъ давать критическій разборъ книги др. Кутшебы уже по одному тому, что это обстоятельно сдѣлано въ имѣющемъ появиться по-русски трудѣ проф. Бальцера [1]). Несвободная отъ ошибокъ, спорныхъ и неясныхъ пунктовъ, какъ и всѣ, даже самыя выдающіяся научныя работы, книга

[1]) См. и статью г. Тарановскаго въ «Ж. М. Н. Просв.» (1907, май, стр. 159—208): «Новѣйшіе труды по исторіи государственнаго строя Польши», гдѣ дано изложеніе книги г. Кутшебы въ связи съ нѣкоторыми работами проф. Бальцера, сопровождаемое кое-какими критическими замѣчаніями.

др. Кутшебы тѣмъ не менѣе представляетъ собой столь незаурядное произведенiе польской исторической литературы, что ознакомленiе съ нею русскихъ читателей казалось мнѣ задачей, заслуживающей того труда, который вложенъ мною въ редакцiю русскаго изданiя книги.

При всей своей сжатости, внѣшней популярной формѣ, при отсутствiи „научнаго аппарата", книга др. Кутшебы, въ дѣйствительности, настоящiй ученый трудъ, основанный на непосредственномъ изученiи авторомъ первоисточниковъ, часто впервые дающiй результаты этого изученiя, сводящiй результаты изслѣдованiй и другихъ ученыхъ. Читатель книги др. Кутшебы получаетъ довольно вѣрное представленiе о современномъ состоянiи польской исторической науки, особенно изученiй исторiи общественно-государственнаго строя Польши; потраченныя польскимъ ученымъ генiемъ силы для воспроизведенiя эволюцiи этого строя иллюстрируются и даннымъ въ „Библiографiи" перечнемъ важнѣйшихъ новыхъ научныхъ трудовъ.

Русскiй читатель книги др. Кутшебы, которому приблизительно извѣстно состоянiе польской исторической науки и мысли около двухъ десятилѣтiй тому назадъ, во время появленiя польскаго оригинала и русскаго перевода (1888 г., подъ ред. проф. Карѣева) извѣстной „Dzieje Polski w zarysie" проф. Бобжиньскаго (3 изд. 1887 г.), на основанiи предлагаемаго перевода, конечно, пойметъ, какiе большiе успѣхи сдѣлала съ тѣхъ поръ польская историческая наука—увы—силами людей и учрежденiй внѣ Царства Польскаго...

Опытъ ознакомленiя русскаго читателя съ книгой др. Кутшебы былъ сдѣланъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ г-жею Пашковичъ, которая перевела книгу на русскiй языкъ, подъ заглавiемъ: „Очеркъ исторiи государственнаго и общественнаго строя Польши" (1907). Какими бы добрыми пожеланiями ни руководились переводчица и издатель ея труда, къ сожалѣнiю, приходится признать этотъ трудъ крайне неудачнымъ. Плохой русскiй языкъ перевода, затемняющiй, а иногда прямо извращающiй смыслъ оригинала, незнакомство переводчицы съ юридическими институтами и

польской и русской терминологіей въ области права и исторіи права, свидѣтельствуя объ извѣстной и давней уже „варваризаціи“ нашихъ учено-литературныхъ нравовъ и привычекъ, ведутъ къ тому, что трудъ др. Кутшебы, въ сущности, до сихъ поръ остается все еще неизвѣстнымъ русскому читателю.

Мысль объ изданіи настоящей книжки и шаги къ ея осуществленію относятся еще ко времени до появленія перевода г-жи Пашковичъ и стоятъ внѣ всякой связи съ нимъ. Исторія настоящаго изданія коротко разсказана въ нижеслѣдующемъ предисловіи автора. Предоставляя самому читателю судить о качествѣ перевода и его редакціи, я ограничиваюсь указаніемъ на то, что настоящее изданіе существеннымъ образомъ отличается отъ перваго русскаго (въ переводѣ г-жи Пашковичъ) изданія. Авторъ, др. Кутшеба, самымъ серьезнымъ образомъ переработалъ спеціально для настоящаго изданія польскій оригиналъ своей книги, принявъ во вниманіе и замѣчанія критиковъ, особенно проф. Бальцера.

Въ новомъ русскомъ изданіи, сравнительно съ польскимъ изданіемъ (первымъ, ибо второе еще только начато печатаніемъ), а слѣдовательно, и съ переводомъ г-жи Пашковичъ, многое исправлено; еще больше въ немъ дополненій.

Бо́льшая часть этихъ дополненій относится къ первымъ четыремъ періодамъ (стр. 1—176), особенно много ихъ въ трехъ первыхъ періодахъ (до 131 стр.); нѣкоторыя главы и отдѣлы написаны авторомъ вновь (например̆ъ, о городахъ въ III періодѣ, стр. 76—83).

Отъ души привѣтствуя др. Кутшебу и за столь далеко идущую отзывчивость его на сдѣланное ему предложеніе переработать книгу для русскаго изданія, и за мотивы, которыми онъ руководился при этомъ, я со своей стороны позволяю себѣ разъяснить тѣ мотивы и цѣли, которыми руководился и я при своей редакторской работѣ.

Преподавая исторію славянскихъ народовъ съ университетской каѳедры, я постоянно долженъ былъ сталкиваться съ цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ—хотя болѣе или менѣе и внѣшнихъ—условій для работы. Я разумѣю здѣсь

и неопредѣленное положеніе названной исторической дисциплины въ организаціи факультетскаго преподаванія, и слабое знаніе у насъ славянскихъ языковъ, не исключая и польскаго—при всей легкости ихъ изученія, и бѣдность знаній о славянствѣ, даваемыхъ средней школой, и, наконецъ, недостатокъ общихъ научныхъ или научно-популярныхъ трудовъ по исторіи славянства, которые служили бы распространенію знаній изъ этой области исторической науки въ широкихъ слояхъ русскаго образованнаго общества, которые можно было бы дать въ руки и студенту-историку. Этотъ недостатокъ чувствуется тѣмъ больнѣе, что, по существу дѣла, казалось бы, въ Россіи даны внутреннія условія для иного развитія научной литературы по исторіи славянства и иного, чѣмъ было доселѣ, интереса къ самой этой исторіи.

Я (и по личнымъ переживаніямъ) понимаю исконныя русскія восторженныя рѣчи о „странѣ святыхъ чудесъ", тяготѣніе русскаго образованнаго общества, а вслѣдъ за нимъ— и нашихъ ученыхъ историковъ, къ германо-романскому Западу, къ его образованности и—особенно—гражданственности, на фонѣ которыхъ такъ горька была всегда родная дѣйствительность. Я могу понять и ту сдержанность нашего образованнаго общества къ славянству, которая навѣвается нѣкоторыми идеями старыхъ славянофиловъ и всей дѣятельностью подавляющаго большинства ихъ „эпигоновъ",—сдержанность, отражающуюся и въ нашемъ ученомъ и литературномъ мірѣ. Можно, наконецъ, понять и соблазнительность тяготѣнія къ чужой, западной, научной работѣ, столь хорошо обставленной и налаженной, къ легкому и удобному пользованію ея результатами.

Но, прежде всего, уже самое внимательное изученіе „страны святыхъ чудесъ" постепенно приводитъ къ извѣстному отрезвленію, которое такъ ярко сказалось, напримѣръ, въ жизни и литературной работѣ Герцена. Послѣднія завоеванія русскаго общества и недалекое уже ихъ закрѣпленіе въ жизни должны умалить въ Россіи силу преклоненія передъ германо-романскимъ Западомъ и лишить русскія изученія Запада и его исторіи значительной доли того обаянія,

которымъ—помимо своего таланта—были сильны Грановскій и его продолжатели, въ своихъ трудахъ и еще болѣе—въ каѳедральномъ учительствѣ дававшіе русскому обществу возможность мысленно переживать вѣковую и плодотворную борьбу европейскаго Запада за свою духовную и политическую свободу, подготовлявшіе русское общество и для реальнаго пріобщенія къ этой борьбѣ всего культурнаго міра.

Съ другой стороны, старая славянофильская теорія, сдѣлавъ свое извѣстное полезное дѣло и оставивъ несомнѣнные и прочные слѣды въ напластованіяхъ русской образованности, въ сложившемся соотношеніи умственныхъ силъ въ Россіи, не представляетъ теперь уже никакихъ опасностей для завѣтныхъ русскихъ идеаловъ. „Эпигоны" славянофильства тоже уже безсильны существенно повліять на ходъ русской жизни. Все это, въ связи съ другими условіями, въ концѣ концовъ, ведетъ къ распространенію въ русскомъ обществѣ правильнаго убѣжденія въ томъ, что общій интересъ къ славянству и научное изученіе его исторіи вовсе не связано „неразрывной связью" съ одной опредѣленной точкой зрѣнія въ опредѣленіи общекультурныхъ и общеполитическихъ цѣнностей и съ такой же одной только линіей практическаго поведенія.

Наконецъ, отмѣченное выше удобство для русскаго ученаго историка предаться изученію германо-романскаго Запада связано съ такими отрицательными моментами, которые, продуманные до конца, должны когда-нибудь вызвать извѣстную реакцію. Научное изученіе своей исторіи на германо-романскомъ Западѣ имѣетъ за собой очень старую традицію. Здѣсь существуютъ преемственно развивающіяся серьезныя научныя школы, направленія и теоріи. Здѣсь ведется систематическое, планомѣрное разысканіе, изданіе и обслѣдованіе историческихъ источниковъ и такая же научная работа по построенію изъ добытаго матеріала зданія системы европейской (и „всемірной") исторіи. Въ этой работѣ каждый изслѣдователь дѣлаетъ опредѣленное дѣло, какъ часть общаго дѣла науки. Русскому историку Запада, уже по его отдаленности отъ мѣстъ этой западной работы,

по случайнымъ только связямъ съ участниками этой работы (характерно крайне рѣдкое участіе русскихъ историковъ въ научныхъ историческихъ журналахъ Запада и такое же рѣдкое появленіе ихъ на научныхъ историческихъ съѣздахъ Запада, особенно въ качествѣ активныхъ дѣятелей), и особенно—въ силу того, что на каждое насущное научное (по собственной исторіи) дѣло на Западѣ имѣется цѣлый рядъ отлично подготовленныхъ работниковъ, трудно, почти невозможно, играть замѣтную, а главное дѣло—плодотворную роль въ исторической наукѣ Запада. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ на русскомъ историкѣ Запада оправдывается замѣчаніе такого умнаго и чуткаго въ вопросахъ научнаго знанія человѣка, какъ С. М. Соловьевъ: „У всѣхъ, самыхъ даровитыхъ, профессоровъ русскихъ, но занимающихся науками, разработанными на Западѣ, нѣтъ самостоятельности". (В. Е., 1907, апрѣль, стр. 444). Самыя громкія у насъ имена русскихъ изслѣдователей исторіи Запада обыкновенно ничего не говорятъ не только среднему образованному западно-европейцу, но и ученому историку, потому что онъ не знаетъ трудовъ нашихъ историковъ, да и не интересуется ими. Отъ этой „оброшенности" можетъ спасти русскаго ученаго историка Запада только печатанье (по собственному почину) своихъ трудовъ (хотя бы уже и въ переводахъ, какъ это дѣлалось не разъ) на одномъ изъ главныхъ европейскихъ языковъ, конечно, при условіи выдающагося значенія трудовъ и дарованія ихъ авторовъ (напримѣръ, нѣкоторыя работы проф. Виноградова или А. Н. Веселовскаго). Иначе, безъ своевременнаго перевода, даже выдающіеся русскіе труды оказываются пропавшими для экономіи науки (напримѣръ, отличная книга проф. Карѣева по исторіи французскихъ крестьянъ, только недавно случайно переведенная по-французски, но теперь уже утерявшая для историковъ Франціи свое „актуальное" значеніе). А, вѣдь, общее положеніе дѣлъ опредѣляется не выдающимися, обыкновенными, средними людьми и книгами. Старое наблюденіе западныхъ книговѣдовъ: „rossica non leguntur", кажется, ни въ одной области не подтверждается столь ярко,

какъ именно относительно русской научной литературы по исторіи Запада. И причина этого—не столько слабое знаніе русскаго языка на Западѣ, сколько убѣжденіе въ безполезности изученія этого языка для ознакомленія только съ названнымъ отдѣломъ русской научной литературы: цѣль не оправдывала бы средствъ. Для большинства русскихъ историковъ Запада остается такой выходъ: съ одной стороны, создавать ученые труды, которые, въ виду ихъ спеціальнаго характера, мало кѣмъ читаются на родинѣ (и еще менѣе оцѣниваются; напомню, напримѣръ, хотя бы тотъ удручающій фактъ, что даже такая большая и оригинальная по замыслу и исполненію работа, какъ 5-ти-томная „Исторія Западной Европы“ проф. Карѣева, не нашла себѣ никакой спеціальной научной оцѣнки) и, по указаннымъ выше причинамъ, совсѣмъ не читаются на Западѣ, не входятъ органически въ общеевропейскую научно-историческую работу; съ другой—издавать научно-популярные общіе труды, которые, служа интересамъ общаго образованія общества и—до послѣдняго времени—его политическаго воспитанія, все же никогда не могутъ создать питательной среды для выращиванья русской школы исторіографіи Запада, заслуживающей вниманія этого послѣдняго. Можетъ быть, такая школа и создалась бы, если-бы у насъ сумѣли и смогли изучать исторію Запада съ „русской точки“ зрѣнія, т. е. (во избѣжаніе недоразумѣній!) съ точки зрѣнія народа, получившаго иное историческое воспитаніе сравнительно съ народами романскими и германскими. Но для этого необходимо обладать извѣстной философіей всемірной исторіи, необходимо отправляться отъ знанія и изученія исторіи Россіи (и славянства). Извѣстный шагъ въ этомъ направленіи представляла въ свое время старая книга Новикова: „Гусъ и Лютеръ“ (1859 г.). Но она до сихъ поръ остается въ сиротливомъ одиночествѣ. Существующее же положеніе дѣла таково, что, при внимательномъ, вдумчивомъ отношеніи къ нему, страдательные участники его не могутъ не проникаться иногда ощущеніемъ неудобства и чувствомъ неудовлетворенности.

Разумѣется, я далекъ отъ мысли дѣлать изъ всего изложеннаго выводъ о необходимости для русскихъ историковъ совершенно отказаться отъ изученія исторіи германо-романскаго Запада. Это изученіе полезно въ интересахъ университетскаго преподаванія и общаго распространенія историческихъ знаній въ странѣ, которыя не могутъ питаться только переводами съ иностранныхъ языковъ; оно нужно и для передачи исторіософическихъ воззрѣній, а еще болѣе—методовъ научной работы Запада въ среду всѣхъ вообще русскихъ историковъ разныхъ спеціальностей, особенно историковъ Россіи.

Но, констатируя обрисованное выше общее положеніе дѣлъ въ исторической наукѣ Россіи, я позволяю себѣ указать и на единственный, по моему мнѣнію, здоровый, желательный выходъ изъ него. Этотъ выходъ подсказывается уже примѣромъ исторической науки Запада.

Для западнаго историка изученіе исторіи германо-романскаго міра вообще стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ изученіемъ исторіи отечественной, являющейся органической составной частью исторіи окружающихъ родственныхъ — по происхожденію и культурѣ — народовъ. Родная исторія даетъ западному историку массу темъ, незамѣтно дѣлающихъ его „всеобщимъ" историкомъ въ нашемъ, русскомъ, смыслѣ слова. И наоборотъ, изученіе процессовъ развитія сосѣднихъ и родственныхъ народовъ ведетъ западнаго историка къ необходимости постоянно обращаться къ родной старинѣ и литературѣ этой старины, въ то же время давая результаты, цѣнные именно для нея и ея изслѣдователей. Въ иномъ отношеніи находится изученіе отечественной исторіи и исторіи „всеобщей" у насъ, въ Россіи. Отношенія, указанныя выше, въ области западно-европейскихъ историческихъ изученій, наблюдаются у насъ только при изслѣдованіяхъ по исторіи XVIII и XIX вѣковъ, да и то лишь отчасти. Изученіе же русской исторіи до XVIII вѣка ведется у насъ—за немногими исключеніями—внѣ связи съ изученіями исторіи Запада, что, впрочемъ, въ большой степени и естественно, при характерной, вообще говоря,

для русской исторіи обособленности ея хода отъ хода исторіи германо-романскихъ народовъ.

Поэтому-то русскій историческій процессъ въ бо́льшей своей части и оказывается въ общихъ обзорахъ русской исторіи (см., напримѣръ, „Курсъ русской исторіи“ Ключевскаго) обособленнымъ, мѣстнымъ процессомъ; поэтому-то даже движеніе идей и пріемовъ исторической работы на Западѣ сравнительно слабо отражается въ жизни русской исторіографіи (Россіи).

Конечно, по существу дѣла, категорическое утвержденіе о чисто-мѣстномъ, совершенно и вообще обособленномъ характерѣ русскаго историческаго процесса было бы не вѣрно. Русскій народъ переживалъ большое количество фактовъ и явленій, условій и состояній, общихъ у него съ сосѣдними народами одной и той же расы, одной и той же классической и христіанской культуры; эти народы—прежде всего народы славянскіе, южные (болгары, сербы, хорваты) и западные (поляки, чехи), и только черезъ нихъ—и то отчасти—народы классической древности и германо-романскаго средневѣковья и новаго времени, до XVIII вѣка, когда славянское посредничество дополнилось и, можетъ быть, почти совсѣмъ смѣнилось непосредственнымъ общеніемъ съ народами германскими и романскими. Исторія русскаго народа до XVIII вѣка тѣснѣйшимъ образомъ переплеталась съ исторіей народовъ славянскихъ (политическая исторія Кіевскаго періода съ его связями съ южными славянами, поляками—отчасти и чехами и политическая исторія Московскаго періода съ его связями съ Польшей—и непосредственно и черезъ Литву; культурная исторія Кіевскаго періода со связями съ южнымъ славянствомъ и Московскаго періода—со связями съ Польшей). Но и въ XVIII и XIX вѣкахъ эти исконныя связи не порываются: сто́итъ только вспомнить Восточный и Польскій вопросы въ международной политикѣ Россіи, культурныя русскія вліянія у южныхъ славянъ (особенно въ Болгаріи), отчасти и у западныхъ (чеховъ), и еще болѣе—культурное взаимодѣйствіе Россіи и Польши. Что касается польскаго народа, то его исторія съ XVIII вѣка въ значительной своей

части входитъ непосредственно и въ исторію Россіи. Поэтому-то обязательное изученіе исторіи этого народа въ нашей средней, и тѣмъ болѣе — высшей школѣ является очевиднымъ выраженіемъ уваженія къ достоинству и благу какъ польскаго, такъ даже и русскаго народовъ, и доказательствомъ заботы о практическомъ разрѣшеніи русско-польскаго вопроса (къ сожалѣнію, у насъ среди и сторонниковъ и противниковъ польской автономіи слишкомъ еще много людей, не знающихъ польской исторіи и не цѣнящихъ ея знанія). Эти-то старыя—отчасти и новыя—связи со славянствомъ прежде и болѣе всего освобождаютъ русскій историческій процессъ отъ довольно ярко у него выраженнаго, на германо-романскомъ фонѣ, признака партикулярной обособленности.

Пониманіе этого характеризуетъ исторіографическую работу такихъ корифеевъ русской исторической науки, какъ Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ; оно же объясняетъ и ихъ интересъ къ славянской исторіи,—интересъ, который довольно извѣстенъ относительно Бестужева-Рюмина, а въ Соловьевѣ засвидѣтельствованъ, напримѣръ, и его печатающимися теперь „воспоминаніями". Приходится только пожелать, чтобы эта сторона ученыхъ интересовъ корифеевъ русской исторіографіи стала традиціей этой исторіографіи въ болѣе значительной степени, чѣмъ это можно отмѣтить у ихъ продолжателей. Правда, частичное осуществленіе завѣтовъ Соловьева и Бестужева-Рюмина относительно, напримѣръ, Польши, можно видѣть въ трудахъ тѣхъ русскихъ историковъ, которые занимаются исторіей южной Руси (Антоновичъ, Линниченко, Грушевскій, отчасти—Лаппо-Данилевскій и др.) и Руси Западной съ Литвой (Леонтовичъ, Владимірскій-Будановъ, Любавскій, Довнаръ-Запольскій, Максимейко, Ясинскій и др.). Эти труды уже ставятъ русскую исторіографію въ неразрывную связь съ исторіографіей другихъ народовъ, именно съ исторіографіей польской, гдѣ они внимательно отмѣчаются и усердно усваиваются.

Но та сторона исторіи славянскихъ народовъ, которая имѣетъ ближайшую, непосредственную связь съ исторіей русской, приводитъ насъ и къ другой сторонѣ ихъ исторіи, къ той

именно, которою славянскіе народы ближайшимъ образомъ соединены съ міромъ классическимъ, а потомъ — съ византійскимъ (южные славяне) и германо-романскимъ (чехи и поляки, отчасти хорваты, даже сербы). Эти, вторые, явленія и процессы славянской исторіи заслуживали бы вниманія нашихъ русскихъ „всеобщихъ" историковъ; изученіе ихъ, помимо всего прочаго, приводило бы ихъ самымъ естественнымъ образомъ и къ изученію самого германо-романскаго міра, нѣкоторыхъ же изъ нихъ, можетъ быть, даже и къ спеціальному и исключительному изученію.

Справедливость требуетъ признать, что нѣчто въ этомъ направленіи уже и осуществлено. Я разумѣю тѣхъ нашихъ всеобщихъ историковъ, которые составляютъ школу русскихъ „византинистовъ", изученія которыхъ направлены на явленія исторіи и русской, и южно-славянской, и византійской, а отчасти—и классической, и германо-романской (Васильевскій, Успенскій и др.). Но, къ сожалѣнію, осуществлено только отчасти, ибо девизъ: „отъ Россіи, черезъ славянство, къ германо-романскому Западу" все еще остается „pium desiderium" для русской исторіографіи германо-романскаго Запада. Еще Грановскій, указывавшій на настоятельность изученія въ Россіи исторіи Византіи, занимаясь германо-романскимъ Западомъ, интересовался и западнымъ славянствомъ, отчасти и изучалъ его. Но путь, едва намѣченный Грановскимъ, все-таки мало разработанъ: за немногими исключеніями недавняго прошлаго (напримѣръ, Бильбасовъ, особенно же Карѣевъ и Любовичъ съ ихъ работами по исторіи Польши), въ настоящее время по нему идетъ едва ли не одинъ А. Ясинскій со своими работами по исторіи Чехіи. Даже наше „византиновѣдѣніе" развивается очень туго, оставаясь позади болѣе юнаго по возрасту, нѣмецкаго...

Результаты же, которыхъ можетъ добиться на этомъ пути русская исторіографія по вопросамъ нерусской исторіи, намѣчаются уже той работой, которая исполнена по исторіи славянъ русскими учеными, не спеціалистами-историками, а „славистами", которые дѣлятъ свой трудъ и интересы между славянской филологіей и исторіей.

Исторія отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, особенно западныхъ, богата содержаніемъ; ихъ настоящее и недавнее прошлое не стоитъ на одномъ уровнѣ съ этой исторіей. Цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій задерживалъ и еще задерживаетъ изученіе исторіи того или другого славянскаго народа только своими мѣстными, туземными научными силами. Много источниковъ или совсѣмъ не издано или плохо издано и изслѣдовано; монографическая разработка вопросовъ и — еще болѣе — общіе труды заставляютъ желать лучшаго, если имѣть въ виду для сравненія исторію народовъ и странъ германо-романскихъ. Русскому изслѣдователю открывается здѣсь широкое поле для работы, при томъ такой, гдѣ положительные результаты скоро даютъ себя почувствовать. Не входя въ подробности, я позволю себѣ сказать вообще, что историческія работы русскихъ славистовъ (Дриновъ, Флоринскій и др.), вмѣстѣ съ работами вышеуказанной группы „всеобщихъ“ историковъ, уже стали фундаментомъ для національныхъ исторіографій болгарской и сербской; укажу и на то, чтò сдѣлали русскіе слависты въ изученіи Гуса и гуситства (подробныя указанія смотри въ „Bibliografie české historie“ проф. Зибрта). И въ настоящее время каждая, даже скромная по размѣрамъ и достоинствамъ, русская работа по исторіи славянъ тщательно отмѣчается въ національныхъ исторіографіяхъ польской, чешской, болгарской и проч. (кстати сказать, имѣющихъ и научныя періодическія изданія по исторической наукѣ, въ родѣ „Kwart. histor.“ или Časopis český histor.“, организованныхъ по типу соотвѣтствующихъ западныхъ „Zeitschrift“, „Revue“ и т. п., о чемъ мы — къ стыду — все только еще мечтаемъ); каждая такая русская работа извѣстна не только ученымъ спеціалистамъ-профессорамъ и академикамъ, но и заурряднымъ просвѣщеннымъ любителямъ родной старины.

Слѣдуетъ еще помнить, что русскія работы по исторіи славянскихъ народовъ принадлежатъ людямъ, отдающимся главнымъ образомъ филологіи, среди которыхъ, думается, было вообще менѣе талантливыхъ людей, чѣмъ среди нашихъ „всеобщихъ историковъ“, которые, наконецъ, были въ

именно, которою славянскіе народы ближайшимъ образомъ соединены съ міромъ классическимъ, а потомъ — съ византійскимъ (южные славяне) и германо-романскимъ (чехи и поляки, отчасти хорваты, даже сербы). Эти, вторые, явленія и процессы славянской исторіи заслуживали бы вниманія нашихъ русскихъ „всеобщихъ" историковъ; изученіе ихъ, помимо всего прочаго, приводило бы ихъ самымъ естественнымъ образомъ и къ изученію самого германо-романскаго міра, нѣкоторыхъ же изъ нихъ, можетъ быть, даже и къ спеціальному и исключительному изученію.

Справедливость требуетъ признать, что нѣчто въ этомъ направленіи уже и осуществлено. Я разумѣю тѣхъ нашихъ всеобщихъ историковъ, которые составляютъ школу русскихъ „византинистовъ", изученія которыхъ направлены на явленія исторіи и русской, и южно-славянской, и византійской, а отчасти—и классической, и германо-романской (Васильевскій, Успенскій и др.). Но, къ сожалѣнію, осуществлено только отчасти, ибо девизъ: „отъ Россіи, черезъ славянство, къ германо-романскому Западу" все еще остается „pium desiderium" для русской исторіографіи германо-романскаго Запада. Еще Грановскій, указывавшій на настоятельность изученія въ Россіи исторіи Византіи, занимаясь германо-романскимъ Западомъ, интересовался и западнымъ славянствомъ, отчасти и изучалъ его. Но путь, едва намѣченный Грановскимъ, все-таки мало разработанъ: за немногими исключеніями недавняго прошлаго (напримѣръ, Бильбасовъ, особенно же Карѣевъ и Любовичъ съ ихъ работами по исторіи Польши), въ настоящее время по нему идетъ едва ли не одинъ А. Ясинскій со своими работами по исторіи Чехіи. Даже наше „византиновѣдѣніе" развивается очень туго, оставаясь позади болѣе юнаго по возрасту, нѣмецкаго...

Результаты же, которыхъ можетъ добиться на этомъ пути русская исторіографія по вопросамъ нерусской исторіи, намѣчаются уже той работой, которая исполнена по исторіи славянъ русскими учеными, не спеціалистами-историками, а „славистами", которые дѣлятъ свой трудъ и интересы между славянской филологіей и исторіей.

Исторія отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, особенно западныхъ, богата содержаніемъ; ихъ настоящее и недавнее прошлое не стоитъ на одномъ уровнѣ съ этой исторіей. Цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій задерживалъ и еще задерживаетъ изученіе исторіи того или другого славянскаго народа только своими мѣстными, туземными научными силами. Много источниковъ или совсѣмъ не издано или плохо издано и изслѣдовано; монографическая разработка вопросовъ и — еще болѣе — общіе труды заставляютъ желать лучшаго, если имѣть въ виду для сравненія исторію народовъ и странъ германо-романскихъ. Русскому изслѣдователю открывается здѣсь широкое поле для работы, при томъ такой, гдѣ положительные результаты скоро даютъ себя почувствовать. Не входя въ подробности, я позволю себѣ сказать вообще, что историческія работы русскихъ славистовъ (Дриновъ, Флоринскій и др.), вмѣстѣ съ работами вышеуказанной группы „всеобщихъ" историковъ, уже стали фундаментомъ для національныхъ исторіографій болгарской и сербской; укажу и на то, что̀ сдѣлали русскіе слависты въ изученіи Гуса и гуситства (подробныя указанія смотри въ „Bibliografie české historie" проф. Зибрта). И въ настоящее время каждая, даже скромная по размѣрамъ и достоинствамъ, русская работа по исторіи славянъ тщательно отмѣчается въ національныхъ исторіографіяхъ польской, чешской, болгарской и проч. (кстати сказать, имѣющихъ и научныя періодическія изданія по исторической наукѣ, въ родѣ „Kwart. histor." или Časopis český histor.", организованныхъ по типу соотвѣтствующихъ западныхъ „Zeitschrift", „Revue" и т. п., о чемъ мы — къ стыду — все только еще мечтаемъ); каждая такая русская работа извѣстна не только ученымъ спеціалистамъ-профессорамъ и академикамъ, но и заурядньмъ просвѣщеннымъ любителямъ родной старины.

Слѣдуетъ еще помнить, что русскія работы по исторіи славянскихъ народовъ принадлежатъ людямъ, отдающимся главнымъ образомъ филологіи, среди которыхъ, думается, было вообще менѣе талантливыхъ людей, чѣмъ среди нашихъ „всеобщихъ историковъ", которые, наконецъ, были въ

извѣстномъ отношеніи и диллетантами, не получившими предварительной, особенно методической подготовки для работы въ области исторической науки. Конечно, „читаемость“ русскихъ историческихъ работъ по исторіи славянъ внѣ Россіи и области культурнаго и политическаго преобладанія русскаго языка въ извѣстной степени объясняется и доступностью этого языка для славянъ и значительнымъ, поэтому, распространеніемъ знанія этого языка среди нихъ. Я едва ли погрѣшу противъ истины, если скажу, что, въ виду только-что указаннаго условія, даже русская научная литература по исторіи германо-романскаго Запада у славянъ en masse извѣстна болѣе, чѣмъ на самомъ этомъ Западѣ. Едва ли, напримѣръ, въ историческихъ семинаріяхъ университетовъ этого Запада имѣются русскія книги по его исторіи. Но въ то же время я отлично знаю, что русскія историческія работы по исторіи Запада (напримѣръ, работы проф. Карѣева, до его „Исторіи Зап. Европы“ включительно) имѣются въ семинаріяхъ и читаются тамъ студентами западно-славянскихъ (чешскаго и польскихъ) и болгарскаго университетовъ. Такія работы подвергаются и спеціальной научной критикѣ у славянъ, оставаясь неиспользованными на германо-романскомъ Западѣ. Напримѣръ, насколько я знаю, русскія работы проф. Форстена по исторіи „балтійскаго вопроса“ прошли совершенно незамѣченными и, во всякомъ случаѣ, неиспользованными въ исторіографіи Запада, нѣмецкой и французской; зато онѣ вошли въ оборотъ польской исторіографіи, при посредствѣ трудовъ г. Шелонговскаго (Sprawa Północna w w. XVI i XVII, I—II, 1904), хотя бы и подвергнувшаго ихъ довольно суровой критикѣ (I, 6—7). Это—только примѣры...

Желанный расцвѣтъ русской научной литературы по исторіи славянъ, столь важный съ развитыхъ выше точекъ зрѣнія, обусловленъ не только популяризаціей ихъ въ широкихъ слояхъ образованнаго общества и учащейся молодежи. Кромѣ этого, необходима извѣстная реорганизація постановки университетскаго преподаванія названной отрасли исторической науки; сюда относятся: учрежденіе самостоятельныхъ каѳедръ исторіи славянъ, устройство при нихъ семинарій и т. п.

Необходимо и бо̀льшее, чѣмъ было доселѣ, вниманіе къ исторіи славянъ въ программахъ и учебникахъ всеобщей исторіи въ нашихъ среднихъ школахъ, гдѣ все еще широко практикуется зачеркиваніе соотвѣтствующихъ §§ учебныхъ книгъ гг. преподавателями, обычно ничего болѣе и не знающими по исторіи славянъ, кромѣ того, что̀ они со столь легкимъ сердцемъ удаляютъ со страницъ руководствъ. Къ числу очень важныхъ условій подъема изученія славянской исторіи и устраненія только-что указанныхъ явленій въ учебной сторонѣ нашей школы слѣдуетъ отнести и наличность соотвѣтствующей литературы общаго характера.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ русская довольно значительная литература по исторіи славянскихъ народовъ была литературой исключительно монографической. Нѣтъ трудовъ общаго характера. Поэтому, пока не появится оригинальныхъ русскихъ общихъ трудовъ-обзоровъ исторіи отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и всего славянства, приходится позаботиться о переводахъ на русскій языкъ такихъ трудовъ-обзоровъ, имѣющихся въ той или другой славянской ученой литературѣ. Хлопоты о переводѣ труда др. С. Кутшебы на русскій языкъ и редакція этого перевода являются съ моей стороны частичной и скромной попыткой удовлетворить указанную наличную и серьезную русскую культурную нужду.

Я принадлежу къ самымъ рѣшительнымъ противникамъ подчиненія науки политикѣ; но въ то же время я столь же горячо убѣжденъ въ необходимости служенія науки политикѣ, вѣрнѣе — использованія политикой великой работы науки. Можетъ быть, ни въ одной странѣ не приходится такъ настаивать на этой послѣдней точкѣ зрѣнія, какъ именно въ Россіи. Однимъ изъ труднѣйшихъ и насущнѣйшихъ политическихъ вопросовъ въ Россіи является, несомнѣнно, польскій вопросъ. Если постановка и разрѣшеніе его диктуются соображеніями общественнаго и государственнаго утилитаризма и культурно-моральными идеалами, то и голосъ научнаго знанія долженъ быть выслушанъ по этому вопросу, какъ то отлично отмѣчено и въ заключительныхъ

словахъ предисловія г. Кутшебы ко второму, русскому (т. е. настоящему) изданію редактируемой мною книги.

Поэтому-то, подписывая предлагаемую книгу къ печати, я думаю о нуждахъ не только студентовъ, русской науки, русскаго образованнаго общества, но и строителей грядущей новой Россіи, носителей народной воли, работающихъ и имѣющихъ работать въ русской Государственной Думѣ.

Н. Ястребовъ.

28 мая, 1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ, ПОЛЬСКОМУ ИЗДАНІЮ.

Давно уже чувствуется нужда въ такомъ руководствѣ, которое представляло бы исторію строя Польскаго государства. Теперь уже не могутъ удовлетворять ни труды Ленгниха и Скшетускаго, написанные еще во время существованія Польскаго государства, ни сочиненія Бандтке, Гоффмана и Гюппе, предшествовавшія длинному ряду статей и монографій, которыя за послѣднія десятилѣтія столь превосходно разъяснили эту исторію. Послѣднее изъ руководствъ польской исторіи, въ полной мѣрѣ обращавшее вниманіе и на внутреннее развитіе государства, „Dzieje Polski w zarysie“ профессора Бобжиньскаго, уже давно вышло изъ продажи и было написано болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Другія же, болѣе позднія, руководства только мимоходомъ, не исчерпывая дѣла, трактуютъ вопросы внутренняго строя или же, отводя этимъ вопросамъ больше мѣста, все же даютъ скорѣе только собраніе отрывочныхъ свѣдѣній изъ этой области, чѣмъ цѣлостное воззрѣніе на условія и ступени развитія. Причинъ того, что польская наука, несмотря на указанную нужду, все еще не обладаетъ общей картиной исторіи внутренняго устройства Польши, слѣдуетъ искать въ значительныхъ трудностяхъ дѣла. Руководство должно опираться на подготовительныхъ монографическихъ работахъ; и хотя теперь имѣется уже довольно большое количество такихъ работъ, часто прекрас-

ныхъ, все-таки еще нѣтъ обработки ряда вопросовъ первостепенной важности, и даже въ самыхъ важныхъ воззрѣніяхъ (напримѣръ, генезисъ общественнаго строя) нѣтъ еще общепринятыхъ теорій. Приступая къ изданію этого краткаго руководства, я отлично отдавалъ себѣ отчетъ въ указанныхъ трудностяхъ. Пусть великая, столь сильно ощущаемая нужда въ такомъ очеркѣ послужитъ оправданіемъ тому, что я все же не прекратилъ своего труда; кто знаетъ, какъ долго пришлось бы еще ждать, пока монографическія изысканія не охватятъ всѣхъ доселѣ неясныхъ вопросовъ? Можетъ быть, мой опытъ возбудитъ въ людяхъ, болѣе меня призванныхъ къ тому, желаніе взяться за новую обработку предмета, за исправленіе тѣхъ ошибокъ, которыя окажутся въ моей работѣ. Въ изложеніи предмета я руководился двумя соображеніями: дать равномѣрное цѣлое и, по возможности, представить только то, что̀ уже признано и принято въ наукѣ. Для достиженія первой цѣли я переработалъ и обработалъ по источникамъ всѣ тѣ вопросы, которые до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдованы. Очевидно, я даю здѣсь только результаты этихъ изслѣдованій. Желая, по возможности, освободиться отъ необходимости излагать пока еще недостаточно обработанные вопросы, я старался, съ возможной краткостью, обрисовывать ихъ лишь въ главныхъ чертахъ. Отсюда—столь малый, сравнительно съ громадностью предмета, размѣръ книжки. Кромѣ того, цѣлый рядъ воззрѣній чисто принципіальнаго значенія является моей исключительной собственностью. Но это было неизбѣжно. Исторія строя не можетъ быть механическимъ слѣпкомъ свѣдѣній, — она должна представлять развитіе жизни и ея формъ, должна объяснять это развитіе. Я старался, по мѣрѣ своихъ силъ, восполнить досадный пробѣлъ, какой представляетъ здѣсь наша историческая литература. Не мое дѣло судить, насколько я выполнилъ свою задачу.

Авторъ.

Краковъ, въ мартѣ 1905 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ, РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Когда прив.-доцентъ С.-Петербургскаго университета Н. В. Ястребовъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ о переводѣ на русскій языкъ, подъ его редакціей, моей „Исторіи общественно-государственнаго строя Польши“ („Historya ustroju Polski“), то я съ большой готовностью согласился на это предложеніе, такъ какъ оно вполнѣ соотвѣтствовало моему собственному желанію. Правда, между тѣмъ уже появился русскій переводъ (г-жи Пашковичъ) моей книги. Но онъ оказался неудовлетворительнымъ. Кромѣ того, я хотѣлъ сдѣлать въ своей книгѣ нѣкоторыя измѣненія, многое дополнить, чего я не могъ исполнить въ указанномъ переводѣ, такъ какъ онъ появился безъ моего вѣдома. Предлагаемый русскій переводъ уже заключаетъ въ себѣ тѣ исправленія и дополненія, которыя войдутъ и въ подготовляемое второе польское изданіе. Мое горячее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы настоящій переводъ хотя сколько-нибудь помогъ взаимному пониманію двухъ самыхъ большихъ славянскихъ народовъ, которые въ настоящее время переживаютъ столь общія судьбы, а въ прошломъ имѣли столь различную исторію. Знакомство русскихъ читателей съ такой важной стороной польской исторіи, какъ строй общества и государства—хотя бы въ общихъ чертахъ, въ

предѣлахъ руководства, — можетъ быть, разъяснитъ имъ многое не только въ прошломъ, но и въ современномъ положеніи польскаго народа. А взаимное знакомство—необходимая основа для соотвѣтствующаго упорядоченія взаимныхъ отношеній обоихъ народовъ.

Авторъ.

Краковъ, въ мартѣ 1907 года.

ГРАНИЦЫ И РАЗДѢЛЕНІЕ ПРЕДМЕТА.

Исторія устройства Польши обнимаетъ исторію общественнаго и государственнаго строя Польши со времени возникновенія государства до его паденія, т. е. отъ половины X вѣка до 1795 года. Въ теченіе этого времени строй Польши испытываетъ значительныя измѣненія, такъ что для болѣе яснаго изложенія этой исторіи представляется необходимымъ раздѣлить ее на извѣстные періоды. Основу раздѣленія составляютъ различія между періодами, дающія имъ особыя, характерныя черты. Но такъ какъ измѣненія въ строѣ обычно совершаются не бурно и притомъ, что касается различныхъ сторонъ жизни общества или государства, не всегда сходятся, то нельзя выставлять, въ качествѣ границъ періодовъ, какія-либо точныя данныя, а слѣдуетъ общѣе обозначить ихъ. Имѣя въ виду такія характерныя черты эпохъ въ исторіи устройства Польши, можно раздѣлить эту исторію на пять періодовъ, изъ которыхъ послѣдній—собственно лишь начало періода, прерваннаго паденіемъ государства. Слѣдуетъ предпослать имъ особый вводный періодъ, представляющій отношенія до возникновенія настоящаго Польскаго государства, что̀ дастъ возможность лучше выяснить дальнѣйшее развитіе. Эти періоды слѣдующіе:

1) Періодъ вводный--до половины X вѣка, т. е. до возникновенія Польскаго государства. Это—періодъ родовой организаціи.

2) Періодъ I—княжескаго права—до изданія первыхъ привиллегій въ пользу общества въ концѣ XII вѣка.

3) Періодъ II—организаціи общества на основѣ частныхъ привиллегій—до смерти Казиміра Великаго (1370 г.) и Кошицкой привиллегіи (1374 г.).

4) Періодъ III—сословный—до Люблинской уніи (1569 г.) и перваго „безкоролевья“ (1572 г.).

5) Періодъ IV—шляхтскаго господства—до реформъ, начатыхъ во время послѣдняго „безкоролевья (1764 г.).

6) Періодъ V—реформъ—неоконченный, прерванный паденіемъ государства въ 1795.

ВВОДНЫЙ ПЕРІОДЪ.

Этотъ періодъ обнимаетъ время отъ поселенія польскихъ племенъ надъ Вислой, Одеромъ и Вартой вплоть до возникновенія Польскаго государства, а, слѣдовательно, приблизительно до половины X столѣтія.

Родовой строй.

Характерная черта этого періода заключается въ томъ, что основой организаціи являются роды, т. е. союзы лицъ, опирающіеся на кровное родство, на происхожденіе отъ одного праотца, нерѣдко миѳическаго. Организація этихъ родовъ въ точности неизвѣстна: то, что̀ можно сказать о нихъ, главнымъ образомъ опирается на аналогіи съ учрежденіями другихъ народовъ, особенно ближайшихъ, славянскихъ, отчасти же на предположеніяхъ, основанныхъ на знаніи общественныхъ и правовыхъ учрежденій, которыя въ послѣдующую эпоху выступаютъ, уже какъ пережитки, слѣдовательно, только какъ остатки формъ быта, сильнѣе развитыхъ въ болѣе старое время. Очевидно, на такихъ основахъ нельзя слишкомъ смѣло конструировать этотъ первобытный строй. Однако можно намѣтить, по крайней мѣрѣ, основныя линіи этого строя. Принадлежность къ роду опредѣлялась по мужскому родству, т. е. дѣти принадлежатъ къ роду отца. Во главѣ каждаго рода стоялъ начальникъ, безъ сомнѣнія, называвшійся „старостой“ (старѣйшиной). Онъ не былъ обязательно самымъ старшимъ по возрасту членомъ рода. Власть старосты переходила къ его наслѣдникамъ различнымъ способомъ, можетъ быть, чаще всего путемъ назначенія со стороны пред-

1*

шествующаго старосты; но не исключается и выборъ старосты цѣлымъ родомъ. Старосты стремятся къ тому, чтобы удержать это достоинство въ своей семьѣ и, слѣдовательно, превратить его въ наслѣдственное, что̀, конечно, не разъ и удавалось имъ.

Въ родѣ управляетъ староста. Онъ отдаетъ распоряженія, ему должны подчинятся всѣ члены рода. Въ важныхъ дѣлахъ рѣшаетъ родовое вѣче. Составъ такого вѣча неизвѣстенъ ближе; несомнѣнно, какъ это было и повсюду, въ составъ его входили всѣ взрослые мужскіе члены рода. Земля, занимаемая родомъ, составляетъ собственность цѣлаго рода; онъ намѣчаетъ участки подъ обработку для отдѣльныхъ членовъ рода, онъ же управляетъ сборами и запасами. Но уже въ этотъ періодъ существуетъ индивидуальная собственность на недвижимости, слѣдовательно, особенно на орудія производства. Можетъ быть, и у поляковъ, какъ у другихъ славянскихъ народовъ, роды иногда жили совмѣстно, образовавъ большія общія жила, такъ называемыя „общины“ („wspólnoty“), которыя теперь всего чаще называютъ „задругами“—выраженіемъ, заимствованнымъ изъ устройства южныхъ славянъ, гдѣ эти „задруги“ сохранились даже до сихъ поръ. Въ Польшѣ терминъ „задруга“ былъ неизвѣстенъ—и вопросъ о самомъ ея существованіи здѣсь вообще не вполнѣ еще выясненъ.

Съ внѣшней стороны, въ отношеніяхъ къ другимъ родамъ, каждый родъ представляетъ собой какъ бы маленькое государство. Слѣдовательно, въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ выступаютъ не отдѣльные лица, а всегда цѣлый родъ, всегда же и отвѣчающій за дѣйствія этихъ лицъ. Въ случаѣ, если одинъ родъ обидитъ другой и не пожелаетъ потомъ добровольно вознаградить его за обиду, то между родами возникаетъ война, цѣль которой—месть за обиду. Особенно часто происходитъ это въ случаѣ убійства или пораненія члена рода—и тогда война родовъ носитъ названіе „кровавой мести“. Родъ, во имя солидарности, считаетъ каждую обиду своего сочлена обидой цѣлаго рода. Иногда такая война заканчивается—или даже своевременно предупреждается—соглашеніемъ между заинтересованными родами. Родъ, учинившій обиду, вознаграждаетъ за нее, выплачивая выкупъ.

Высшей—сравнительно съ родомъ—формой организацiи является „племя". Племя состоитъ изъ ряда родовъ, болѣе близкихъ другъ другу въ этнографическомъ отношенiи. Такъ, на территорiи позднѣйшей Польши мы встрѣчаемъ на верхнемъ и среднемъ Одерѣ племя Слезанъ, на Вартѣ—Полянъ, на востокъ отъ нихъ, у озера Гопло—Куявянъ, нѣсколько южнѣе — Лэнчичанъ и Сѣрадзянъ. По верхней Вислѣ поселилось племя Вислянъ, дѣлившееся на двѣ части, одну—около Кракова, другую—около Вислицы. Берега Вислы по среднему ея теченiю, заняли Мазуры (Мазовшане), которые, первоначально поселившись только по правому берегу ея, скоро начали занимать и лѣвый берегъ. Но еще не было болѣе близкихъ и постоянныхъ связей даже между родами, принадлежащими къ одному и тому же племени. Роды объединялись только на время, чаще всего для отраженiя общаго врага. Въ случаѣ такого объединенiя, роды (т. е., навѣрно, начальники родовъ, „старосты") выбирали одного предводителя, но только на время опасности, event. одного похода. Но такiе временные предводители старались удержать эту свою власть и далѣе, пожизненно; если же это удавалось имъ, то пробовали передавать ее своимъ дѣтямъ, измѣнять ее въ наслѣдственную. Время отъ времени это могло удаваться. Мы знаемъ, что Висляне уже въ IX вѣкѣ имѣли своего князя. Но вплоть до половины X вѣка ни одинъ изъ этихъ князей не добился бо́льшаго значенiя, не создалъ государства, которое сохранилось бы на болѣе продолжительное время. Это удалось только Пястамъ, которые приблизительно около половины X вѣка—а, можетъ быть, и нѣсколько ранѣе—установили свою княжескую власть надъ племенемъ Полянъ и такимъ образомъ положили основанiе для возникновенiя Польскаго государства. *Племена.*

Уже въ эту эпоху на территорiи позднѣйшаго Польскаго государства существуютъ, по свидѣтельству археологическихъ изслѣдованiй, многочисленные „гроды". Это—родовые „гроды", устраиваемые родами, въ качествѣ опорныхъ пунктовъ, въ случаѣ войны, и, конечно, въ качествѣ центровъ языческаго культа. Однако мы не знаемъ ближе организацiи этихъ гродовъ (городовъ). Несомнѣнно, и племена общими силами возводили такiе „гроды", которые можно *Гроды.*

Общественный строй. Общественный строй Польши въ теченіе этой эпохи подвергается очень медленной, но глубокой перемѣнѣ. Пока въ полной силѣ держалась родовая организація, можно было отличать только свободныхъ и несвободныхъ людей. Однако, уже въ теченіе этого періода роды начинаютъ распадаться. Съ одной стороны, здѣсь дѣйствовало стремленіе отдѣльныхъ членовъ рода порвать родовыя узы, — стремленіе, встрѣчаемое всюду, гдѣ только существовали роды, съ другой же стороны—дѣятельность правителя, который поддерживалъ такое разрушеніе родовъ, ибо сильные роды, оставаясь подъ властью своихъ старостъ, слишкомъ стѣсняли власть князя, которую онъ хотѣлъ все болѣе расширить. Родовые старосты все болѣе теряютъ свое значеніе, наконецъ, и совсѣмъ исчезаютъ. Погибаютъ и родовыя вѣча. Родовое имущество подвергается раздѣламъ: вырабатывается инвидуальная собственность на недвижимость. Однако сознаніе принадлежности къ роду продолжаетъ еще существовать. Признакомъ ея являются общіе родовые девизы, такъ называемые „кличи" („zawołania", proclamationes), идущіе еще изъ первобытной эпохи. Родовая общность еще долго проявляется въ обязанности кровавой мести, ровно какъ и въ правахъ на имущество кровныхъ родственниковъ, — правахъ, стѣсняющихъ членовъ рода въ произвольномъ распоряженіи ихъ недвижимой собственностью.

„Можные". Въ силу постепеннаго паденія родовъ начали возникать значительныя имущественныя различія даже между членами одного и того же рода. Нерѣдко уже при дѣлежѣ родового имущества одни получали больше другихъ, или въ виду ихъ значенія въ родѣ или вслѣдствіе менѣе сильнаго размноженія извѣстныхъ линій. Служба князьямъ при дворѣ, или въ администраціи страны, или на войнѣ точно также помогала возвышенію и пріобрѣтенію большаго значенія. Такимъ образомъ постепенно начинаетъ вырабатываться особый слой людей, называемый по-латыни „nobiles" (благородные). По-польски можно было бы назвать ихъ „можными"; какъ ихъ дѣйствительно называли тогда, мы не знаемъ. Это не былъ какой-нибудь замкнутый слой: въ него постоянно вступали новые члены, зато другіе, попавъ въ немилость князя или обѣднѣвъ, теряли свое значеніе.

„Можные“—одна изъ основъ образованія шляхты, хотя въ то время нельзя еще говорить о существованіи шляхты, такъ какъ дѣло идетъ только объ отдѣльныхъ лицахъ, занимавшихъ фактически болѣе высокое положеніе въ обществѣ, но еще не обладавшихъ никакими личными правами относительно князя.

Дружина.

Къ этому естественному расчлененію (дифференціаціи) общества, къ образованію слоевъ, хотя еще не обособленныхъ въ правовомъ отношеніи, присоединяется и другой факторъ, который, дѣйствуя совмѣстно съ первымъ и соединяясь съ нимъ, и повліялъ потомъ на возникновеніе шляхты. Этотъ факторъ—военная служба и связанная съ ней раздача земель. Первоначально, въ случаѣ надобности, на войну призывался цѣлый родъ, т. е. всѣ его мужскіе члены. Но когда начала утверждаться княжеская власть, такой порядокъ оказался уже неудовлетворительнымъ. Роды все неохотнѣе брались за оружіе по княжескому призыву; въ свою очередь, князь также неохотно обращался къ родамъ, ибо такое обращеніе къ нимъ за помощью вліяло на усиленіе значенія родовъ, чему князь постоянно старался противодѣйствовать. Такимъ образомъ князь ищетъ другихъ формъ, создаетъ новыя учрежденія, которыя позволили бы ему обойтись безъ помощи родовъ. Возникаетъ дружина. Мы встрѣчаемъ ее при Мѣшкѣ I и Болеславѣ Храбромъ. Къ дружинѣ главнымъ образомъ—но не обязательно—принадлежали молодые люди, бросавшіе свои роды и примыкавшіе къ князю, предлагая ему свои услуги. Они составляли постоянную вооруженную свиту и подчинялись только княжескому приказу. Князь размѣщалъ ихъ по „гродамъ“, какъ, напримѣръ: Познань, Крушвица, Гѣчъ и т. д. Онъ могъ каждую минуту призвать ихъ на войну и вести, куда захочетъ. За эту службу онъ кормилъ ихъ, одѣвалъ, вооружалъ, щедро одарялъ, обезпечивалъ ихъ дочерей и сыновей и т. п. Невелика была эта армія—навѣрное, въ нѣсколько тысячъ или въ нѣсколько десятковъ тысячъ, но зато она зависѣла не отъ родовъ, а отъ князя и подчинялась исключительно ему. Но дружина исчезла, вѣроятно, уже вскорѣ послѣ Болеслава Храбраго, ибо позднѣе нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея. Она распалась, ибо вообще дружина является только переходной формой въ первоначальные періоды возникновенія государства.

царская служба.

На ряду съ дружиной, конечно, еще во время ея существованія, возникаетъ и другое учрежденіе, на которомъ въ теченіе долгаго времени должна была опираться обязанность военной службы. Князья начинаютъ раздавать землю, а земли они имѣютъ очень много, ибо имъ принадлежитъ никѣмъ еще не занятая земля, ибо они прежде всего имѣютъ невольниковъ (главнымъ образомъ плѣнныхъ), которыхъ могутъ сажать на пашню. Государи раздаютъ эту землю не въ полную собственность, а „jure militari“—на рыцарскомъ правѣ. Кто получилъ землю отъ князя, тотъ былъ обязанъ военной службой ему, по первому его призыву, ибо земля и давалась во владѣніе собственно только подъ условіемъ этой военной службы. Кромѣ того, на этихъ земляхъ лежалъ цѣлый рядъ повинностей въ пользу князя, которыя назывались „княжескимъ правомъ“, а именно: „сторожа“ (stróża), или стража, доставка подводъ для государя и его чиновниковъ и даже для слугъ его (podwody, przewod, powoz), устройство засѣкъ въ лѣсахъ, въ случаѣ вражескаго нападенія (przesieka), постройка, event. исправленіе „гродовъ“, мостовъ и т. д., равно какъ и повинность извѣстныхъ платежей натурой, а именно, скотомъ („narzaz“—на рѣзню) и хлѣбомъ (osep), опредѣляемыхъ и по способу ихъ сбора („подворное“—„podworowe“, по дворамъ, „ополье“—„opole“, по ополямъ), а въ исключительныхъ случаяхъ—и денежныхъ платежей („образъ“—„obraz“). Землю, обремененную такими повинностями, получалъ тотъ, кто принималъ на себя обязанность военной службы. Латинскимъ названіемъ для обозначенія лицъ, входившихъ въ такія отношенія къ государю, было „miles“, по-польски, несомнѣнно,—„вой“ (woj) или, можетъ быть, и „витязь“ (witeź). Это отношеніе—похоже на ленное, именно поскольку дѣло касается земли, которую ленникъ, подобно вою, получалъ отъ князя. Однако не было подчиненности лицъ, принимавшей точно опредѣленныя формы, въ случаѣ ленныхъ отношеній. Первоначально вой получалъ землю, навѣрное, на такой срокъ, какой допускался княземъ, позднѣе же—пожизненно, какъ это можно подтвердить съ полной опредѣленностью. Но, очевидно, эти пожалованія могли быть различной величины. Въ зависимости отъ милости князя, одни получали по нѣскольку или по нѣскольку десятковъ

деревень, другіе—маленькіе участки земли. Особенно много такихъ мелкихъ „воевъ“ на маленькихъ участкахъ земли было помѣщено на границахъ государства, которымъ угрожали частыя нападенія (напримѣръ, въ Мазовіи). Но уже въ теченіе этого періода совершаются нѣкоторыя важныя перемѣны въ отношеніяхъ „воевъ“ къ землѣ. Среди нихъ проявляется стремленіе превратить эти земли, пожалованныя на рыцарскомъ правѣ, въ наслѣдственныя, чтобы сыновья и внуки могли сохранить ихъ за собой послѣ своихъ отцовъ. „Вои“ въ теченіе этого періода постепенно проводятъ въ жизнь принципъ наслѣдственности. Положеніе ихъ усиливается какъ относительно другихъ слоевъ населенія, такъ и относительно князя. Они возвышаются надъ уровнемъ общества, подлежатъ только княжескому суду. Понятія „nobilis“ и „miles“ постепенно начинаютъ сближаться. Почти каждый „можный“ вступаетъ въ тѣ же отношенія къ князю, что̀ и „вой“; князь же, наоборотъ, выбиралъ своихъ чиновниковъ изъ среды „milites“. Но понятія эти еще не тожественны: каждое еще имѣетъ свое собственное, особое значеніе.

Свободные и несвободные.

Когда, такимъ образомъ, нѣкоторыя семьи среди общества подымаются вверхъ, другія семьи, лишившись опоры со стороны распадающихся родовъ и будучи слишкомъ слабыми экономически, начинаютъ опускаться все ниже и ниже. Очевидно, это тоже очень медленной процессъ, продолжающійся цѣлыя столѣтія; онъ не оканчивается въ эту эпоху и тянется значительно дольше. Съ теченіемъ времени свободные люди, сидящіе на своей собственной землѣ, исчезаютъ. Не имѣя силъ удержать свою самостоятельность, они начинаютъ селиться на чужихъ земляхъ, или княжескихъ или церковныхъ, такъ что уже въ XII вѣкѣ терминъ „свободный“ (liber) начинаетъ обозначать именно только такихъ людей, людей лично свободныхъ, но обрабатывающихъ не свою, а чужую землю. Постепенно начинаютъ уравниваться условія экономическаго быта людей свободныхъ и несвободныхъ, начинаетъ вырабатываться изъ нихъ особый слой „зависимыхъ людей“, хотя это явленіе сильнѣе обрисовывается только въ слѣдующую эпоху.

Количество несвободныхъ людей въ теченіе этого періода все еще увеличивалось, особенно вслѣдствіе почти

влялся собственно противъ этихъ притязаній императора, былъ внѣшнимъ выраженіемъ независимости Польши отъ имперіи. Послѣдній разъ опредѣленно говорится о ленныхъ обязанностяхъ относительно имперіи, равно какъ и о дани, въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ 1157 г. въ Кшишковѣ (Krzyszkow). И хотя Польша скоро снова перестала исполнять эти обязанности, однако имперія больше уже не выступала со своими притязаніями.

Чтобы ослабить значеніе этихъ отношеній къ имперіи, уже Мѣшко I ищетъ сближенія съ Римомъ и въ 985—992 г. отдаетъ Польшу (на основаніи такъ называемаго „Даренія Гнѣзна") подъ защиту апостольскаго Престола. Это было такъ называемое „отношеніе протекціи", въ знакъ котораго польскіе правители платили въ пользу папы постоянную ежегодную дань, позднѣе (кажется, въ теченіе XII и XIII вѣка) замѣненную податью, которую платили всѣ обыватели, подъ именемъ „динарія Св. Петра" (świętopietrze). Польша, находясь подъ протекціей папы, была „непосредственно подчинена" (immediate subiecta) ему, т. е. помимо императора. И эти отношенія не разъ прерывались, особенно въ случаѣ болѣе сильнаго давленія со стороны императора. Но они снова возобновлялись, преимущественно по поводу коронаціи. Съ XII-го вѣка Польша уже постоянно платитъ „динарій Св. Петра", такъ что эта обязанность составляетъ характерную черту, отличающую польскія земли отъ сосѣднихъ земель.

Княжеская власть. Что касается внутренней стороны власти князей, то зависимость Польши отъ императора или папы не оказывала здѣсь никакого вліянія. И для существа этой власти было совершенно безразлично, княземъ или королемъ титуловался государь. Такъ называемая „Гнѣзненская коронація" 1000 года имѣла лишь то значеніе, что польскій князь получилъ тогда право назначать епископовъ—право, по средневѣковымъ понятіямъ, принадлежавшее лишь королямъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи съ 1000 года польскій князь сравнялся съ другими королями. Впрочемъ, это не была настоящая коронація, ибо только папа, а не императоръ имѣлъ право раздавать короны. Во внутреннихъ дѣлахъ князь, или король, является абсолютнымъ государемъ. Первоначально его ограничивали роды; по мѣрѣ ихъ распаденія, власть Пястовъ росла. Уже

въ моментъ появленія Польши на исторической аренѣ эта власть является наслѣдственною въ родѣ Пястовъ, но только въ мужской линіи. Женщины совершенно устранены отъ власти—какъ онѣ сами не могутъ получить власти, такъ и ихъ потомки не имѣютъ правъ на нее. Послѣ отца власть переходитъ къ сыновьямъ, затѣмъ къ внукамъ; никто не можетъ отнять у нихъ этого права. На государство Пясты смотрятъ, какъ на свою частную собственность, и потому дѣлятъ его между своими потомками, какъ обыкновенное частное имущество. Опредѣленіе удѣловъ и ихъ величины зависѣло только отъ распоряженія умирающаго государя. Слѣдовательно, одному сыну—притомъ не обязательно старшему—онъ можетъ дать больше, чѣмъ другому; но онъ не можетъ совершенно обойти своихъ сыновей и внуковъ. Въ случаѣ отсутствія мужскихъ потомковъ, право на престолъ имѣютъ всѣ мужскіе кровные родственники, при томъ безотносительно къ степени ихъ родства, ибо эта степень, по польскому праву, не имѣетъ никакого значенія при наслѣдованіи. Но кто именно изъ этихъ мужскихъ родственниковъ (право ихъ опредѣляется, какъ гипотетическое) получитъ наслѣдство, это зависитъ отъ воли умирающаго владѣтеля. Онъ назначаетъ наслѣдника, хотя только изъ среды мужскихъ кровныхъ родственниковъ; но кого изъ нихъ выбрать—это зависитъ исключительно отъ него. Слѣдовательно, онъ можетъ передать все государство какому-нибудь дальнему кровному родственнику, помимо болѣе близкихъ, но можетъ призвать къ наслѣдованію и нѣсколькихъ родственниковъ, раздѣляя государство между ними. Въ это время Польша постоянно подвергалась раздѣламъ. Только благодаря стеченію обстоятельствъ, эти раздѣлы существовали короткое время; чаще всего одинъ изъ совладѣльцевъ изгонялъ другихъ и возстановлялъ единство. Слѣдовательно, раздѣлъ Польши въ 1139 году не былъ первымъ; онъ отличался отъ предшествующихъ лишь тѣмъ, что удержался, и что Болеславъ Кривоустый ввелъ тогда новое учрежденіе,—такъ называемый „принципатъ“.

Принципатъ.

Собственно, и это учрежденіе не было совершенно новымъ. И при предшествующихъ раздѣлахъ одинъ изъ князей нерѣдко получалъ и сравнительно бóльшій удѣлъ и верховную

власть надъ остальными князьями. Но теперь это должно было стать постояннымъ учрежденіемъ. Тотъ князь, которому доставалась верховная власть—можетъ быть, онъ назывался великимъ княземъ—долженъ былъ владѣть, сверхъ своего удѣла, еще землями Краковской, Лэнчицкой и Сѣрадзьской. Онъ завѣдывалъ сношеніями съ заграницей, замѣщалъ Гнѣзненское архіепископство, предводительствовалъ войскомъ, чтò было связано съ правомъ занятія важнѣйшихъ крѣпостей, осуществлялъ ленное верховенство надъ Поморьемъ, а также обладалъ и другими правами, точное опредѣленіе которыхъ, впрочемъ, невозможно.

По распоряженіямъ завѣщанія Болеслава Кривоустаго, принципатъ долженъ былъ постоянно переходить къ самому старшему по возрасту члену рода Пястовъ, безотносительно къ степени его родства съ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ былъ предъ тѣмъ принципатъ, т. е. по принципу сеньората. Однако этотъ принципъ не разъ нарушался—и снова появлялся на практикѣ. Для поддержки правовыхъ притязаній не разъ обращались за нхъ легализаціей къ папамъ: въ 1181 году младшая линія (Казиміра Справедливаго) получила отъ папы признаніе замѣны принципа сеньората принципомъ примогенитуры, т. е. наслѣдованія старшаго сына послѣ отца, перемѣны, совершенной въ пользу этой линіи, съ согласія „можныхъ", на съѣздѣ въ Лэнчицѣ, между тѣмъ какъ еще позднѣе, въ 1210 г., папа снова подтвердилъ, въ качествѣ обязательнаго, принципъ сеньората. Побѣда того или другого принципа зависѣла отъ соотношенія фактическихъ условій, отъ силы каждаго претендента.

Должности. Однако князю, абсолютному государю, нужны были помощники для управленія столь обширнымъ государствомъ. Пясты организуютъ Польское государство, и кажется,—точно нельзя подтвердить этого—что главныя основы этого зданія были заложены Болеславомъ Храбрымъ. Задача была облегчена тѣмъ, что польскіе правители могли слѣдовать здѣсь примѣру Запада. Такія отношенія дѣлали возможнымъ переходъ въ Польшу учрежденій, уже ранѣе выработавшихся на Западѣ. Должности, развившіяся въ Польшѣ, въ значительной своей части тоже идутъ отъ франкскихъ образцовъ, хотя, кажется, не прямо, а при посредни-

чествѣ Чехіи. Но имѣются и извѣстныя специфически-польскія особенности. Въ управленіи государствомъ князь опирается на такъ называемыхъ „comites". Тѣ, кого князь зачислилъ въ „comites", были обязаны исполнять повелѣнія князя, хотя могли и не имѣть строго опредѣленнаго круга дѣятельности: князь могъ и лишь время отъ времени поручать имъ какія-нибудь дѣла. Изъ среды этихъ „comites" князь обычно выбиралъ и своихъ чиновниковъ.

Среди должностей слѣдуетъ различать двѣ группы: придворныя (дворцовыя) и провинціальныя. Придворныя должности тѣсно связаны съ личностью князя; на ряду съ придворными функціями, они исполняютъ и функціи государственныя. Ибо эти понятія придворныхъ и государственныхъ должностей—тожественны, и различія между ними тогда скорѣе еще не существуетъ. Самымъ вліятельнымъ среди придворныхъ чиновниковъ былъ „comes palatinus", первоначальное польское названіе котораго неизвѣстно. Это — одинъ изъ комесовъ, завѣдывающій дворцомъ, какъ замѣститель князя. Въ случаѣ надобности, по порученію князя, онъ замѣщаетъ его въ судахъ, въ случаѣ военнаго похода и т. д. При Владиславѣ Германѣ „palatinus" особенно часто предводительствуетъ войскомъ вмѣсто князя. Въ виду того, что эти функціи его были очень обычны и замѣтны, его и стали называть по-польски „воеводой" (wojewoda); впрочемъ, это названіе не характеризуетъ его настоящаго положенія. Замѣстителемъ его является подкоморій (podkomorzy, succamerarius), главной функціей котораго былъ, конечно, контроль надъ управленіемъ княжескихъ имѣній. Управленіе королевскимъ „скарбомъ" (казной) находится въ рукахъ „скарбника". Канцлеръ ведетъ канцелярію князя. Существуютъ извѣстные признаки, указывающіе на то, что, можетъ быть, первоначально канцлеромъ, по принципу, былъ познанскій епископъ; но это не вполнѣ достовѣрно. Судья (sędzia) засѣдаетъ на княжескихъ судахъ рядомъ съ княземъ и помогаетъ ему въ выполненіи процессуальныхъ формальностей; однако самый приговоръ, т. е. его содержаніе, зависѣлъ всегда только отъ государя. Стольникъ подаетъ блюда на пирахъ и завѣдываетъ кухней; чашникъ (cześnik) смотритъ за погребомъ; мечникъ носилъ передъ королемъ его мечъ; хорунжій (chorąży)—знамя и т. д. По-

печенiе о княжескихъ дѣтяхъ, т. е. собственно рыцарское попеченiе, лежитъ на такъ называемыхъ „педагогахъ" („nutritor" по-латыни), которыхъ по-польски, можетъ быть, называли „пѣстунами" или „пястами" (piast). Однако всѣ эти должности возникли не сразу; теперь даже невозможно точно опредѣлить, съ какихъ именно поръ онѣ существуютъ въ Польшѣ. Съ теченiемъ времени ихъ количество возрастаетъ; кромѣ того, должностные лица—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ—получаютъ и замѣстителей, именно: канцлеръ—подканцлера, судья—подсудка, стольникъ—подстольника, чашникъ — подчашника и т. д. Чаще всего эти сановники бываютъ и комесами, хотя это не обязательно.

Дворцовый характеръ этихъ должностей ведетъ къ тому, что, если, въ связи съ раздѣлами, появляется больше князей, то каждый изъ нихъ образуетъ для себя особый дворъ. Чѣмъ больше въ странѣ князей, тѣмъ больше и воеводъ, подкоморiевъ и т. д., хотя, очевидно, не всѣ дворы одинаково многочисленны. И наоборотъ, если какое-нибудь княжество почему-либо перестаетъ существовать и входитъ въ составъ другого (инкорпорацiя), то исчезаютъ и его чиновники. Этотъ характеръ „придворности" должностей, если можно воспользоваться этимъ выраженiемъ, удерживается въ теченiе всего разсматриваемаго перiода, и даже еще нѣсколько дольше.

„Гродской" строй. Управленiе страной опирается на организацiи „гродовъ". Гроды, какъ крѣпости, существовали и прежде, даже во время родовой организацiи. Но только послѣ появленiя княжеской власти вся страна покрывается сѣтью „гродовъ", и организацiя эта становится основой для управленiя государствомъ. Особенно многочисленны были гроды на границахъ, напримѣръ, въ Силезiи и Мазовiи и т. д., но довольно много было ихъ и внутри страны. Задача и цѣли ихъ двоякiя. Прежде всего, это—укрѣпленiя. Обладанiе ими рѣшаетъ вопросъ о владѣнiи страной: войны ведутся за гроды. Потому-то большинство ихъ и находится на границахъ. Пока существовала дружина, князь размѣщалъ ее по гродамъ, но и позднѣе гроды имѣютъ постоянный, хотя и небольшой гарнизонъ. Кромѣ того, „гроды" являются основой для управленiя княжескими имѣнiями, слѣдовательно, выполняютъ важныя хозяйственныя функ-

ціи. Потому-то ихъ много и внутри государства. Земельное имущество короля — огромно: вѣдь, въ то время оно было главнымъ и, собственно, единственнымъ источникомъ его доходовъ. Это имущество было организовано на основѣ „гродского строя“. Къ каждому „гроду“ принадлежитъ извѣстная часть княжескихъ деревень, которая въ литературѣ часто, но неправильно опредѣлялась названіемъ „нарокъ“ (narok). Однѣ изъ этихъ деревень — это такъ называемыя „служебныя поселенія“, встрѣчаемыя около большихъ „гродовъ“. Таковы, напримѣръ: Пекари, Скотники, Щитники и т. д. Здѣсь жили несвободные пекаря, скотники (т. е. рѣзаки), щитники (т. е. люди, изготовляющіе щиты) и т. д., обязанные доставлять въ „гроды“, для ихъ гарнизона, хлѣбъ, мясо, щиты и т. п. Кажется, эти „служебныя поселенія“ появляются со времени дружинной организаціи. Уже въ XII-мъ вѣкѣ они приходятъ въ упадокъ, почти не выполняютъ своихъ функцій, ибо съ исчезновеніемъ дружины уже не было такой нужды въ нихъ. Другія деревни, принадлежащія къ „гроду“, были заняты земледѣльческимъ населеніемъ, организованнымъ либо въ сотни и десятки (организація эта держится еще до XIII в.), либо въ ополья. Опольная организація, кажется, моложе сотенной. Въ то время, какъ сотенная организація объединяетъ людей въ группы безотносительно къ ихъ мѣстожительству, ихъ сосѣдству или разбросанности, и отдаетъ ихъ подъ власть десятниковъ и сотниковъ,—ополье обнимаетъ извѣстное число сосѣднихъ деревень, слѣдовательно, замкнутую территорію, хотя вообще и различной величины. Люди, живущіе въ предѣлахъ ополья—свободные и несвободные, обязаны сообща платить извѣстныя дани (опольная корова, опольный быкъ и т. д., или по-просту—ополье), сообща нести отвѣтственность, если въ предѣлахъ ихъ территоріи найдутъ убитаго, свидѣтельствовать въ спорахъ о границахъ. Правда, ополья были введены не вездѣ: сравнительно сильнѣе эта организація принялась въ Великой Польшѣ. „Ополья“ существуютъ въ княжескихъ имѣніяхъ на ряду со служебными и съ сотенными деревнями. Къ одному „гроду“ можетъ тянуть и нѣсколько ополій и всего только одно; въ „гродскихъ“ имѣніяхъ можетъ даже и вовсе не быть опольной организаціи. Всѣ эти проживающіе въ деревняхъ

люди, принадлежащіе къ извѣстному „гроду“, подчиняются ему и—въ частности—обязаны доставлять въ гродъ свои дани. Князь ѣздитъ по странѣ изъ „грода“ въ „гродъ“. Онъ не можетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, ибо ему скоро не хватило бы средствъ для существованія, которыя очень трудно было достать въ тогдашнихъ первобытныхъ условіяхъ жизни. Такимъ образомъ, разъѣзжая по странѣ, князь потребляетъ запасы „гродовъ“, устраиваетъ праздничные пиры, производитъ щедрыя даренія и т. д. Все это одновременно имѣетъ и политическое значеніе, ибо такимъ способомъ князь даетъ населенію возможность увидѣть, узнать княжеское величіе и мощь.

Однако многія изъ княжескихъ деревень выходятъ изъ-подъ непосредственной власти „грода“ либо путемъ даренія въ пользу церкви, либо какъ рыцарскія имѣнія, идущія въ надѣлъ для „milites“. Впрочемъ, такого рода выходъ деревень изъ-подъ власти грода нельзя считать полнымъ. Хотя теперь такія деревни подчинены власти церкви или „воевъ“, все же извѣстныя узы и потомъ еще связываютъ ихъ съ „гродами“: въ „гродъ“ должны онѣ доставлять свои дани, вытекающія изъ княжескаго права, въ той или другой степени еще сохранившагося у князя, въ „гродѣ“ находятъ онѣ защиту, въ случаѣ опасности и т. д. Такимъ образомъ предѣлы власти „гродовъ“ гораздо шире границъ собственныхъ княжескихъ имѣній. Но все же „гродамъ“ подчиняются не всѣ деревни, особенно—старыя, еще родовыя владѣнія. Послѣднія остаются внѣ предѣловъ „гродской“ организаціи. Слѣдовательно, гродская организація, будучи очень важной, все же не представляетъ, какъ думали прежде, такого дѣленія страны, въ которое включались бы всѣ поселенія. Князь размѣщаетъ по „гродамъ“ своихъ людей. Такой „грододержецъ“ имѣетъ, съ одной стороны, военную власть, ибо гродъ—укрѣпленіе; слѣдовательно, на немъ лежитъ защита „грода“, предводительство гарнизономъ. Но, на ряду съ этимъ, онъ является и хозяйственнымъ чиновникомъ, собираетъ дани съ деревень, сохраняетъ запасы въ амбарахъ и погребахъ и т. д. Ему же принадлежитъ и судебная власть надъ населеніемъ — свободнымъ и несвободнымъ,— живущимъ въ церковныхъ и рыцарскихъ имѣніяхъ, поскольку эти имѣнія еще не изъяты изъ-подъ власти „грода“.

Назначеніе „гродского“ начальника зависѣло отъ воли князя. Нерѣдко такими начальниками бывали очень второстепенныя лица. При первыхъ Пястахъ ихъ называютъ, по примѣру франкскаго государства, „vicedomini“, или „vastaldiones“. Но затѣмъ, въ особенности съ XII-го вѣка, король все чаще и чаще назначаетъ въ гроды своихъ „комесовъ“. Нѣсколько позднѣе это становится даже постояннымъ правиломъ. Для различенія отъ другихъ комесовъ ихъ стали называть еще „comites castellani“, а въ теченіе XIII-го вѣка просто „castellani“—„каштелянами“, гродъ же съ тянущимъ къ нему округомъ стали называть „каштелянствомъ“.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

Характеристика періода.— Привиллегія и иммунитетъ.

Границы этого періода составляютъ: первыя привиллегіи, появляющіяся въ Польшѣ въ концѣ XII-го вѣка, — и годы 1370 и 1374, какъ даты смерти Казиміра Великаго и Кошицкой привиллегіи. Этотъ періодъ можно назвать періодомъ организаціи общества на основѣ частныхъ (личныхъ) привиллегій. Княжеская власть, до тѣхъ поръ тяготѣвшая надъ населеніемъ всей полнотой своего абсолютнаго верховенства, теперь постепенно начинаетъ уступать свои права въ пользу извѣстныхъ слоевъ общества, а именно: духовенства, рыцарства (milites), которое постепенно превращается въ шляхту (дворянство), и вновь возникающихъ городовъ. До сихъ поръ княжеское право — „jus ducale“ — въ болѣе широкомъ значеніи этого слова, т. е. со всею указанною полнотою власти, не знало никакихъ точныхъ, опредѣленныхъ границъ. Теперь начинаютъ возникать эти границы. Ихъ создаютъ именно издаваемыя князьями привиллегіи. Содержаніе привиллегій—иммунитетъ. Государь опредѣляетъ свободы тѣхъ, въ чью пользу даются привиллегіи, и самъ обязывается не вторгаться въ предѣлы этихъ свободъ. Отсюда этотъ періодъ можно было бы назвать и періодомъ иммунитета. Всѣ привиллегіи и иммунитеты имѣютъ одну общую черту, очень характерную для разсматриваемаго періода. Это — частныя привиллегіи; князья издаютъ ихъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ или учрежденій, а не въ пользу какихъ-либо группъ людей. Такихъ группъ собственно еще не существуетъ. Такимъ образомъ

изданная княземъ привиллегія служитъ лишь тому лицу или учрежденію, въ пользу котораго она дана государемъ. Слѣдовательно, каждый отдѣльный епископъ, если дѣло касалось мірского духовенства его епархіи, каждый монастырь въ отдѣльности, каждый отдѣльной рыцарь (miles), наконецъ, каждый отдѣльный городъ должны были хлопотать о полученіи иммунитета. Съ той поры привиллегія регулируетъ ихъ отношенія къ государю. Но хотя каждый имѣетъ свою собственную привиллегію и только на нее можетъ ссылаться, хотя между привиллегіями существуютъ различія, все же содержаніе привиллегій, по существу, очень сходно, и потому-то онѣ все болѣе и болѣе уподобляются другъ другу. Всѣ лица, имѣющіе такія сходныя привиллегіи, сближающіеся другъ съ другомъ, благодаря общности цѣлей и стремленій, теперь начинаютъ объединяться въ отношеніяхъ къ князю и все сильнѣе и ярче обособляться въ отношеніяхъ къ другимъ слоямъ общества. Въ концѣ концовъ, это приводитъ къ тому, что общественные слои замыкаются, превращаются въ сословія. Внѣшнимъ выраженіемъ уже законченнаго развитія и являются такія привиллегіи, которыя издаются не въ пользу частныхъ лицъ, а въ пользу всѣхъ тѣхъ, кто на почвѣ предшествующихъ привиллегій уже образовали сильно сплоченный слой—сословіе. Такой первой общей привиллегіей является привиллегія, изданная для шляхты въ 1374 г. въ Кошицахъ и потому называемая Кошицкой. Въ этомъ заключается великое значеніе Кошицкой привиллегіи.

Духовенство.

Во главѣ этого общественнаго развитія идетъ духовенство. До сихъ поръ и оно подчинялось власти монарха, ибо христіанство въ Польшѣ введено было государствомъ и оба эти учрежденія развивались совмѣстно, взаимно помогали другъ другу. На Западѣ церковь раньше начинаетъ предъявлять требованія, имѣющія своей цѣлью самыя широкія свободы. Основы этихъ требованій заключались отчасти въ существенныхъ принципахъ церкви, отчасти же развились въ теченіе исторіи. Въ Польшѣ этотъ историческій процессъ появляется позднѣе, ибо реформы Григорія VII въ свое время были для нея еще преждевременны. Первыя попытки польской церкви получить свободы идутъ лишь съ конца XII вѣка, а первая привиллегія въ пользу церкви—

это такъ называемая Лэнчицкая привиллегія 1180 года. И само развитіе этихъ свободъ подвигается въ Польшѣ нѣсколько иначе, чѣмъ на Западѣ, ибо въ Польшѣ, по западному образцу, требованія церкви выступаютъ почти всѣ сразу, а что касается ихъ осуществленія, то прежде всего идутъ требованія политическаго характера и уже потомъ—требованія имущественнаго характера, т. е. въ порядкѣ обратномъ сравнительно съ Западомъ. Церковь уже въ началѣ XIII вѣка добилась принципіальнаго признанія того, что выборъ епископовъ — исключительно внутреннее дѣло Церкви и долженъ производиться капитулами. Такимъ образомъ, послѣ ожесточенной, хотя и не особенно продолжительной борьбы, былъ устраненъ господствовавшій до тѣхъ поръ обычай назначенія епископовъ князьями. Слѣдовательно, этотъ эпизодъ соотвѣтствуетъ борьбѣ за инвеституру въ Германіи. Нѣсколько медленнѣе идетъ дѣло пріобрѣтенія церковью такъ называемаго „privillegium fori". Церковь присвоила себѣ право исключительнаго рѣшенія такихъ дѣлъ, гдѣ въ качествѣ обвиняемаго выступало духовное лицо,—безразлично и гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, — равно какъ и право суда по всѣмъ дѣламъ (хотя бы и между мірянами), которыя касались Таинствъ, или вообще вопросовъ вѣры, или такъ называемыхъ „causae spirituales". Въ теченіе XIII вѣка церковь отвоевала себѣ не только это, но даже и болѣе значительныя права, ибо подчинила своей юрисдикціи, наряду съ „causae spirituales", и такъ называемыя „causae spiritualibus annexae", т. е. дѣла, только отчасти соприкасающіяся съ вопросами вѣры. А такъ какъ церковные суды, организованные по общецерковнымъ правиламъ, дѣйствовавшіе лучше судовъ свѣтскихъ, скоро начали пользоваться большимъ уваженіемъ, то стали уже добровольно отдавать на ихъ рѣшеніе и такія дѣла, которыя принципіально подлежали свѣтскимъ судамъ. Вслѣдствіе этого дѣятельность церковныхъ судовъ развилась такъ сильно, что государство уже въ XIV вѣкѣ стало заботиться о томъ, чтобы чисто свѣтскія дѣла не отдавались на рѣшеніе церковныхъ судовъ. Однако эти запрещенія помогли мало. Только дѣла о земельныхъ имуществахъ (такъ наз. causae haereditariae) навсегда остались въ вѣдомствѣ свѣтскихъ судовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ шелъ между духовными лицами.

Одновременно съ тѣмъ церковь хлопочетъ о пріобрѣтеніи иммунитета для своихъ владѣній, т. е. освобожденія ихъ отъ всѣхъ повинностей княжескаго права, отъ всякаго вмѣшательства княжескихъ властей въ жизнь населенія этихъ имѣній. Эти хлопоты длятся довольно значительное время, начиная съ Лэнчицкой привиллегіи 1180 г., которая признаетъ уже за духовенствомъ извѣстныя, еще небольшія, привиллегіи. Въ однѣхъ областяхъ Польши (Краковъ, Силезія) церковь пріобрѣтаетъ эти права скорѣе, въ другихъ (Великая Польша, Куявы, Мазовія)—медленнѣе, позднѣе. Вслѣдъ за мірскимъ духовенствомъ идутъ многочисленные монастыри. Однако духовенство не сразу получаетъ полный иммунитетъ, полную свободу. Здѣсь можно различить нѣсколько стадій: болѣе точное опредѣленіе повинностей, раньше не опредѣленныхъ точно, замѣна личныхъ услугъ платежами (reluicya), частичныя освобожденія — вотъ тѣ ступени, по которымъ, въ концѣ концовъ, духовенство достигло своей цѣли. Церкви легче было получить свободы для объединенныхъ имѣній (для церковныхъ каштеляній, которыя нѣкогда въ извѣстномъ количествѣ перешли изъ рукъ князя къ церкви, въ качествѣ земельнаго обезпеченія епископій), чѣмъ для поселеній не объединенныхъ, разсѣянныхъ среди другихъ. Процессъ этотъ завершается въ теченіе XIII столѣтія; въ XIV вѣкѣ церковь пользуется уже полнотой свободъ и привиллегій.

Рыцарство (milites).

Стремленія польской церкви пріобрѣсти привиллегіи и иммунитетъ служатъ примѣромъ многочисленному слою „milites“ для правового урегулированія отношеній ихъ къ князю и къ той землѣ, которую князь жаловалъ имъ на „рыцарскомъ правѣ“. Превращеніе прежней временной или пожизненной собственности въ наслѣдственную, совершившееся еще въ XII вѣкѣ, теперь уже не могло удовлетворить ихъ. Теперь эти „вои“ хотятъ получить иммунитетъ, чтобы превратить эту землю въ свою полную собственность, между тѣмъ какъ до сихъ поръ, кромѣ нихъ, и князь имѣлъ на нее права, притомъ очень обширныя. Въ XIII вѣкѣ и начинаютъ появляться привиллегіи въ пользу этихъ „milites“, съ различнымъ содержаніемъ, то съ большими, то съ меньшими правами въ ихъ пользу. Король или отчасти или совершенно освобождаетъ рыцарскія помѣстья отъ повин-

ностей, отъ власти своихъ чиновниковъ. Въ еще болѣе значительной мѣрѣ получаютъ „milites“ иммунитеты вслѣдствіе такъ называемой колонизаціи деревень „на нѣмецкомъ правѣ“ (см. ниже). Такъ какъ прибывающіе въ Польшу колонисты ставили условіемъ освобожденіе назначенныхъ для колонизаціи поселеній изъ-подъ дѣйствія „польскаго права“, то, слѣдовательно, каждый „miles“, желающій основать деревню на „нѣмецкомъ правѣ“, долженъ былъ предварительно получить отъ князя особую привиллегію съ разрѣшеніемъ на это. Такая привиллегія, имѣя свое значеніе для деревни, въ то же время, какъ иммунитетная привиллегія, опредѣляла и отношеніе князя къ данной землѣ, а, слѣдовательно, и къ „miles“. Князь отказывался почти отъ всякихъ своихъ правъ, и земля дѣлалась полной собственностью „воя“. Широкое и сильное развитіе колонизаціи вело къ тому, что значительная часть „milites“ опредѣлила, на основаніи этихъ привиллегій, свое отношеніе къ князю. Въ концѣ концовъ это развитіе завершается Кошицкой привиллегіей 1374 г., установившей полное право собственности относительно всѣхъ имѣній „милитовъ“, гарантируя князю только два гроша съ лана въ годъ и военную службу, въ зависимости отъ количества земли, находящейся во владѣніи „милитовъ“.

Однако, на ряду съ этимъ развитіемъ отношеній милитовъ къ землѣ, на образованіе шляхты вліяетъ еще другой, столь же важный факторъ—принятіе гербовъ. Гербы въ своей первоначальной формѣ начинаютъ появляться въ Польшѣ уже въ XII столѣтіи. Это, собственно, только эмблемы (godła) по заграничному образцу, выбираемыя совершенно произвольно, въ качествѣ знаковъ на печати и на щитѣ. Каждый милитъ могъ выбирать себѣ какую угодно эмблему, столь же произвольно могъ и мѣнять ее, иногда нѣсколько разъ въ теченіе своей жизни. Дѣти его могли употреблять совершенно другія эмблемы. Послѣднія были различнаго рода: живыя, изображавшія разные предметы; литерныя, составленныя изъ буквъ или монограммъ; наконецъ, такъ называемыя „нѣмыя“, представляющія прямыя и кривыя линіи въ разныхъ комбинаціяхъ. Эти послѣднія эмблемы оказываются самыми многочисленными и представляютъ характерныя черты, отличающія польскую геральдику отъ западно-европейской.

Нѣкоторые польскiе ученые выводятъ ихъ изъ скандинавскихъ рунъ, т. е. изъ древняго скандинавскаго алфавита („футорка"). Другiе принимаютъ, что это—просто уже раньше существовавшiе знаки собственности, которыми обозначались предметы, принадлежащiе опредѣленному лицу. Изъ этихъ произвольно выбираемыхъ и мѣняемыхъ эмблемъ постепенно, отчасти еще въ XIII вѣкѣ, особенно же въ XIV вѣкѣ, и возникаютъ гербы: знаки становятся наслѣдственными, безъ измѣненiй переходятъ отъ отца къ сыну, дѣлаются такимъ образомъ родовымъ обозначенiемъ. Однако „нѣмыя эмблемы" уже въ теченiе XIV вѣка подвергаются значительнымъ измѣненiямъ, благодаря тому, что старались сдѣлать возможнымъ ихъ описанiе (особенно это было нужно для турнировъ), замѣняя прямыя линiи стрѣлами, кривыя—луками, полумѣсяцами. Кромѣ этихъ спецiальныхъ чертъ, есть еще одна черта, отличающая польскую геральдику отъ заграничной: каждый гербъ имѣетъ еще свой „кличъ" (zawołanie, „прокламацiя"). Эти „прокламацiи" не что иное, какъ стародавнiе условные клики („хасла"—hasła), употребляемые въ случаѣ тревоги, особенно же—войны; ихъ брали или изъ топографическихъ названiй (напр. Сренява, Долива и пр.), или же изъ собственныхъ именъ и прозвищъ (Болеста, Помянъ, Старыконь и т. д.). Каждый родъ имѣлъ свой собственный „кличъ" „прокламацiю". „Прокламацiи" были наслѣдственны и древнѣе гербовъ, появившихся лишь позднѣе. Такимъ образомъ, со времени принятiя гербовъ, уже въ качествѣ наслѣдственныхъ, каждый родъ имѣлъ, кромѣ прежняго условнаго „клича", еще особый знакъ, гербъ, употреблявшiйся на щитѣ и печати.

Гербы содѣйствовали выработкѣ шляхты. Они сдѣлали возможнымъ болѣе рѣзкое обособленiе милитовъ отъ внѣшняго имъ мiра, отъ другихъ, нерыцарскихъ слоевъ, не имѣвшихъ гербовъ; въ то же время они укрѣпили узы родовъ, которые теперь вторично прiобрѣтаютъ силу. При помощи герба удерживается сознанiе родовой общности, а слѣдовательно, и сознанiе общихъ правъ и привиллегiй, родовая солидарность. Съ того времени какъ установились гербы, въ качествѣ наслѣдственнаго признака шляхетства, а отношенiе къ верховной власти стало нормироваться не частными, а общими привилегiями,—можно уже говорить о польской шляхтѣ.

Однако не всѣ милиты приняли участіе въ этомъ движеніи: личности, болѣе слабыя въ экономическомъ или общественномъ отношеніи, не поспѣвая за другими, оставались позади. Часть милитовъ не имѣла гербовъ. Когда же въ XIV вѣкѣ гербъ, уже по правилу, является признакомъ шляхетства, то эти не имѣющіе гербовъ милиты, оставшись шляхтой, все же составляютъ съ тѣхъ поръ какъ бы второразрядную шляхту. Они имѣли меньше правъ, меньше значенія, что съ внѣшней стороны особенно выражалось болѣе низкимъ „головничествомъ". Въ то время какъ „головничество" настоящихъ шляхтичей достигало 60 гривенъ, „головничество" такихъ милитовъ безъ герба—только 30 гр. Точно также и „повязка" за раны послѣднихъ была вдвое меньше. Поэтому-то такихъ милитовъ и называютъ „полушляхтой" (media militia). Чаще всего ихъ называютъ „влодыками", „сцѣрцялками" („ściercialek, отъ латинскаго слова squirio). Итакъ, влодыки—остатки милитовъ, элементъ слабый и количественно и по своему значенію въ обществѣ. Они быстро исчезаютъ, переходя въ мѣщанство, становясь солтысами и т. д.

„Хлопы" (крестьяне). Колонизація на нѣмецкомъ правѣ.

Когда шляхта, благодаря медленному, но непрерывно прогрессирующему историческому развитію, обособилась въ первенствующее сословіе, тогда, въ теченіе XIII в., и нерыцарское населеніе, свободное и не свободное, все сильнѣе стало сливаться въ однородную массу зависимаго населенія. Громадное вліяніе имѣли здѣсь иммунитетныя привиллегіи, которыя разрывали всякую связь между княземъ и этимъ населеніемъ, — какъ несвободнымъ, такъ особенно свободнымъ—жившимъ въ имѣніяхъ церкви или милитовъ, получившихъ иммунитетъ. Но прежде, чѣмъ эта эволюція закончилась, появился новый факторъ, который прервалъ ее и повелъ къ тому, что для земледѣльческаго населенія, сидящаго на чужой землѣ, настала новая, блестящая эпоха. Этимъ факторомъ была уже упомянутая выше колонизація на нѣмецкомъ правѣ.

Въ концѣ XII вѣка монастыри приглашаютъ первыхъ колонистовъ въ Польшу, именно въ Силезію. Монаховъ, явившихся въ Польшу изъ Западной Европы, должно было поразить то, что въ Польшѣ, при изобиліи земли, не умѣли ее, какъ слѣдуетъ, обрабатывать для полученія соотвѣт-

ствующаго урожая, между тѣмъ какъ у нихъ на родинѣ, гдѣ тогда сказывался избытокъ населенія, даже значительно худшая почва давала лучшій урожай. Первые переселенцы прибыли изъ Фландріи. Опыты съ ними оказались удачными и привлекали другихъ. Такъ съ начала XIII столѣтія начинается болѣе сильная колонизація при посредничествѣ какъ церкви, такъ—въ сильной степени—и князей и, наконецъ, милитовъ. Волна колонизаціи идетъ все глубже въ страну, все далѣе на востокъ. Татарскія опустошенія также отчасти усилили это движеніе, хотя и не были его поводомъ, какъ это неправильно полагали ранѣе. Поводы были глубже, ибо лежали въ хозяйственныхъ основахъ страны. Этотъ наплывъ колонистовъ въ XIII, а также, особенно въ Малой Польшѣ, въ XIV вѣкѣ, идетъ -- кромѣ начала — уже не изъ Фландріи, а изъ Германіи, главнымъ образомъ, изъ прирейнскихъ областей. Поэтому-то все это движеніе и носитъ названіе нѣмецкой колонизаціи.

Колонизація ведетъ къ очень важнымъ перемѣнамъ какъ въ земледѣльческой техникѣ, такъ и въ хозяйственномъ и правовомъ строѣ польской деревни. Вмѣсто славянскаго, обыкновенно деревяннаго „рала", все чаще появляется желѣзный плугъ, глубже разрывающій почву, а, слѣдовательно, и лучше подготовляющій ее къ посѣву. Мѣсто прежней, относительно довольно большой славянской хозяйственной земельной единицы, содержащей, кажется,—данныя не вполнѣ точны—около 60 или даже 90 морговъ, занимаетъ ланъ, или „влука" (mansus, laneus), притомъ или большой, такъ называемый „франконскій ланъ", въ $43^{1}/_{5}$ морга, всего чаще встрѣчаемый, особенно въ Малой Польшѣ (лѣсной ланъ), или малый ланъ, называемый „фламандскимъ", или „хелминскимъ", въ 30 морговъ, почти исключительно употребляемый въ Великой Польшѣ, Куявахъ и Мазовіи; однако, въ виду лучшей обработки земли, ланъ, при своихъ меньшихъ размѣрахъ — сравнительно съ прежней польской „дѣдиной", или „жребіемъ" — все же даетъ больше дохода. Каждый колонистъ получаетъ, по правилу, одинъ ланъ. Самый способъ хозяйства также былъ улучшенъ. До сихъ поръ велось почти исключительно такъ называемое „дикое хозяйство", безъ настоящей хозяйственной системы. Только колонизація вводитъ, въ видѣ правила, раздѣленіе земли на три поля: яро-

вое, озимое и паръ (трехполье). Слѣдовательно, съ тѣхъ поръ одна треть пашни ежегодно остается подъ папаромъ, отдыхаетъ. Въ связи съ этимъ находится и вся конфигурація польской деревни, въ общемъ удержавшаяся и донынѣ: длинная улица; съ одной или съ обѣихъ сторонъ дома поселенцевъ; отъ домовъ идутъ продолговатые ланы. Этотъ типъ чаще всего встрѣчается въ деревняхъ, построенныхъ на корчеванныхъ мѣстахъ. Въ другихъ, существовавшихъ и раньше деревняхъ, гдѣ, слѣдовательно, надо было считаться съ существовавшими уже отношеніями, каждый колонистъ обыкновенно получалъ свой надѣлъ въ трехъ кускахъ, т. е. по одному куску земли въ трехъ поляхъ, принадлежащихъ деревнѣ. Въ центрѣ или въ концѣ деревни улица нѣсколько расширялась; тамъ находился костелъ, если только онъ былъ въ деревнѣ, и деревенскія лавки и лотки (мясникъ, пекарь, сапожникъ, кузнецъ). Это мѣсто называлось „навесьемъ" (nawsie). Польская деревня могла принимать такую геометрическую форму потому, что чаще всего — особенно въ началѣ — колонистовъ поселяли „на дикомъ корню", т. е. подъ деревню отводили лѣсъ, подвергавшійся потомъ корчеванью, послѣ чего свободно можно было намѣчать улицы, поля и ланы. Но и существовавшія уже деревни стали приспособляться къ этимъ формамъ, хотя и съ извѣстными модификаціями, въ виду наличныхъ условій.

Колонизація измѣнила отношенія поселенцевъ къ владѣльцу („пану") деревни. Основой этихъ отношеній было точное опредѣленіе повинностей, при томъ въ деньгахъ. Прежде всего, колонистъ былъ обязанъ платить ежегодный чиншъ, съ малаго лана почти всегда по 12 грошей, съ большого— чаще всего по 16 или по 18 грошей; кромѣ того, каждый колонистъ на самые большіе праздники, обыкновенно два или три раза въ годъ, даетъ господину понемногу куръ, яицъ, сыру; сверхъ того, иногда—но рѣдко—цѣлая деревня даетъ ветчину, полоть солонины и даже корову или барана. Барщина, если только она вообще включена въ договоръ съ господиномъ, достигаетъ едва 2—4 дней въ годъ съ 1 лана: въ ней почти не было нужды. Господинъ деревни разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на чиншъ колонистовъ. Кромѣ того, несмотря на большое вообще количество оста-

вавшейся у господъ земли (все, что оставалось послѣ отвода земли подъ деревню, такъ называемые „примѣрки“ или „обшаръ“, отъ нѣм. „Übercharˮ), все же у нихъ (особенно въ княжескихъ имѣнiяхъ) почти не оказывалось земли, годной для пашенной обработки, а если и оказывалось (главнымъ образомъ въ имѣнiяхъ рыцарей), то въ весьма незначительномъ количествѣ, — самое большое, два или три лана. Слѣдовательно, послѣ уплаты податей, мелкихъ оброковъ „in natura“, и, можетъ быть, послѣ выполненiя event. небольшой барщины, колонистъ былъ вполнѣ свободенъ отъ всякихъ другихъ повинностей.

Колонизацiя приноситъ значительныя новшества и въ правовомъ отношенiи. Колонисты требовали сохраненiя для нихъ знакомаго имъ права—нѣмецкаго права. Въ связи съ этимъ стояло освобожденiе ихъ отъ всякихъ повинностей „княжескаго права“, и потому-то для „локацiи“, или основанiя деревни, была нужна особая привиллегiя князя, который долженъ былъ заранѣе обезпечить всѣ эти свободы. Эти колонизацiонныя деревни и управлялись по нѣмецкому праву. Это давало возможность пожалованiя имъ полной внутренней автономiи. Только съ колонизацiей приходитъ въ Польшу понятiе объ общинѣ — „гминѣ“, до тѣхъ поръ чуждое строю Польши. Всѣ существовавшiе до сихъ поръ союзы основывались или на кровномъ родствѣ или на отношенiяхъ зависимости; гмина же, наоборотъ,—союзъ свободныхъ людей, не связанныхъ кровнымъ родствомъ, имѣющiй цѣлью удовлетворенiе мѣстныхъ нуждъ. Поселенцы, занимающiе деревню, образовываютъ гмину—„громаду“. Во главѣ гмины стоитъ „солтысъ“ (отъ нѣмецкаго „Schultheiss“), деревенскiй староста. Солтысомъ становился основатель колонiи (locator), т. е. тотъ, кто заключалъ съ господиномъ деревни договоръ о колонизацiи, получалъ такъ называемую „локацiонную привиллегiю“, содержащую условiя поселенiя, а затѣмъ вызывалъ колонистовъ. Пожалованiе солтысства было вознагражденiемъ его за этотъ трудъ. Кромѣ того, онъ получалъ два или три лана, свободныхъ отъ чинша; $^1/_6$ чиншей колонистовъ, чинши съ лавокъ и лотковъ, нерѣдко мельницу, $^1/_3$ доходовъ съ суда, иногда право охоты и рыбной ловли. Должность солтыса была наслѣдственной, права его переходили къ потомкамъ; этимъ объяс-

няется его сильное положеніе въ деревнѣ, ибо онъ былъ независимъ и отъ колонистовъ и отъ господина. Но, очевидно, онъ, въ качествѣ главы деревни, чувствовалъ себя солидарнымъ съ ней, защищалъ ея интересы; относительно господина онъ несетъ только обязанность военной службы, если дѣйствительно наступала война, и если эта обязанность опредѣленно возлагалась на него локаціонной привиллегіей (главнымъ образомъ, въ частныхъ и княжескихъ имѣніяхъ, очень рѣдко — въ духовныхъ). Солтысъ являлся представителемъ деревни, созывалъ „громаду“ для совѣщаній по дѣламъ, касающимся всей деревни. Солтысъ же производитъ судъ вмѣстѣ съ „лавой“, т. е. съ семью „лавниками“, которыхъ онъ самъ же первоначально и выбиралъ изъ среды колонистовъ. Лишь три раза въ годъ пріѣзжалъ владѣлецъ деревни (или его замѣститель) на такъ называемые „большіе гайоные“ (закономъ открытые) суды.

Такова основа нѣмецкой колонизаціи. Она ввела цѣлый рядъ важныхъ реформъ, улучшила положеніе крестьянина какъ въ правовомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Крестьянинъ обладалъ средствами къ жизни, легко могъ нести небольшія повинности. Земля, на которой онъ сидитъ, правда не собственность его, но все же составляетъ какъ бы вѣчную аренду. Онъ можетъ уступить другому свои права на землю, обычно подъ условіемъ согласія на то господина деревни; въ случаѣ смерти, земля крестьянина переходитъ къ его наслѣдникамъ. Крестьянинъ былъ свободенъ, могъ, если хотѣлъ, покинуть деревню, сдавъ свое хозяйство въ хорошемъ состояніи; что̀ онъ сберегалъ, то оставалось у него. Этихъ колонистовъ начинаютъ звать „кметями“; это названіе должно было указывать на ихъ болѣе сильное, сравнительно съ прошлымъ, положеніе. Не слѣдуетъ, однако, думать, что такимъ образомъ была колонизована вся Польша, хотя почти всѣ деревни, дѣйствительно, имѣютъ тотъ типъ, который принесла съ собой нѣмецкая колонизація. Фламандцы, а потомъ нѣмцы прибыли въ Польшу, несомнѣнно, въ довольно большомъ количествѣ; однако въ польской средѣ они вскорѣ ополячились, слились съ туземнымъ населеніемъ. Важнѣе этого прилива чужеземцевъ, правда сильнаго, но все же пропадающаго въ общей массѣ населенія, было внесеніе въ Польшу новыхъ принциповъ, послужившихъ образцомъ для дальнѣйшихъ реформъ.

Колонизація при помощи чужеземцевъ была только началомъ движенія. Вслѣдъ за ней явилась колонизація при помощи поляковъ, „переводъ польскихъ деревень на нѣмецкое право“, дарованіе польскому деревенскому населенію хозяйственнаго и правового устройства по нѣмецкому образцу. Однако большинство деревень усвоило только хозяйственную сторону колонизаціи, а именно: желѣзный плугъ, трехполье и ланы, чинши и т. д., но осталось при своемъ, „польскомъ правѣ“. Жители такихъ деревень пользовались меньшей свободой, несли болѣе тяжелыя повинности—особенно барщинныя, продолжали подчиняться патримоніальной юрисдикціи своего господина (солтысовъ въ этихъ деревняхъ не было). Однако, при всѣхъ этихъ ограниченіяхъ (до сихъ поръ почти не обращали вниманія на это), колонизація составляетъ колоссальный прогрессъ. Она открыла новую эру экономическаго развитія, она повліяла и на поднятіе правового положенія крестьянскаго населенія въ Польшѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Города.

Колонизація деревень окончательно вводитъ въ Польшу, вмѣсто натуральнаго хозяйства, денежное. До сихъ поръ каждый жилъ тѣмъ, что получалъ изъ своего хозяйства, и только болѣе крупныя хозяйства (князей, церкви, вельможъ) примѣняли въ хозяйственныхъ цѣляхъ соотвѣтствующее раздѣленіе труда между людьми, сидящими на ихъ землѣ. Конечно, рынки—около городовъ и церквей—были извѣстны уже и раньше, но они не имѣли большого значенія для обмѣна товаровъ. Колонизація приноситъ съ собой деньги и обмѣнъ, какъ основы хозяйственной жизни. Колонизацію деревни долженъ былъ дополнить городъ, гдѣ этотъ обмѣнъ могъ происходить постоянно, гдѣ деревенское населеніе могло запасаться нужными ему предметами, которыхъ оно не имѣло въ своемъ хозяйствѣ, такъ какъ не вырабатывало ихъ, направляя всю свою дѣятельность только въ одну сторону, на обработку пашни. И города, дѣйствительно, появляются; въ теченіе XIII и XIV вѣковъ число ихъ постепенно все болѣе увеличивается. Они появляются, какъ уже совершенно законченныя организаціи. Польша не развила своихъ городовъ постепенно, генетически, изъ тѣхъ первобытныхъ зародышей, какими являются „подгродья“ и торги; напротивъ, почувствовавъ потребность въ нихъ, она заимство-

вала съ Запада формы, уже давно выработанныя тамъ. Первоначально города въ Польшѣ были населены чужеземцами, нѣмцами. Нѣмецкій элементъ довольно долго держится въ городахъ, сопротивляется полонизаціи; дальнѣйшія сношенія съ Западомъ, постоянный приливъ нѣмцевъ, поддерживаютъ здѣсь традицію сильнѣе, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ этой связи не существовало.

Образцомъ, по которому формируются польскіе города, служитъ Магдебургъ. Для однихъ городовъ онъ былъ непосредственнымъ образцомъ, другіе—слѣдовали примѣру Сьроды (Środa) въ Силезіи или Хелмна (Chełmna) въ Пруссіи. Но и эти два города были организованы по типу Магдебурга, хотя, напримѣръ, Сьрода—лишь посредственно, заимствовавъ свое право изъ Галле, который, въ свою очередь, получилъ его изъ Магдебурга. Позднѣе, съ увеличеніемъ въ Польшѣ количества городовъ, болѣе ранніе и значительные изъ нихъ служили образцами для позднѣйшихъ. Право, имѣвшее въ этихъ городахъ обязательную силу, называлось Магдебургскимъ, Средзскимъ, или Хелмнинскимъ.

Способъ возникновенія городовъ, или ихъ локація, совершенно таковъ же, какъ и локаціи деревень, съ тѣми только измѣненіями, которыя были нужны, въ виду особыхъ задачъ и цѣлей города. Намѣчался рынокъ, какъ главная площадь города; отъ него проводились улицы, количество которыхъ, очевидно, зависѣло отъ предполагаемой величины города. Каждый колонистъ получалъ такъ называемую „area“ (дворина—Hof), т. е. земельную площадь, на которой можно было построить домъ. Въ Краковѣ такая земельная единица имѣла 36 локтей въ ширину и 72 л. въ длину. Съ этой „area“ платился годичный чиншъ (census terrestris). Кромѣ платежа чинша, горожанинъ не несъ никакихъ другихъ повинностей въ пользу владѣльца города. Этимъ владѣльцемъ могли быть князь, церковь, или свѣтскій панъ, въ зависимости отъ того, на чьей землѣ былъ построенъ городъ. Королевскіе города—самые древніе и многочисленные. Позднѣе начинаютъ появляться и „приватные“ города. Нѣкоторые маленькіе городки („мѣстечки“) имѣютъ характеръ полуземледѣльческій; тогда въ нихъ, на ряду съ городскими земельными единицами (area), встрѣчаются и ланы.

Населеніе городовъ совершенно свободно. Это — необходимое условіе, въ особенности для торговли. Позднѣе, когда городской бытъ сталъ болѣе упорядоченнымъ, начали обращать больше вниманія на притокъ новыхъ поселенцевъ, на тѣхъ, кто хотѣлъ получить городское право (jus civile), на ихъ квалификацію и способности. Стали требовать предъявленія свидѣтельства о такъ называемомъ „хорошемъ рожденіи", т. е. о происхожденіи отъ законнаго брака; иногда даже требовали отъ пришельца, чтобы онъ къ опредѣленному сроку пріобрѣлъ въ городѣ землю или женился. Однако уже съ самаго начала среди населенія стали отличать извѣстные слои: на верху—патриціатъ, т. е. преимущественно древнія семьи первыхъ колонистовъ, купцовъ и нѣкоторыхъ богатыхъ ремесленниковъ; ниже — ремесленный классъ, и, наконецъ, самый низшій классъ, „посполъство", совершенно устраненное отъ всякой власти въ городѣ.

Во главѣ города стоялъ войтъ. Онъ соотвѣтствуетъ деревенскому солтысу. Войтъ былъ локаторомъ; въ его руки господинъ города передавалъ локаціонный документъ, заключавшій условія локаціи. За это онъ получалъ извѣстное число дворинъ, свободныхъ отъ чиншей, чинши съ лотковъ и лавокъ, часть чиншей съ дворинъ и т. д. Должность войта была также наслѣдственной. Войтъ стоялъ во главѣ „лавы", настоящаго городского суда. Лава состояла изъ лавниковъ, чаще всего—изъ семи, ежегодно избираемыхъ (позднѣе постоянно избираемыхъ Совѣтомъ) преимущественно изъ среды ремесленниковъ.

Вскорѣ, на ряду съ войтомъ и лавой, появляется городской Совѣтъ, происхожденіе котораго совершенно темно. Городскіе Совѣты становятся настоящимъ представительствомъ города; въ составъ ихъ входятъ члены самыхъ выдающихся, именно патриціанскихъ, фамилій. Обыкновенно Совѣтъ ежегодно выбираетъ новый Совѣтъ, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ это избраніе либо уже съ начала было въ рукахъ владѣльца города, либо позднѣе попадало въ его руки (въ видѣ наказанія, напримѣръ, въ Краковѣ послѣ бунта войта Альберта). Совѣтъ представляетъ городъ въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, хлопочетъ о привилегіяхъ для города, издаетъ обязательные для жителей

вала съ Запада формы, уже давно выработанныя тамъ. Первоначально города въ Польшѣ были населены чужеземцами, нѣмцами. Нѣмецкій элементъ довольно долго держится въ городахъ, сопротивляется полонизаціи; дальнѣйшія сношенія съ Западомъ, постоянный приливъ нѣмцевъ, поддерживаютъ здѣсь традицію сильнѣе, чѣмъ въ деревняхъ, гдѣ этой связи не существовало.

Образцомъ, по которому формируются польскіе города, служитъ Магдебургъ. Для однихъ городовъ онъ былъ непосредственнымъ образцомъ, другіе—слѣдовали примѣру Сьроды (Środa) въ Силезіи или Хелмна (Chełmna) въ Пруссіи. Но и эти два города были организованы по типу Магдебурга, хотя, напримѣръ, Сьрода—лишь посредственно, заимствовавъ свое право изъ Галле, который, въ свою очередь, получилъ его изъ Магдебурга. Позднѣе, съ увеличеніемъ въ Польшѣ количества городовъ, болѣе ранніе и значительные изъ нихъ служили образцами для позднѣйшихъ. Право, имѣвшее въ этихъ городахъ обязательную силу, называлось Магдебургскимъ, Средзскимъ, или Хелмнинскимъ.

Способъ возникновенія городовъ, или ихъ локація, совершенно таковъ же, какъ и локаціи деревень, съ тѣми только измѣненіями, которыя были нужны, въ виду особыхъ задачъ и цѣлей города. Намѣчался рынокъ, какъ главная площадь города; отъ него проводились улицы, количество которыхъ, очевидно, зависѣло отъ предполагаемой величины города. Каждый колонистъ получалъ такъ называемую „area" (дворина—Hof), т. е. земельную площадь, на которой можно было построить домъ. Въ Краковѣ такая земельная единица имѣла 36 локтей въ ширину и 72 л. въ длину. Съ этой „area" платился годичный чиншъ (census terrestris). Кромѣ платежа чинша, горожанинъ не несъ никакихъ другихъ повинностей въ пользу владѣльца города. Этимъ владѣльцемъ могли быть князь, церковь, или свѣтскій панъ, въ зависимости отъ того, на чьей землѣ былъ построенъ городъ. Королевскіе города—самые древніе и многочисленные. Позднѣе начинаютъ появляться и „приватные" города. Нѣкоторые маленькіе городки („мѣстечки") имѣютъ характеръ полуземледѣльческій; тогда въ нихъ, на ряду съ городскими земельными единицами (area), встрѣчаются и ланы.

Населеніе городовъ совершенно свободно. Это — необходимое условіе, въ особенности для торговли. Позднѣе, когда городской бытъ сталъ болѣе упорядоченнымъ, начали обращать больше вниманія на притокъ новыхъ поселенцевъ, на тѣхъ, кто хотѣлъ получить городское право (jus civile), на ихъ квалификацію и способности. Стали требовать предъявленія свидѣтельства о такъ называемомъ „хорошемъ рожденіи", т. е. о происхожденіи отъ законнаго брака; иногда даже требовали отъ пришельца, чтобы онъ къ опредѣленному сроку пріобрѣлъ въ городѣ землю или женился. Однако уже съ самаго начала среди населенія стали отличать извѣстные слои: на верху—патриціатъ, т. е. преимущественно древнія семьи первыхъ колонистовъ, купцовъ и нѣкоторыхъ богатыхъ ремесленниковъ; ниже — ремесленный классъ, и, наконецъ, самый низшій классъ, „поспольство", совершенно устраненное отъ всякой власти въ городѣ.

Во главѣ города стоялъ войтъ. Онъ соотвѣтствуетъ деревенскому солтысу. Войтъ былъ локаторомъ; въ его руки господинъ города передавалъ локаціонный документъ, заключавшій условія локаціи. За это онъ получалъ извѣстное число дворинъ, свободныхъ отъ чиншей, чинши съ лотковъ и лавокъ, часть чиншей съ дворинъ и т. д. Должность войта была также наслѣдственной. Войтъ стоялъ во главѣ „лавы", настоящаго городского суда. Лава состояла изъ лавниковъ, чаще всего—изъ семи, ежегодно избираемыхъ (позднѣе постоянно избираемыхъ Совѣтомъ) преимущественно изъ среды ремесленниковъ.

Вскорѣ, на ряду съ войтомъ и лавой, появляется городской Совѣтъ, происхожденіе котораго совершенно темно. Городскіе Совѣты становятся настоящимъ представительствомъ города; въ составъ ихъ входятъ члены самыхъ выдающихся, именно патриціанскихъ, фамилій. Обыкновенно Совѣтъ ежегодно выбираетъ новый Совѣтъ, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ это избраніе либо уже съ начала было въ рукахъ владѣльца города, либо позднѣе попадало въ его руки (въ видѣ наказанія, напримѣръ, въ Краковѣ послѣ бунта войта Альберта). Совѣтъ представляетъ городъ въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, хлопочетъ о привилегіяхъ для города, издаетъ обязательные для жителей

дарствѣ и относительно прочихъ слоевъ общества. Евреи занимаются почти исключительно лихвой, т. е. ссудой денегъ подъ проценты, что было воспрещено христіанскому населенію церковными уставами.

Государственный строй.

Государственный строй въ теченіе этого періода подвергается преобразованію, которое съ внѣшней стороны продержалось очень долго, вплоть до паденія Польскаго государства. Основная черта этого преобразованія—постепенное ограниченіе государственной власти въ пользу силъ, вышедшихъ изъ общества, а точнѣе—силъ, ставшихъ изъ орудій князя представителями привиллегированныхъ сословій. Такимъ образомъ общественное развитіе было тѣсно связано съ развитіемъ государственныхъ формъ, какъ это бываетъ, впрочемъ, всегда и вездѣ. Но, въ силу преобразованія прежнихъ властей, возникли—и должны были возникнуть—другія власти, которыя приняли ихъ наслѣдіе. Завершающимъ моментомъ этого развитія является 1370 годъ, годъ смерти Казиміра Великаго. Перемѣна династіи — не только смѣна одной фамиліи другою, не только дата, важная для политической исторіи: она имѣетъ глубокое значеніе и для внутренняго строя. Обѣ эти даты, 1370 и 1374 гг., совпадая другъ съ другомъ, замыкаютъ разсматриваемый періодъ.

Княжеская власть.

Княжеская власть остается въ рукахъ Пястовъ. Это—все еще абсолютная власть, хотя привиллегіи уже все болѣе и болѣе ограничиваютъ ее, устанавливая для нея точно опредѣленныя границы. Но это все-таки еще власть, стоящая надъ обществомъ. Хотя общество постепенно и пріобрѣтаетъ прочныя права, однако князья выводятъ свою власть не изъ общества; они обладали ею, прежде чѣмъ общество пріобрѣло какія-либо права. Это—наслѣдственная династія, это—князья „Божьей милостью", Dei gratia, какъ они пишутъ въ своихъ документахъ. Одни только Пясты имѣютъ право на власть, хотя кругъ лицъ, пользующихся этимъ правомъ, растетъ въ этотъ періодъ. Какъ и раньше, такъ и теперь только сыновья и внуки имѣютъ право добиваться части въ наслѣдствѣ послѣ отца или дѣда. Дальніе мужскіе кровные родственники, по-прежнему, имѣютъ только гипотетическое право наслѣдованія, равное для всѣхъ, несмотря на степень кровнаго родства. Величину надѣловъ, если дѣло идетъ о наслѣдникахъ по прямой линіи или о

призваніи къ наслѣдству — полному или части его — боковыхъ кровныхъ родственниковъ, опредѣляетъ прежде всего воля того, кто оставляетъ послѣ себя наслѣдство. Если эта воля не выражена, то вопросъ рѣшался договоромъ заинтересованныхъ лицъ или путемъ взаимнаго соглашенія, по рѣшенію либо кровныхъ родственниковъ, либо „можныхъ“ (вельможъ); впрочемъ, нерѣдко и война рѣшаетъ споръ. Уже въ этомъ періодѣ встрѣчаются случаи избранія („элекціи“) князей обществомъ, но только въ такихъ случаяхъ, когда не было сыновей и внуковъ, которые по праву были наслѣдниками. Но этого не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ настоящей „элекціи“, т. е. возможности свободнаго избранія государя обществомъ. Въ данномъ случаѣ „элекція“ замѣняетъ лишь непроявленную волю лица, оставившаго наслѣдство; она намѣчаетъ опредѣленное лицо, но исключительно изъ среды тѣхъ, кто уже имѣетъ гипотетическое право на престолъ. Слѣдовательно, это не настоящая „элекція“, такъ какъ она не выходитъ за предѣлы рода Пястовъ. Перемѣна заключается лишь въ томъ, что увеличивается число лицъ, имѣющихъ право на престолъ. Уже съ XIII-го вѣка (раньше всего въ нѣкоторыхъ силезскихъ линіяхъ, позднѣе всего—въ мазовецкихъ) начинаетъ вырабатываться признаніе правъ кровнаго родства черезъ женщинъ. Правда, сами женщины изъ рода Пястовъ все еще исключены изъ наслѣдованія, но ихъ потомки, слѣдовательно, родственники Пястовъ по женской линіи, уже могутъ быть допущены къ наслѣдованію престола. Они получаютъ такое же гипотетическое право, какимъ пользуются члены боковой мужской линіи. Умирающій князь можетъ— но не обязанъ—назначить каждаго изъ нихъ своимъ наслѣдникомъ. Онъ вовсе не связанъ и степенью родства. Права родственниковъ по женской линіи одинаковы съ правами родственниковъ по мужской линіи, такъ что наслѣдникомъ можетъ стать и болѣе далекій родственникъ по женской линіи, въ обходъ болѣе близкаго родственника по мужской. Все сильнѣе—особенно въ XIV вѣкѣ—укореняется признаніе правъ кровнаго родства черезъ женщинъ. Кромѣ того, женщины переносятъ права наслѣдованія и на своихъ мужей, получающихъ, благодаря этому, такія же наслѣдственныя права, какъ и другіе кровные родственники. Такимъ

образомъ въ Польшу попадаютъ чужестранныя династіи— чешскіе Премысловичи, потомъ Анжуйскій домъ. Передача престола Казиміромъ Великимъ Людовику венгерскому — одно изъ проявленій этого новаго порядка вещей, вовсе не нарушающее права Пястовъ и не выходящее изъ рамокъ установившихся ранѣе правилъ.

Уже въ началѣ этого періода исчезаютъ слѣды учрежденія принципата. Еще почти до половины XIII-го вѣка сеньоры предъявляютъ претензіи на принципатъ, особенно же на обладаніе землями, связанными съ нимъ. Но съ этого времени исчезаютъ всякіе слѣды его. Удѣлы, предназначенные для князя—сеньора, стали наслѣдственной собственностью одной линіи Пястовъ, происходящей отъ Казиміра Справедливаго. Исчезли и сеньоратныя права. Что касается наслѣдованія въ удѣлахъ, то частно-правовое пониманіе Пястами ихъ отношенія къ власти и къ странѣ, благодаря стеченію обстоятельствъ, приводитъ къ раздѣламъ, существовавшимъ довольно долгое время. Раздѣлы чаще всего основаны на естественныхъ различіяхъ между удѣлами, не успѣвшими еще до тѣхъ поръ тѣсно сплотиться другъ съ другомъ; впрочемъ, отчасти эти различія были и искусственными и въ такомъ случаѣ обыкновенно легче стирались. Количество такихъ удѣловъ въ теченіе XIII столѣтія все растетъ и растетъ; даже еще въ XIV вѣкѣ появляются новые удѣлы. Первоначально понятіе о Польшѣ (Польскомъ государствѣ) проявлялось въ титулатурѣ князей, которые всѣ называли себя князьями Польши — „dux Poloniae". Но уже въ концѣ первой четверти XIII столѣтія этотъ титулъ замѣняется титуломъ удѣльнаго князя, а именно — Краковскаго, Лэнчицкаго, Куявскаго и т. д. Съ этихъ поръ Польшу, какъ цѣлое, связываетъ лишь церковное единство, создаваемое Гнѣзненской архіепископіей. Только подъ конецъ XIII столѣтія вновь проявляется стремленіе къ единству. Выраженіе этого стремленія—коронація Пшемысла II (1295 г.), Вацлава II (1300 г.), а затѣмъ Локетка (1320 г.) и Казиміра Великаго (1333 г.). Теперь коронація должна была получить не внѣшнее значеніе, какъ то было прежде, а внутреннее, какъ эмблема единства. Но само названіе „королевства" — вслѣдствіе коронаціи Пшемысла II, бывшаго лишь княземъ Великой Польши—первона-

чально имѣетъ болѣе ограниченный смыслъ, относясь только къ Великой Польшѣ. Несмотря на то, что уже при Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ понемногу начинаетъ вырабатываться болѣе широкое понятіе о королевствѣ, какъ цѣлой Польшѣ, все же съ той поры въ титулатурѣ навсегда удержался слѣдъ прежняго порядка вещей: „rex Poloniae, dux Cracoviae, Sandomiriae“ и т. д.—такъ называетъ себя король польскій; нѣтъ, слѣдовательно, титула князя Великой Польши: ее-то и обозначалъ, собственно, первый титулъ—королевскій. Насколько, впрочемъ, дѣло касается внутреннихъ отношеній, то при Локеткѣ и Казимірѣ Польша еще не превратилась въ единое государство. Они вовсе не объединили уже всѣхъ удѣловъ. Они не владѣютъ Мазовіей; очень поздно достаются имъ нѣкоторыя части Куявъ, а Лэнчица, Сѣрадзь и Добжынь даже въ то время имѣютъ иногда и своихъ особыхъ князей. Сверхъ того,—и это особенно важно для пониманія тогдашняго строя—соединеніе удѣловъ носило чисто механическій характеръ. Король—Локетокъ ли или Казиміръ –является княземъ Краковско-Сандомирскимъ въ Малой Польшѣ, Лэнчицкимъ—въ Лэнчицкой землѣ и т. д. Кромѣ личности государя, удѣлы эти еще ничѣмъ не связаны, и, собственно говоря, только государь объединяетъ ихъ въ своихъ рукахъ (личная унія). Нѣтъ еще никакихъ общихъ законовъ, общихъ съѣздовъ или общихъ должностей. Только при Казимірѣ Великомъ удѣлы начинають постепенно срастаться. Окончательно же они срослись только по смерти Казиміра Великаго, при томъ, именно, вслѣдствіе этой смерти. Она была фундаментомъ Польскаго государства.

Должности.

Организація властей первоначально остается такой же, какой была и раньше. Каждый князь имѣетъ свой дворъ, съ воеводой во главѣ, на ряду съ каштелянами, сидящими по „гродамъ“. Но уже въ началѣ XIII вѣка можно замѣтить стремленіе этихъ должностныхъ лицъ сохранить свои должности, хотя бы самъ удѣлъ, вслѣдствіе соединенія съ другимъ удѣломъ, уже и не имѣлъ своего особаго князя. Здѣсь дѣло шло какъ о власти и значеніи, такъ и о земельномъ обезпеченіи, которое было признано за каждой изъ этихъ должностей. Чѣмъ значительнѣе были естественныя различія между соединяемыми удѣлами, тѣмъ легче могли удержаться

въ нихъ эти отдѣльныя должности. Этому помогло и то, что князь объединялъ удѣлы обыкновенно мирнымъ путемъ: въ такомъ случаѣ, очевидно, онъ не желалъ вооружать противъ себя должностныхъ лицъ, отнимая у нихъ должности. Въ теченіе XIII вѣка обычай сохранять должности въ объединяемыхъ удѣлахъ укрѣпляется все сильнѣе. Иногда какой-нибудь кусокъ земли всего лишь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составлялъ отдѣльное княжество—и все же тамъ и потомъ цѣликомъ сохранялась чиновничья іерархія, съ воеводой во главѣ. Такимъ образомъ князь имѣетъ уже не одного воеводу, подкоморія, судью и т. д., а столько, сколько удѣловъ объединилось подъ его властью. Теперь это уже не придворныя должности, а должности, тѣсно связанныя съ понятіемъ удѣла. Если первоначально этихъ должностныхъ лицъ обозначали по князьямъ,—напримѣръ, воевода Лѣшка, подкоморій Конрада и т. д.,—то потомъ ихъ начинаютъ называть по удѣламъ, а именно: краковскими, куявскими и т. д. Такимъ образомъ придворныя іерархіи превращаются въ земскія. Эти чиновники, происходящіе изъ знатнѣйшихъ родовъ удѣла, представляютъ, прежде всего, интересы удѣла, а не князя. Позднѣе (съ XV вѣка), по названію высшихъ изъ этихъ чиновниковъ—воеводъ, стали называть воеводствами и самыя земли, если только онѣ имѣли всю іерархію, съ воеводой во главѣ. Въ Малой Польшѣ уже въ началѣ XIII вѣка устанавливаются двѣ іерархіи, а слѣдовательно, образуются и два воеводства: Краковское и Сандомірское; въ Великой Польшѣ не позднѣе половины XIII столѣтія возникаютъ три воеводства: Познанское, Гнѣзненское и Калишское, но два послѣднихъ позднѣе сливаются въ одно—Калишское. Куявское воеводство извѣстно съ 1231 г., Лэнчицкое—съ 1232 г.; Сѣрадзское воеводство возникло въ 1264 г., Вслѣдствіе раздѣловъ Куявъ въ 1267 г. выдѣляются воеводства: Иновроцлавское и Добжинское — однако послѣднее въ XIV вѣкѣ утратило своего воеводу и потому позднѣе стало называться только „землей“. Еще въ XIV вѣкѣ существуетъ въ теченіе нѣкотораго времени Гнѣвковское воеводство, которое, однако, исчезло, снова соединившись съ Иновроцлавскимъ.

Но не всякій, впрочемъ, удѣлъ имѣлъ одинаковое число должностей. Обычно ихъ было тѣмъ больше, чѣмъ дольше

извѣстный удѣлъ сохранялъ свою самостоятельность. Въ видѣ исключенія, нѣкоторыя должности были общими для нѣсколькихъ областей: такой, напримѣръ, была должность канцлера въ Великой и Малой Польшѣ. Компетенція этихъ должностей осталась такою же, какъ мы очертили ее раньше.

Но это превращеніе придворныхъ должностей въ земскія не могло остаться безъ вліянія на ихъ дальнѣйшую судьбу. Эта организація пережила свой вѣкъ. Князья почувствовали недостатокъ въ такихъ властяхъ, которыя прямо зависѣли бы отъ нихъ, особенно когда, вслѣдствіе объединенія удѣловъ, государь не могъ уже, какъ раньше, самъ лично всѣмъ заниматься. Въ концѣ XIII вѣка уже появляются признаки введенія новаго учрежденія, хотя въ полной мѣрѣ создаютъ его только чешскіе Премысловичи. Это такъ называемые „старосты". Чехи устанавливаютъ старостъ для каждой области отдѣльно, а именно: сначала одного только Краковскаго старосту (1290), который, послѣ присоединенія Сандомірской земли, распространилъ свою власть и на эту землю. Овладѣвъ слѣдующими частями Польши (1300), чехи устанавливаютъ особыхъ старостъ для Великой Польши, Лэнчицы, Сѣрадзя, Куявъ и Поморья. Послѣ ухода чеховъ (1306 г.) исчезли и старосты; но вскорѣ (послѣ 1310 г.) эта должность появляется снова. Впрочемъ, нельзя говорить здѣсь о подражаніи чешскимъ порядкамъ: должность эта стала необходимой уже въ виду новыхъ отношеній, создавшихся вслѣдствіе паденія прежнихъ должностей.

Поскольку удѣлы (за исключеніемъ Малой Польши) принадлежатъ Локетку и Казиміру Великому, каждый изъ этихъ удѣловъ получаетъ особаго старосту, именно—Великая Польша (по правилу, одного для обоихъ воеводствъ), Лэнчица, Сѣрадзь, Куявы брестскіе, Куявы иноврцлавскіе и Добжинь, а временно—и Накельская земля, составлявшая, впрочемъ, часть Великой Польши. Эти старосты выступаютъ намѣстниками короля, замѣстителями его въ предѣлахъ общихъ постановленій, какъ въ администраціи края, такъ и въ области военнаго и судебнаго дѣла. Рядомъ съ ними, земская іерархія отошла на второй планъ, особенно воевода почти совершенно потерялъ свое значеніе. Въ его ру-

кахъ остались лишь судъ надъ евреями и первенство среди прочихъ земскихъ должностныхъ лицъ. Подкоморій удержалъ за собой только функціи пограничнаго (межевого) судьи; другія должности—хорунжихъ, чашниковъ, стольниковъ и т. д.—остались титулами, безъ функцій. Королевскими чиновниками являются теперь старосты. Зато—особенно указываю на это—въ Малой Польшѣ, гдѣ король всего чаще пребываетъ лично, старостъ нѣтъ; но, не имѣя возможности и здѣсь справиться съ своими обязанностями, король или расширялъ власть уже существующихъ должностей (судьи, подсудка) или же создавалъ менѣе значительныя должности, которыя должны были помогать ему и исполнять часть функцій, которыя въ другихъ областяхъ были въ рукахъ у старостъ. Отсюда-то въ Малой Польшѣ при Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ появляются такъ называемые „оправцы“ („iusticionarii“), какъ уголовные судьи, которыхъ нѣтъ въ другихъ удѣлахъ, ибо тамъ уголовныя дѣла вѣдались старостами.

На ряду съ придворными должностями, ту же эволюцію проходятъ и каштелянскія должности. Каштелянства, прежде довольно измѣнчивыя, въ теченіе XIII вѣка окончательно устанавливаются, но въ то же время и костенѣютъ. Каштелянъ все болѣе начинаетъ слагать свои обязанности на назначаемыхъ имъ каштелянскихъ чиновниковъ: „влодарей“ (приказчиковъ) и каштелянскихъ судей. Въ дѣлахъ военныхъ его замѣщаетъ назначаемый княземъ „войскій“ (tribunus). Такимъ образомъ и это учрежденіе начинаетъ клониться къ упадку, и каштелянъ перестаетъ быть опорой князя, начиная больше заботиться о своемъ положеніи въ ряду земскихъ чиновниковъ, самъ превращаясь въ такого чиновника. Въ первыя десятилѣтія XIV столѣтія и здѣсь совершается измѣненіе строя, повидимому, такимъ образомъ, что часть имѣній каждаго каштелянства была выдѣлена на содержаніе каштеляна, которое онъ ранѣе бралъ изъ доходовъ своего каштелянства, безъ точнаго отчета; остальную часть имѣній король отбиралъ себѣ. Такіе договоры заключались королемъ, кажется, съ каждымъ каштеляномъ въ отдѣльности. Отобранныя у каштеляновъ владѣнія король отдавалъ въ каждомъ удѣлѣ его старостѣ, пользуясь, такимъ образомъ, суще-

ствованіемъ этой должности для новой организаціи хозяйственнаго управленія своими имѣніями. Такимъ образомъ въ каждомъ удѣлѣ староста взялъ въ свои руки всѣ королевскія имѣнія; лишь нѣкоторыя имѣнія короли уже тогда стали раздавать, какъ „tenuty", чаще всего въ видѣ залога. Староста либо держалъ королевскія имѣнія въ „вѣрныхъ рукахъ" (т. е. долженъ былъ давать отчетъ въ ихъ доходахъ), либо держалъ ихъ въ арендѣ, т. е. платилъ опредѣленный годовой чиншъ, въ теченіе всего того времени, на которое онъ, по договору, получилъ эти имѣнія, либо, наконецъ, бралъ ихъ въ видѣ залога, взамѣнъ извѣстной суммы, сполна выдаваемой имъ королю, и получалъ всѣ доходы съ нихъ, пока король не заплатитъ ему всей взятой въ заемъ суммы. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ староста обязанъ былъ давать королю „стацію", т. е. содержать короля со дворомъ, въ случаѣ его пріѣзда въ удѣлъ. Размѣры этой обязанности опредѣлялись обычаемъ. Казиміръ Великій подъ конецъ своего правленія, кажется, въ 1368 году, издалъ уставъ, опредѣляющій положеніе старостъ относительно держанія ими имѣній „въ вѣрныхъ рукахъ". Такъ какъ староста изъ своихъ доходовъ покрывалъ и расходы, связанные съ его должностью, то, очевидно, онъ легко могъ въ свою пользу уменьшить долю короля. Теперь было опредѣлено, какіе доходы идутъ въ пользу государя и какіе—въ пользу старосты. „Скарбу" (казнѣ), главнымъ образомъ, были предоставлены чинши (денежныя подати), а старостѣ—доходы „in natura", изъ которыхъ онъ долженъ былъ покрывать и „стаціи". Тогда, повидимому, еще преобладала система передачи старостъ въ „вѣрныя руки" или въ аренду, хотя уже появляется и залогъ, все болѣе и болѣе распространявшійся. Это соединеніе публичныхъ функцій — замѣстительства короля — съ хозяйственными, т. е. управленіемъ имѣніями, составляетъ характерную черту въ развитіи должности старосты. Оно оказываетъ вредное вліяніе на выборъ старостъ: часто старостой становился не тотъ, кто имѣлъ соотвѣтствующія данныя для хорошаго отправленія власти, а тотъ, кто давалъ больше, кто предлагалъ болѣе высокій чиншъ или бóльшую сумму залога. Сразу еще не чувствовались вредныя послѣдствія этого соединенія публично-правовыхъ и

частно-правовыхъ функцій, но корни зла лежали уже въ этомъ смѣшеніи ихъ. Внутренняя администрація королевскихъ имѣній, находившихся въ рукахъ старостъ, зависѣла отъ старостъ, которые, въ свою очередь, отдавали эти имѣнія „въ вѣрныя руки“ или въ аренду.

Такъ какъ, одновременно съ имѣніями, старосты получили въ свои руки и „гроды“, которые въ рукахъ каштеляновъ до сихъ поръ были не только центромъ хозяйственной администраціи имѣній, но одновременно и крѣпостями, то старосты, по своей волѣ, назначали въ „гроды“ и особыхъ бургграфовъ, военныхъ управителей. Такимъ образомъ, всѣ „гроды“ въ предѣлахъ удѣла находились подъ властью одного старосты, который управлялъ ими съ помощью назначенныхъ имъ бургграфовъ.

Иначе сложились отношенія въ Малой Польшѣ. Когда каштелянства подверглись постепенному разложенію, тогда здѣсь не оказалось власти старостъ, которымъ можно было бы ввѣрить наслѣдіе каштеляновъ; надо было создать новыя, до сихъ поръ неизвѣстныя власти. Управленіе имуществомъ короля во всей Малой Польшѣ, т. е. въ Краковскомъ и Сандомірскомъ воеводствахъ, взяли въ свои руки особые „управители“ („rządcy“), а вскорѣ, уже при Локеткѣ, — одинъ, такъ называемый „краковскій главный управитель“ („wielkorządca), который отдавалъ управленіе отдѣльными комплексами этихъ имѣній въ руки такъ называемыхъ „подручныхъ“. Эти имѣнія—„главныя управленія“ („wielkorządy“), какъ потомъ ихъ называли,—„главный управитель“ держалъ „въ вѣрныхъ рукахъ“; кажется, этихъ имѣній никогда не отдавали ни въ аренду, ни въ залогъ. Однако, „главный управитель“ не получилъ военнаго управленія „гродами“. Для этого создана была новая должность бургграфовъ, назначаемыхъ королемъ по одному для каждаго „грода“. Этихъ бургграфовъ слѣдуетъ отличать отъ бургграфовъ въ другихъ удѣлахъ, ибо послѣдніе были лишь слугами старостъ, первые же—чиновниками короля. Такимъ образомъ въ Малой Польшѣ, кромѣ „оправцевъ“, существовали еще особый „главный управитель“ и королевскіе бургграфы,—какъ особыя ея должности, возникшія собственно потому, что въ ней до самой смерти Казиміра Великаго не было старостъ.

Старосты выросли на почвѣ падающихъ учрежденій, земскихъ должностей и каштелянствъ. На ряду съ этимъ, нѣкоторыя земскія должности въ концѣ разсматриваемаго періода начинаютъ получать перевѣсъ надъ такими же должностями въ другихъ удѣлахъ; тогда же возникаютъ и новыя, раньше неизвѣстныя, чисто дворцовыя должности. Къ первымъ принадлежатъ: краковскіе канцлеръ и подканцлеръ и краковскій „подскарбій“, уже начинающіе называться и дворцовыми чиновниками; ко вторымъ—маршалокъ, появляющійся при Казимірѣ Великомъ, въ качествѣ гофмейстера, и „кухмистръ“. Но все это лишь зачатки новыхъ должностей, которыя должны потомъ стать центральными властями.

Вѣче.

Таковы были задачи, прерогативы и развитіе разсмотрѣнныхъ выше должностей. Однако, кромѣ этой стороны ихъ дѣятельности, слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на другую сторону, т. е. на значеніе ихъ, какъ сановниковъ. Это касается прежде всего—а пока даже исключительно—земскихъ должностей и находится въ связи съ той эволюціей, которую онѣ переживаютъ, превращаясь изъ должностей придворныхъ въ земскія. Государь Польши въ эпоху первыхъ Пястовъ, съ тѣхъ поръ какъ ему удалось сломить значеніе родовъ, былъ абсолютнымъ государемъ. Но, очевидно, онъ долженъ былъ опираться на ту помощь, какую оказывали ему нѣкоторые, тѣснѣе связанные съ нимъ члены общества. Все еще оставаясь абсолютнымъ государемъ, князь однако долженъ былъ считаться съ ними. Такой опорой его правленія были чиновники. Пока фактически держалось единство государства, государь былъ достаточно силенъ, чтобы не допустить чиновниковъ до болѣе сильнаго вліянія на себя. Но въ этотъ періодъ и здѣсь происходятъ измѣненія. Польша распадается; слѣдовательно, каждый отдѣльный князь представляетъ собою уже меньшую силу относительно „можныхъ“; притомъ развитіе отношеній „можныхъ“ къ землѣ даетъ имъ болѣе сильное положеніе. Точно такъ же ихъ значеніе сильно возрастаетъ и въ эпоху междукняжескихъ войнъ изъ-за сеніората или изъ-за удѣловъ. Наконецъ, „можные“ начинаютъ пріобрѣтать привиллегіи, организуются на почвѣ кровнаго родства и гербовъ. Они становятся все могущественнѣе, все

болѣе заботятся о своихъ интересахъ, не всегда совпадающихъ съ интересами государственной власти. Партикуляризмъ, усилившійся въ теченіе удѣльнаго періода, еще сильнѣе начинаетъ обособлять „можныхъ" отъ князей. Той формой, въ которой сказывается это явленіе, являются „вѣча". Подъ именемъ „вѣча" сначала разумѣли вообще съѣздъ. Въ тѣ удѣльныя времена каждый князь почти всегда имѣлъ своихъ чиновниковъ при своемъ дворѣ, такъ что до половины XIII вѣка о вѣчахъ, или съѣздахъ, говорится, собственно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда съѣзжались князья и ихъ дворы. Но когда земскія должности все болѣе становятся лишь почетными, когда, сверхъ того—и это, быть можетъ, еще важнѣе—удѣлы начинаютъ объединяться, тогда князь, желая узнать мнѣніе своихъ чиновниковъ, долженъ былъ спеціально созывать ихъ, какъ только прибывалъ въ который-нибудь изъ своихъ удѣловъ. Это и есть, собственно, вѣча (colloquia). Вѣча собираются время отъ времени, въ случаѣ надобности. На нихъ обсуждаются всѣ важнѣйшія общественныя дѣла, на нихъ же князь разбираетъ и всѣ важнѣйшія судебныя дѣла. Хотя еще нѣтъ никакихъ правовыхъ нормъ, которыя заставляли бы князя обращаться къ вѣчамъ за совѣтомъ, однако онъ уже такъ зависитъ отъ своихъ „можныхъ", что не можетъ обойтись безъ нихъ. А когда появляются старосты, то, наряду съ королемъ, который попрежнему пріѣзжаетъ въ удѣлы на вѣча, и старосты также созываютъ вѣча; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ вѣча имѣютъ главнымъ образомъ судебное значеніе, да еще рѣшаютъ менѣе важныя мѣстныя дѣла. Все же слѣдуетъ отмѣтить, что эти вѣча происходятъ отдѣльно въ каждомъ удѣлѣ. Только Великая Польша, т. е. воеводства Познанское и Калишское, и Малая Польша, т. е. воеводства Краковское и Сандомірское, имѣютъ общее вѣче, ибо какъ въ Малой Польшѣ, такъ и въ Великой Польшѣ оба воеводства тѣснѣе срослись другъ съ другомъ, благодаря долгому объединенію подъ властью однихъ и тѣхъ же князей. Впрочемъ, каждый удѣлъ совѣщается отдѣльно, во главѣ съ королемъ или со старостой, замѣщающимъ короля. Еще нѣтъ и рѣчи о какихъ-нибудь съѣздахъ цѣлаго государства или хотя бы нѣсколькихъ удѣловъ. Каждый удѣлъ живетъ только собственной жизнью, другіе удѣлы

почти-что совершенно чужды ему. Сознаніе единства едва только начинаетъ вырабатываться. Потому-то и не могло еще выработаться общихъ совѣщаній, что не было общихъ дѣлъ.

Войско.

Изъ отраслей государственной администраціи обыкновенно выдѣляются и особо обсуждаются военное, финансовое и судебное дѣло. Однако въ теченіе разсматриваемаго періода эти функціи тѣсно связываются съ другими; мы уже ранѣе неоднократно касались ихъ. Обязанность военной службы продолжаетъ лежать на „milites“. Каждый изъ нихъ обязанъ, по призыву князя, явиться на войну безъ всякихъ ограниченій, въ случаѣ какъ оборонительной, такъ и наступательной войны. Однако путемъ обычая уже въ XIII вѣкѣ вырабатывается правило, что государь вознаграждаетъ рыцарство за убытки, особенно въ коняхъ, равно какъ и выкупаетъ плѣнныхъ изъ неволи, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о войнѣ за границами страны. Miles, въ зависимости отъ своего имущества, долженъ былъ имѣть соотвѣтственное—лучшее или худшее—вооруженіе и даже свою вооруженную свиту, иногда составленную изъ нѣсколькихъ людей. Появляется новая вооруженная сила—солтысы деревень, основанныхъ на нѣмецкомъ правѣ, которые должны были сопровождать своего господина въ походъ. Только въ случаѣ крайней нужды призывалось къ оружію и зависимое населеніе; въ иммунитетныхъ привиллегіяхъ это право князя было сильно ограничено.—Походъ совершался подъ предводительствомъ князя или же, по его ясному приказу, его замѣстителя—воеводы. Со времени появленія старостъ, уже на нихъ лежитъ обязанность призыва рыцарства на войну, по приказу князя, и даже предводительство въ походѣ, если дѣло касалось частнаго похода, т. е. изъ одного удѣла, а не общаго похода, подъ преводительствомъ самого короля. Въ случаѣ внезапной потребности, староста могъ созвать рыцарство, даже и не обращаясь за разрѣшеніемъ къ королю.—На ряду съ рыцарствомъ, военную силу страны составляли „гроды“, находившіеся подъ властью каштеляновъ, потомъ, въ Малой Польшѣ, подъ властью старостъ и бургграфовъ. Староста могъ призывать населеніе церковныхъ и рыцарскихъ имѣній для перестройки и постройки

новыхъ „гродовъ". Но и въ этомъ случаѣ иммунитетныя привиллегіи значительно ограничивали или вовсе отмѣняли это право относительно церкви. Оно продолжало сохранять свою силу только относительно рыцарскихъ имѣній.

Финансы. Основой княжескаго „скарба" (skarb—казна) были доходы съ имѣній, организованныхъ на основѣ каштелянскаго, а позднѣе—старостинскаго и „главноуправительскаго" строя. Рядомъ съ этимъ, князья получали доходы съ таможенъ, которыя первоначально имѣютъ характеръ мытъ и лишь въ теченіе XIII и XIV вѣковъ начинаютъ дифференцироваться въ мыта и настоящія таможни, которыя расположены не только близъ границъ, но и внутри страны, особенно на пересѣченіи дорогъ и въ центрахъ торговли. Наконецъ, въ Краковской землѣ значительные доходы доставляютъ соляныя копи, которыя стали лучше эксплоатировать съ половины XIII вѣка. Прочную организацію далъ имъ Казиміръ Великій въ 1368 году. Однако, пока существовало натуральное хозяйство, въ казнѣ князя хранились лишь драгоцѣнности („skarbiec"—сокровищница) и документы (т. е. archivum). Завѣдываніе сокровищницей и архивомъ было въ рукахъ „скарбника". Небольшой денежной наличностью завѣдывалъ монетчикъ (mincarz). Только послѣ реорганизаціи „гродового" строя, тѣсно связанной съ переходомъ натуральнаго хозяйства въ денежное, въ скарбъ начинаетъ поступать бо̀льшее количество денегъ, хотя все еще не можетъ быть и рѣчи объ единствѣ скарба, ибо старосты, стягивая доходы съ удѣловъ, выдавали деньги обыкновенно въ видѣ ассигнацій, не переводя ихъ въ скарбъ—казну. Однако значеніе казны возрастаетъ. Краковскій „скарбникъ" (казначей), будучи скарбникомъ той области, гдѣ обыкновенно пребывалъ король, начинаетъ возвышаться надъ другими „скарбниками", которые исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, теряютъ свои функціи. Что касается расходовъ, то они идутъ, главнымъ образомъ, на содержаніе княжескаго двора, поскольку эти расходы не покрываются сполна „стаціями" старостъ. Другой расходъ это — постройка „гродовъ", особенно же—великолѣпныхъ замковъ, костеловъ и т. д. при Казимірѣ Великомъ. Войско—кромѣ позднѣйшаго вознагражденія убытковъ, въ случаѣ заграничнаго похода—не сто̀итъ ничего; нѣтъ никакихъ расходовъ на администрацію государства, ибо

чиновники имѣютъ земельное обезпеченіе. Очевидно, нѣтъ еще никакого различія между государственнымъ и королевскимъ скарбомъ—казной. Существуетъ лишь одна единственная казна, подобно тому, какъ и понятіе о королѣ соотвѣтствуетъ еще понятію о государствѣ и покрывается имъ.

Суды.

Что касается судовъ, то слѣдуетъ отличать судъ надъ шляхтой и судъ надъ крестьянскимъ и городскимъ населеніемъ. Уже въ предшествующій періодъ выработалось правило, что milites подлежатъ лишь суду князя, котораго могъ замѣщать и воевода. Каштеляны не имѣли никакой судебной власти надъ milites, между тѣмъ какъ часто утверждаютъ это. Князь творитъ судъ въ мѣстѣ своего пребыванія, въ присутствіи своихъ придворныхъ. Но болѣе важныя дѣла, въ особенности касающіяся земли, князь обыкновенно, особенно съ XIII столѣтія, рѣшаетъ на вѣчахъ. Судья, иногда подсудокъ, помогаютъ князю лишь въ формальной сторонѣ процесса; приговоръ зависитъ отъ князя. Когда въ XIV вѣкѣ появляются старосты, то, наряду съ королевскими судами, открывающимися съ пріѣздомъ короля въ удѣлъ, при томъ обыкновенно на вѣчахъ, и старосты отправляютъ судъ въ тѣхъ же предѣлахъ, что̀ и король—или въ присутствіи лицъ, находящихся при старостѣ, или же на вѣчѣ, когда староста созываетъ всѣхъ сановниковъ удѣла. Такіе вѣчевые суды происходятъ не регулярно—только тогда, когда староста созоветъ ихъ. Но уже въ половинѣ XIV вѣка староста не въ состояніи лично засѣдать на всѣхъ судахъ. Поэтому онъ сохраняетъ за собой лишь предсѣдательство на вѣчахъ и разборъ уголовныхъ дѣла, другія же дѣла отдаетъ на рѣшеніе судьи и подсудка, которые и рѣшаютъ ихъ на обыкновенныхъ судахъ, такъ называемыхъ „рочкахъ“. Еще при Казимірѣ Великомъ начинаютъ устанавливаться постоянныя мѣста и дни, гдѣ и когда судья и подсудокъ отправляютъ эти „рочки“. Такимъ образомъ, въ каждой области имѣется одинъ судья и одинъ подсудокъ, которые и объѣзжаютъ удѣлъ, пріѣзжая въ опредѣленные дни въ извѣстныя мѣстности. Такимъ путемъ начинаетъ утверждаться дѣленіе на „повѣты“, совершенно не извѣстное до тѣхъ поръ.

Нѣсколько иначе развивалось дѣло въ Малой Польшѣ. Здѣсь судья и подсудокъ уже раньше пріобрѣли извѣстную

самостоятельность, такъ какъ король, болѣе старосты занятый государственными дѣлами, еще менѣе имѣлъ времени для занятія въ такой же мѣрѣ и судомъ. Но важнѣйшія дѣла и потомъ оставались въ рукахъ короля. Впрочемъ, съ 1362 года и въ Малой Польшѣ появляются вѣча безъ участія короля. Различіе такихъ вѣчъ отъ соотвѣтствующихъ вѣчъ другихъ земель заключается въ томъ, что на нихъ нѣтъ старосты (староствъ въ Малой Польшѣ не существуетъ), и что засѣдаютъ на нихъ важнѣйшіе земскіе сановники, а именно: воеводы, каштеляны и т. д., хотя, впрочемъ, составъ ихъ не былъ точно опредѣленъ. Эти вѣча усвоили себѣ прерогативы короля относительно важнѣйшихъ дѣлъ, хотя и здѣсь король продолжалъ производить судъ, насколько ему позволяло время. Малопольскія вѣча отличаются отъ вѣчъ другихъ удѣловъ еще и тѣмъ, что они сразу же по установленіи стали собираться въ опредѣленныхъ мѣстахъ (Краковъ, Сандоміръ, Вислица, Радомъ, Люблинъ) и въ опредѣленные дни года (трижды въ годъ). Точное опредѣленіе мѣстъ отбыванія „рочковъ“, на которыхъ засѣдали судья и подсудокъ, времени ихъ собранія и, наконецъ, опредѣленіе повѣтовъ и въ Малой Польшѣ происходитъ такъ же, какъ и въ другихъ удѣлахъ; можетъ быть, все это было здѣсь даже и раньше. Во всей Польшѣ одного только рода дѣла не подлежали этимъ судамъ: это — межевые споры. Послѣдніе въ каждой землѣ рѣшались ея подкоморіемъ.

Судебная власть надъ несвободнымъ населеніемъ съ самаго начала принадлежала исключительно его „пану“—господину, именно: рыцарю (miles)—въ своихъ имѣніяхъ, церкви—въ своихъ, въ королевскихъ же имѣніяхъ она принадлежала каштеляну. Свободное населеніе, сидѣвшее на чужихъ земляхъ—рыцарскихъ, церковныхъ и королевскихъ—подлежало суду каштеляновъ. Однако иммунитетныя привиллегіи передали церкви, а потомъ и „воямъ“ (milites), и судебную власть надъ свободными людьми, живущими въ ихъ имѣніяхъ, что̀ значительно способствовало сліянію этихъ двухъ слоевъ. Еще ранѣе стерлось это различіе между ними въ каштелянствахъ, ибо здѣсь каштелянъ имѣлъ судебную власть и надъ свободнымъ и надъ несвободнымъ населеніемъ, хотя бы и по различнымъ титуламъ. Такимъ образомъ уже тогда въ Польшѣ вполнѣ выработалась патримо-

ніальная юрисдикція. Нѣмецкая колонизація измѣнила такое положеніе дѣла, но только относительно тѣхъ имѣній, которыя были заселены на нѣмецкомъ правѣ, ибо другія деревни и потомъ остались при своемъ прежнемъ судебномъ строѣ, т. е. при патримоніальной юрисдикціи „пановъ"—владѣльцевъ деревень.—Въ деревняхъ, возникшихъ путемъ локаціи, для каждой изъ нихъ является особый судъ—лава, съ солтысомъ во главѣ, которая, на основаніи нѣмецкаго права, судитъ и гражданскія и уголовныя дѣла. То же мы видимъ и въ городахъ, гдѣ юрисдикція тоже находится въ рукахъ лавы и войта, хотя относительно „безспорныхъ дѣлъ" съ лавой начинаютъ соперничать городскіе Совѣты. Такимъ путемъ городское населеніе и часть сельскаго пріобрѣли свой собственный судъ. Эти суды собирались время отъ времени, въ опредѣленные сроки—трижды въ годъ собирались такъ называемые великіе „гайоные" суды, на которыхъ, по деревнямъ, засѣдалъ самъ владѣлецъ деревни либо города или его замѣститель.

Однако, рядомъ съ этими судами, возникли еще, вслѣдствіе колонизаціи, и другіе суды, именно такъ называемые „ленные солтысскіе суды". Если дѣло касалось солтыса (или войта) и его права на эту должность, то дѣла такого рода могъ рѣшать только его господинъ, вмѣстѣ съ лавой, составленной изъ семи солтысовъ: отношенія солтыса къ владѣльцу разсматривались, какъ ленныя отношенія, а ленному господину можно было судить солтыса только вмѣстѣ съ лавой, составленной изъ равныхъ подсудимому лицъ. Владѣлецъ составлялъ такой судъ отъ случая до случая, по мѣрѣ надобности, приглашая на него либо своихъ, либо чужихъ солтысовъ, такъ какъ у него самого рѣдко бывало соотвѣтственное количество своихъ солтысовъ. Въ XIV вѣкѣ въ болѣе обширныхъ владѣніяхъ начали возникать постоянные суды этого рода.

Отъ этихъ судовъ слѣдуетъ отличать такъ называемые „высшіе суды нѣмецкаго права". Такими судами считались тѣ, которые, на основаніи обычая или же распоряженія владѣльца, давали правовые совѣты, или „ортыли", другимъ судамъ. Вотъ обычно такіе-то ленные суды были одновременно и высшими судами, ибо деревенскія и городскія лавы охотно обращались къ нимъ за совѣтомъ. Однако въ важ-

ныхъ дѣлахъ еще въ XIV вѣкѣ обращались въ Магдебургъ. Только Казиміръ Великій занялся широкимъ планомъ устройства такого суда, который замѣнилъ бы эти меньшіе суды, распространяя свою власть на значительную территорію Польши, по крайней мѣрѣ, хотя бы, напримѣръ, на Малую Польшу (въ Великой Польшѣ ленные суды не были извѣстны). Въ 1356 году онъ основываетъ „высшій судъ нѣмецкаго права въ Краковскомъ замкѣ“ и еще разъ преобразовываетъ его въ 1365 г. Этотъ судъ долженъ былъ стать леннымъ судомъ для солтысовъ и въ то же время высшимъ судомъ, который давалъ бы правовые совѣты, устраняя такимъ путемъ обращеніе за „ортылями“ въ Магдебургъ. Но король самъ имѣлъ право даровать этому суду власть только относительно своихъ имѣній. Поэтому король вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими крупными монастырями Малой Польши, такъ что и они признали компетенцію этого суда относительно своихъ владѣній. Надъ этимъ судомъ, который должны были составлять выборные изъ среды солтысовъ королевскихъ и монастырскихъ имѣній, король поставилъ еще такъ называемый „судъ шести городовъ“, который долженъ былъ собираться, въ случаѣ нужды, какъ еще болѣе высокая инстанція судебныхъ мѣстъ. Лавниковъ этого суда должны были избирать крупные малопольскіе города въ числѣ шести; отсюда и происходитъ его названіе. Оба эти суда, дѣйствительно, начали функціонировать, но надежды короля не вполнѣ осуществились. Въ частныхъ (церковныхъ) имѣніяхъ въ XIV вѣкѣ возникаютъ все новые высшіе и ленные суды; еще долго потомъ продолжаютъ обращаться за „ортылями“ и въ Магдебургъ.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ.

Характеристика. Основы развитія Польши.

Общество организовалось на основаніи привиллегій, создало внутри себя сословія. Періодъ этотъ, начинающійся Кошицкой привиллегіей,—періодъ сословій, притомъ равновѣсія этихъ сословій. Хотя сословія и не считаются равными между собой, однако каждое изъ нихъ имѣетъ свои собственныя привиллегіи, свой собственный кругъ дѣятельности, въ предѣлахъ котораго и можетъ свободно двигаться, жить и развиваться. Но въ исторіи нѣтъ и не должно быть безусловнаго застоя; если относительно—прочныя формы остаются безъ значительныхъ перемѣнъ, то это уже само по себѣ обозначаетъ шагъ назадъ. Польша же тогда дѣйствительно живетъ, дѣйствительно движется, идетъ впередъ. Равновѣсіе сословій начинаетъ колебаться, особенно съ конца XV вѣка, какъ оно уже раньше поколебалось на Западѣ Европы, который, со своей болѣе старой цивилизаціей, больше, чѣмъ на цѣлое столѣтіе, опережалъ Польшу въ общественномъ и политическомъ развитіи. Только въ Польшѣ условія, среди которыхъ происходитъ это развитіе, отличаются инымъ характеромъ, чѣмъ на Западѣ. Поляки, опоздавъ, старались сравняться съ Западомъ и, дѣйствительно, все болѣе и болѣе приближались къ нему. Можетъ быть, это не всегда было хорошо, но, вообще говоря, мы должны признать эту эволюцію полезной. Тогда какъ западно-европейскія общества принуждены были сами разрѣшать проблемы жизни, появлявшіяся въ ходѣ исторіи, должны были съ основъ и генетически созидать и развивать правовыя институціи, отвѣчавшія ихъ нуждамъ,—поляки, при по-

явленіи у нихъ тѣхъ же задачъ и требованій жизни, могли воспользоваться примѣромъ Запада, могли прямо, безъ самостоятельнаго творчества, перенести къ себѣ учрежденія, уже созданныя въ другихъ мѣстахъ. Такимъ путемъ поляки избѣжали тяжкаго періода рожденія учрежденій; если на Западѣ между появленіемъ потребности и ея окончательнымъ удовлетвореніемъ проходилъ довольно длинный періодъ времени, то у поляковъ эти два момента сближались, и потребности удовлетворялись гораздо быстрѣе. Такимъ путемъ поляки, при организаціи государства, уже на зарѣ своей исторіи, восприняли строй франкскаго двора, какъ основу строя центральныхъ властей. На франкскихъ образцахъ, зачатки которыхъ относились еще ко временамъ Карла Великаго (capitulare de villis), оперлась организація „гродовъ“ (бурговъ), этотъ главный фундаментъ государственной организаціи. Поляки не развили генетически своей собственной деревни; они взяли съ Запада готовую схему, и хотя не вдругъ, но все-таки въ теченіе относительно короткаго періода времени осуществили полное экономическое преобразованіе Польши, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, одновременно съ колонизаціей деревень, они перенесли на свою почву и городской строй, уже вполнѣ выработанный на Западѣ. Такихъ примѣровъ—кромѣ этихъ, можетъ быть, самыхъ яркихъ и важныхъ—можно было бы привести гораздо больше. Поляки шли впередъ не постепенно, шагъ за шагомъ, а скачками, не разъ даже черезчуръ рѣзкими. Въ этомъ, конечно, были и свои дурныя стороны. Въ дѣйствительности, перенесеніе учрежденій съ Запада происходило не механически. Учрежденія, которыя предназначены стать формой для содержанія жизни, должны и приспособляться къ этому содержанію, ибо иначе либо сила жизни разорветъ и сокрушитъ ихъ, можетъ быть, и послѣ упорной и вредной борьбы, либо эта форма, черезчуръ сильная, неподатливая, не дастъ развиться зачаткамъ этой жизни, убьетъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, изуродуетъ. Между тѣмъ формы, привитыя Польшѣ, обнаруживаютъ значительную жизненность, превосходно прививаются. Очевидно, условія жизни благопріятствовали приспособленію къ нимъ этихъ чужихъ растеній. Повидимому, потребности оцѣнивались удачно, удачно подыскивались и формы для ихъ удовлетворенія.

зывалось въ судъ по два члена или „гербовыхъ стрыйца“ изъ трехъ родовъ: отца, матери и бабушки (матери отца), завѣдомыхъ шляхтичей, которые подтверждали присягой, что „заподозрѣнный“—ихъ братъ и „клейнотникъ“, т. е. имѣетъ тѣ же самые гербъ и „кличъ“ („прокламацію“), что̀ и они. Въ Малой Польшѣ доказательство производилось при помощи шести свидѣтелей изъ рода отца; однако и здѣсь уже въ началѣ XV-го вѣка привилась великопольская система доказательства при помощи свидѣтелей изъ трехъ родовъ. Такимъ путемъ постепенно установились границы шляхты. Уже въ половинѣ XV вѣка—ранѣе—въ Великой Польшѣ, позднѣе—въ Малой—почти совершенно исчезаютъ и „порицанія“ и „очищенія шляхетства“, ибо больше уже не было нужды въ нихъ. Приблизительно въ то же время исчезаетъ и неполная шляхта, „влодыки“, которые почти не оставили даже и слѣда по себѣ. Процессъ образованія шляхты закончился въ ту пору. Для тѣхъ, кто хотѣли войти въ составъ шляхты, было только два пути: усыновленіе („адопція“) шляхетскимъ родомъ и пожалованіе (нобилитація) короля. Усыновленіе, т. е. принятіе въ родъ и въ его гербъ, зависѣло отъ согласія рода. Въ XIV и XV вѣкѣ это былъ главный способъ пріобрѣтенія шляхетства. Нобилитація, т. е. пожалованіе шляхетства королемъ, встрѣчающееся уже съ XIV вѣка и потомъ все учащающееся, первоначально была тоже собственно особымъ видомъ усыновленія. Король даровалъ получившему нобилитацію свой гербъ, т. е. какъ бы принималъ его въ свой родъ; но гербъ этотъ онъ давалъ, какъ говорилось, „ущербленнымъ“, т. е. безъ какой-нибудь части (напримѣръ, Ягеллоны давали такъ называемую „польскую погонь“, т. е. руку съ мечемъ,—очевидно, часть „литовской погони“, представляющей рыцаря съ мечемъ). Но уже при послѣднихъ Ягеллонахъ этотъ обычай исчезаетъ, и короли при нобилитаціи начинаютъ давать какой-нибудь произвольный гербъ. Появляющійся при этихъ короляхъ (въ концѣ XV вѣка) такъ называемый „индигенатъ“ былъ только признаніемъ польскимъ шляхтичемъ того, кто уже ранѣе принадлежалъ къ чужеземному дворянству. Но и подъ этой формой часто скрывалась настоящая нобилитація.

Итакъ, въ шляхтѣ принадлежатъ тѣ, кто имѣетъ гербъ. Въ теченіе этого періода окончательно исчезаетъ обяза-

щественій строй. Шляхта.

Всѣ эти разсужденія касаются также и вопроса объ общественномъ развитіи, въ особенности развитіи взаимоотношеній классовъ, положенія шляхты относительно какъ городовъ и крестьянъ, такъ и государя. Въ Польшѣ шляхта вырабатывается позже, чѣмъ на Западѣ, хотя и такимъ же путемъ; но окончательная ея организація произошла въ эпоху сравнительно болѣе раннюю (поскольку дѣло идетъ о степени развитія общества), чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Въ то время, когда распространялись гербы, понятіе о родѣ еще существовало, хотя все болѣе и болѣе слабѣло. Благодаря принятію гербовъ, благодаря ихъ общности, это родовое чувство поднялось снова. Усилилась и родовая солидарность. Въ силу этого, въ составъ шляхты вошли цѣлые роды, а не отдѣльныя семейства, какъ было на Западѣ, гдѣ эпоха гербовъ наступаетъ уже послѣ паденія всѣхъ родовыхъ узъ. Такимъ образомъ, шляхетскія права и привиллегіи, сопровождающія титулъ, выпадаютъ на долю и тѣхъ экономически и общественно слабыхъ элементовъ, единственной опорой которыхъ была принадлежность къ извѣстному роду. Потому-то у поляковъ и не создалось различія въ степеняхъ дворянства, какъ это встрѣчается въ другихъ странахъ, и дворянъ оказалось относительно гораздо больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, непропорціонально много. И теперь еще можно убѣдиться въ этомъ.

Въ этотъ періодъ кругъ шляхты уже замыкается, и притомъ все строже. Это замыканіе осуществляется главнымъ образомъ въ формѣ „порицанія и очищенія шляхетства“, которое, впрочемъ, встрѣчается уже и нѣсколько ранѣе, а въ это время получаетъ лишь особенно широкое примѣненіе. Шляхта добивается все новыхъ правъ и привиллегій и хлопочетъ о томъ, чтобы только одна она могла пользоваться ими. Она блюдетъ за тѣмъ, чтобы не допустить до пользованія ими людей, не призванныхъ къ тому—не-шляхты. Но отношенія шляхетства еще не вполнѣ установились, еще возникаетъ много сомнѣній; поэтому каждаго, относительно кого возникаютъ какія-нибудь сомнѣнія, можно „укорить“ въ томъ, что онъ—не шляхтичъ, можно „порицать“ его шляхетство. Тогда онъ долженъ „очиститься“, доказать свою принадлежность къ шляхтѣ. Это доказательство („выводъ“) шляхетства происходило въ двоякой формѣ. Въ Великой Польшѣ при-

зывалось въ судъ по два члена или „гербовыхъ стрыйца" изъ трехъ родовъ: отца, матери и бабушки (матери отца), завѣдомыхъ шляхтичей, которые подтверждали присягой, что „заподозрѣнный"—ихъ братъ и „клейнотникъ", т. е. имѣетъ тѣ же самые гербъ и „кличъ" („прокламацію"), что̀ и они. Въ Малой Польшѣ доказательство производилось при помощи шести свидѣтелей изъ рода отца; однако и здѣсь уже въ началѣ XV-го вѣка привилась великопольская система доказательства при помощи свидѣтелей изъ трехъ родовъ. Такимъ путемъ постепенно установились границы шляхты. Уже въ половинѣ XV вѣка—ранѣе—въ Великой Польшѣ, позднѣе—въ Малой—почти совершенно исчезаютъ и „порицанія" и „очищенія шляхетства", ибо больше уже не было нужды въ нихъ. Приблизительно въ то же время исчезаетъ и неполная шляхта, „влодыки", которые почти не оставили даже и слѣда по себѣ. Процессъ образованія шляхты закончился въ ту пору. Для тѣхъ, кто хотѣли войти въ составъ шляхты, было только два пути: усыновленіе („адопція") шляхетскимъ родомъ и пожалованіе (нобилитація) короля. Усыновленіе, т. е. принятіе въ родъ и въ его гербъ, зависѣло отъ согласія рода. Въ XIV и XV вѣкѣ это былъ главный способъ пріобрѣтенія шляхетства. Нобилитація, т. е. пожалованіе шляхетства королемъ, встрѣчающееся уже съ XIV вѣка и потомъ все учащающееся, первоначально была тоже собственно особымъ видомъ усыновленія. Король даровалъ получившему нобилитацію свой гербъ, т. е. какъ бы принималъ его въ свой родъ; но гербъ этотъ онъ давалъ, какъ говорилось, „ущербленнымъ", т. е. безъ какой-нибудь части (напримѣръ, Ягеллоны давали такъ называемую „польскую погонь", т. е. руку съ мечемъ,—очевидно, часть „литовской погони", представляющей рыцаря съ мечемъ). Но уже при послѣднихъ Ягеллонахъ этотъ обычай исчезаетъ, и короли при нобилитаціи начинаютъ давать какой-нибудь произвольный гербъ. Появляющійся при этихъ короляхъ (въ концѣ XV вѣка) такъ называемый „индигенатъ" былъ только признаніемъ польскимъ шляхтичемъ того, кто уже ранѣе принадлежалъ къ чужеземному дворянству. Но и подъ этой формой часто скрывалась настоящая нобилитація.

Итакъ, въ шляхтѣ принадлежатъ тѣ, кто имѣетъ гербъ. Въ теченіе этого періода окончательно исчезаетъ обяза-

тельная связь шляхетства съ землевладѣніемъ. Правда, шляхта-„голота“, называемая еще „одардями“, могла пользоваться не всѣми шляхтскими правами, хотя и была шляхтой. Съ тѣхъ поръ шляхетство обусловливается принадлежностью къ роду; оно переходитъ путемъ наслѣдованія, независимо отъ отношенія къ землѣ, изъ котораго оно первоначально выросло. Внѣшнимъ признакомъ шляхетства становится гербъ; ибо уже въ теченіе XV вѣка исчезаетъ различіе герба и „прокламаціи“; „прокламаціи“ исчезаютъ. Зато появляются фамильныя имена—сперва (уже въ первой половинѣ XV вѣка) въ Великой Польшѣ, позже—въ Малой Польшѣ и на Руси. Обыкновенно ихъ производятъ отъ названій деревень, въ формѣ прилагательныхъ на „скій“ (—ski) и „цкій“ (—cki). Первоначально фамиліи измѣнчивы: иногда одинъ и тотъ же человѣкъ носитъ одну за другой нѣсколько фамилій, мѣняя деревни, гдѣ проживалъ. Но фамиліи быстро устанавливаются. Очевидно, разные члены родовъ усваиваютъ различныя фамиліи; иногда даже братья называютъ себя различно. Но остается общій гербъ, который напоминаетъ о прежнемъ родовомъ единствѣ, хотя нерѣдко къ одному и тому же гербу принадлежитъ и нѣсколько десятковъ семействъ.

Шляхта, теперь такъ сильно обособленная отъ другихъ сословій, еще раньше пріобрѣла значительныя привиллегіи въ общественномъ строѣ. Въ этомъ періодѣ появляются новые, очень сильные факторы, способствующіе дальнѣйшему блестящему расширенію этихъ привиллегій. Такія событія, какъ смерть Казиміра Великаго—переходъ престола къ Людовику, избраніе Ядвиги — и слѣдующія „элекціи“ Ягеллоновъ, въ сильной степени ускоряютъ развитіе шляхетскихъ правъ и привиллегій. Положеніе общества—и въ особенности шляхты—относительно этихъ новыхъ династій стало совсѣмъ инымъ. Казиміръ Великій, какъ и его предшественники, выводилъ свою власть изъ мрака исторіи; это была исконная власть надъ обществомъ. Но уже Людовикъ, хотя онъ и основывалъ свое право на престолъ на распоряженіи Казиміра Великаго, хотя былъ кровнымъ родственникомъ его и получалъ власть на основаніи этого кровнаго родства, все же, чтобы снискать признаніе общества, чтобы не встрѣтить противодѣйствія, долженъ былъ обезпечеть права и при-

виллегіи шляхты своей Будинской привиллегіей 1355 года.— Но все это были только еще общія гарантіи, общее подтвержденіе привиллегій. Получивъ престолъ, Людовикъ уже не былъ принужденъ давать новыя свободы. Если бы у него были мужскіе потомки, то они уже по праву заняли бы послѣ него престолъ на Вавелѣ; но мужского потомства у него не было. Чтобы пріобрѣсти права для дочери, ему нужно было договариваться съ обществомъ. При „элекціи“ мужа этой дочери—новые договоры (pacta). У Ядвиги не осталось потомства. Права потомковъ Ягелло—неясны. Отсюда идутъ новые торги, новыя привиллегіи: первая—Кошицкая въ 1374 году, дальше—Краковская и Корчинская въ 1386 г., Петроковская въ 1388 г., а потомъ—Брестская (1425 г.), Едльненская (1430 г.) и Краковская (1433 г.).

Когда отношенія государства начинаютъ требовать болѣе частыхъ войнъ и податей, то шляхта, вооруженная привиллегіями, въ замѣнъ за то, что идетъ на войну, что платитъ подати, не будучи обязанной къ тому, начинаетъ требовать дальнѣйшихъ, все бо́льшихъ правъ: она получаетъ новыя земскія привиллегіи, изъ которыхъ важнѣйшими являются: Червиньская привиллегія 1422 года, Церексвицкая (для Великой Польши) 1453 года и великіе Нѣшавскіе статуты въ 1454 году. Со второй половины XV вѣка форма земскихъ привиллегій исчезаетъ. Однако шляхта получаетъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ „концессій“ въ новыхъ конституціяхъ, начиная съ конституцій 1493 и 1496 гг.

„Элекція“ и право вотировать налоги—такое оружіе въ рукахъ шляхты, которымъ она умѣетъ пользоваться. Шляхта все точнѣе, все шире устанавливаетъ свои права. Въ то время какъ эти привиллегіи первоначально служили главнымъ образомъ въ пользу сильнѣйшихъ, теперь понемногу добивается признанія и власти уже и шляхта безъ титуловъ, безъ значенія, сѣрая, но многочисленная шляхетская толпа. Теченіе это становится сильнымъ уже со времени Нѣшавскихъ статутовъ и представляется вполнѣ естественнымъ, въ виду постоянно обнаруживаемой въ исторіи тенденціи къ распространенію правъ на болѣе широкіе круги общества. Оно нашло себѣ опору въ сложившихся отношеніяхъ, которыя превратили шляхту въ единообразную равноправную массу. Это развитіе и здѣсь идетъ скач-

ками, особенно съ 1374 года до смерти Ягелло. Благодаря благопріятнымъ отношеніямъ, шляхта въ Польшѣ быстро добивается тѣхъ правъ, за которыя въ другихъ мѣстахъ приходилось долго бороться. Достаточно взять для сравненія Мазовію, гдѣ шляхта даже въ XVI вѣкѣ еще не имѣетъ тѣхъ правъ, которыя польская шляхта получила уже по Кошицкой и послѣдующимъ привиллегіямъ.

Шляхта опредѣлила въ привиллегіяхъ прежде всего свои обязанности къ государству. Уже Кошицкая привиллегія установила, что шляхта ежегодно платитъ въ пользу короля только два гроша съ лана („лановая подать"—łanowe); слѣдовательно, если позднѣе король хотѣлъ получить подать, то шляхта должна была добровольно согласиться на это. Кромѣ того, шляхта отбываетъ военную службу. Однако привиллегія 1386 г. гарантировала ей вознагражденіе за убытки и выкупъ изъ плѣна, въ случаѣ войны въ предѣлахъ страны. Точно также привиллегіи устанавливали для шляхты жалованье, въ случаѣ заграничной войны; со времени привиллегіи 1425 года это жалованье—5 гривенъ съ копья. Личная свобода шляхты была особенно гарантирована Червиньской привиллегіей 1422 г., установившей, какъ принципъ, что король не имѣетъ права безъ суда конфисковать имущества шляхты, равно какъ и привиллегіями 1425, 1430 и 1433 гг., которыя гласятъ, что, за исключеніемъ шести опредѣленныхъ случаевъ, нельзя безъ суда лишить шляхтича свободы (neminem captivari permittemus nisi iure victum). Въ позднѣйшихъ привиллегіяхъ выступаютъ такіе постулаты, которые болѣе относятся къ широкой массѣ шляхты, особенно касаются чисто экономическихъ выгодъ—пониженія судебныхъ платежей, облегченія въ процессахъ и т. д. Важнѣйшіе изъ нихъ—свобода отъ таможенныхъ пошлинъ, равно какъ и право получать соль изъ „жупъ". Свободу отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ (cło) и мыта (строго не различавшихся) шляхта получаетъ въ Нѣшавскихъ привиллегіяхъ 1454 г., но только относительно товаровъ, получаемыхъ съ ближайшаго рынка для домашняго употребленія, прежде всего — соли. Эта таможенная свобода подтверждается и конституціей 1496 г. Но только конституція 1504 г. дала шляхтѣ свободу отъ таможенныхъ сборовъ и для предназначенныхъ къ вывозу плодовъ собственнаго

хозяйства. Всѣ эти свободы подтверждались и позднѣе, въ 1511, 1538 и 1550 годахъ. Со времени Нѣшавскихъ привиллегій ведетъ свое начало и признанное за шляхтой право получать по низшей цѣнѣ соль изъ соляныхъ копей („жупъ"). Цѣны, установленныя для шляхты конституціей 1520 года, на долгое время остались нормальными, несмотря на то, что потомъ рыночная цѣна соли сильно поднялась.

Всѣми этими привиллегіями пользуется прежде всего осѣдлая, землевладѣльческая шляхта, которая въ то же время все болѣе и болѣе захватываетъ въ свои руки и государственныя должности. Гораздо менѣе пользуется ими шляхта—„голота"; въ частности, къ ней не относился и пунктъ о недопустимости лишенія свободы безъ судебнаго приговора.

Духовенство.

Духовенство, тѣсно связанное со шляхтой, выступаетъ въ качествѣ первенствующаго сословія. Очевидно, высшія церковныя должности и раньше всегда занимались членами рыцарскаго сословія. Однако въ теченіе даннаго періода это стремленіе идетъ дальше, требуетъ правового обезпеченія за шляхтой ея мѣста въ церкви. Уже въ 1414 году папа Іоаннъ XXIII издаетъ для Гнѣзна, Познаня и Кракова буллы, устанавливающія, что въ капитулы имѣютъ доступъ лишь шляхтичи или тѣ, кто получилъ ученую степень. Однако въ XV вѣкѣ эти распоряженія, повидимому, еще не исполнялись слишкомъ строго, хотя Ягелло и Казиміръ Ягеллончикъ (1475 г.) со своей стороны поддержали ихъ спеціальными, ближе неизвѣстными распоряженіями. Ихъ возобновляетъ и точнѣе опредѣляетъ конституція 1496 г., предоставляющая плебеямъ въ капитулахъ, самое большое, пять мѣстъ, при томъ подъ условіемъ обладанія ученой степенью (два мѣста для докторовъ права, два—для докторовъ богословія и одно—для доктора медицины или „magistra artium"). Но такъ какъ подобныя одностороннія постановленія не могли имѣть обязательной силы, не получивъ подтвержденія со стороны церкви, то позаботились и объ этомъ подтвержденіи. Юлій II въ буллѣ 1505 г. для Гнѣзненскаго капитула и Левъ X въ буллѣ 1515 г. (въ 1516 г. подтвержденной Сигизмундомъ I) для капитуловъ всей гнѣзненской митрополіи стали на ту же точку зрѣнія, что и ста-

тутъ 1496 года. Булла 1515 года была еще дополнена въ 1543 г. папой Павломъ III. Въ конституціи оговорено, что и на низшія должности въ капитулахъ (1505 г.) и на должность аббатовъ (1538, 1539 и 1550 гг.) можно избирать только шляхтичей. Все это еще сильнѣе связало оба привиллегированныхъ сословія и еще болѣе обезпечивало за шляхтой занятое ею положеніе въ церкви.

Но если и духовенство и шляхта были одинаково заинтересованы въ сохраненіи своего привиллегированаго положенія относительно прочихъ сословій, то все же нерѣдко между ними возникали и значительныя столкновенія. Поскольку дѣло касалось короля, онъ требовалъ лишь признанія своего вліянія на замѣщеніе епископій, ибо епископы являлись, вѣдь, и сановниками государства. Поэтому уже Казиміръ Великій пытался вліять на выборы епископовъ, предлагая своихъ кандидатовъ. Того же принципа придерживаются и Ягеллоны, такъ что уже во второй половинѣ XV вѣка замѣщеніе вакантной епископіи фактически зависѣло всецѣло отъ короля, представлявшаго своего кандидата въ особомъ своемъ посланіи капитуламъ (такъ называемыя litterae instantiales), а выборъ, совершаемый капитуломъ, былъ только формой безъ значенія. Позднѣе (въ XVI вѣкѣ) капитулы даже вовсе не производятъ выборовъ, и замѣщеніе епископій происходитъ исключительно путемъ соглашенія короля съ папой, которому король прямо и представлялъ своего кандидата. Кромѣ того, церковь подвергалась ограниченіямъ и въ интересахъ шляхтскаго сословія. Шляхта стремилась къ тому, чтобы имѣнія церкви, т. е. „мертвой руки“, не увеличивались слишкомъ, въ ущербъ шляхтѣ. Дѣйствительно, конституція 1510 года воспретила отдавать по духовному завѣщанію недвижимыя имущества въ пользу церкви. Несмотря на рѣзкую борьбу, особенно при Сигизмундѣ-Августѣ, шляхтѣ не удались всѣ попытки устраненія привиллегій церкви относительно податей и военной службы. Церковь не платила другихъ податей, кромѣ лановой, лишь кое-гдѣ превышающей шляхетскую лановую подать въ 2 гроша, кромѣ платежей хлѣбомъ (osep) и „стаціи“ съ нѣкоторыхъ монастырей. Разъ шляхта вотировала подати, то и духовенство обыкновенно давало какую-нибудь денежную сумму, но лишь въ каче-

ствѣ добровольнаго пожертвованія (subsidium charitativum). Точно также церковь вполнѣ сохранила и свободу отъ военной службы. Со времени Казиміра Великаго велась еще болѣе ожесточенная борьба изъ-за десятинъ. Главнымъ же образомъ она относится къ первой половинѣ XV вѣка. Въ Малой Польшѣ она закончилась договоромъ 1437 г., заключеннымъ, благодаря Олесницкому. Борьба эта возобновилась и въ XVI вѣкѣ, но церковь побѣдила и тогда.

Зато церковь должна была уступить относительно суда. Кругъ дѣлъ, входившихъ въ компетенцію церковнаго суда, былъ очень обширенъ. Къ XV вѣку относится, можетъ быть, самый полный расцвѣтъ церковной юрисдикціи, несмотря на сопротивленіе шляхты, особенно—привлеченію къ церковнымъ судамъ чисто свѣтскихъ дѣлъ. Въ 1433 г. эдиктъ короля Ягелло даже гарантировалъ приговорамъ церковныхъ судовъ экзекуцію старостъ въ такой именно формѣ, что старосты должны были забирать имущества тѣхъ, кто въ теченіе года и шести недѣль пребывали подъ клятвой изъза неподчиненія приговору церковнаго суда, и задерживать эти имущества въ своихъ рукахъ, пока подпавшій проклятію не дастъ церкви удовлетворенія.

Когда въ 1532 года составлялся проектъ свода законовъ, такъ называемая „Корректура", то компетенція церкви была опредѣлена именно въ тѣхъ широкихъ границахъ, какія она уже имѣла на практикѣ. „Корректура" не вошла въ жизнь, осталась проектомъ. Однако компетенція церкви на этихъ принципахъ была опредѣлена—очевидно, лишь одностороннимъ образомъ — на Петроковскомъ синодѣ 1542 г. Эти опредѣленія были восприняты годомъ позже (1543) конституціей Петроковскаго сейма, обязательная сила которой, впрочемъ, простиралась всего лишь на одинъ годъ. Вскорѣ вопросъ о церковной юрисдикціи сталъ одной изъ главныхъ составныхъ частей программы такъ называемой „экзекуціи правъ" при Сигизмундѣ-Августѣ. Стали требовать частичнаго ограниченія этой юрисдикціи (относительно отпаденія отъ католической религіи), а затѣмъ, начиная съ 1557 г., и вообще отмѣны экзекуціи старостами рѣшеній церковныхъ судовъ. Наконецъ, сеймы 1562—1563 и 1565 гг. закончили эту борьбу, лишивъ духовные суды экзекуціи свѣтской власти. Съ тѣхъ

поръ церковные суды, лишившись помощи королевской власти при исполненіи своихъ приговоровъ, утратили свое прежнее высокое положеніе. Такимъ образомъ, хотя никакихъ опредѣленныхъ дѣлъ и не было отнято у этихъ судовъ, однако фактически они лишились всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыхъ нельзя было рѣшить безъ государственной экзекуціи.

…гія въ …исповѣда…я.

Ограниченія, которымъ подверглась церковь въ этомъ періодѣ, совершенно не касаются, впрочемъ, того положенія, которое занимала въ государствѣ католическая религія; только ее одну и признаетъ государство. Однако это не утверждалось опредѣленно, ибо не было надобности въ томъ. Это потребовалось тогда, когда въ Польшу въ болѣе широкой мѣрѣ начали проникать ученія, противныя католицизму. Противъ гуситства король издаетъ въ 1424 г. такъ называемый „Вѣлюньскій эдиктъ". Исповѣдываніе гуситскихъ ученій было признано преступленіемъ, а судъ по нему былъ отданъ въ руки духовенства, которое постановляетъ приговоры, потомъ и исполняемые государствомъ. Но гуситство не пустило корней въ Польшѣ. Волна религіозныхъ новшествъ сильнѣе ударяетъ въ Польшу въ XVI вѣкѣ. Очень быстро распространяется ученіе Лютера. И въ этомъ случаѣ государство становится на точку зрѣнія исключительности католической Церкви. Цѣлый рядъ королевскихъ эдиктовъ и мандатовъ, начиная уже съ 1520 г., запрещаетъ проповѣдь лютеранскаго ученія, выѣздъ за границу въ центры ереси, распространеніе сочиненій, противныхъ католической вѣрѣ, и т. д. Юрисдикцію надъ тѣмъ, кого подозрѣваютъ въ ереси, исполняетъ духовенство. Но сильное распространеніе новыхъ ученій дѣлаетъ невозможнымъ рѣзкое выступленіе противъ нихъ, тѣмъ болѣе, что и клиръ не отличался особой ревностью. На сеймахъ стали требовать, чтобы у епископовъ была отнята судебная власть въ дѣлахъ вѣры. Въ 1551 г. они сами добровольно на одинъ годъ отказались отъ этой власти. Въ 1557 г. король отнесъ дѣла вѣры въ компетенцію только своихъ королевскихъ судовъ, хотя эдиктъ этотъ, повидимому, остался неисполненнымъ. Отмѣна экзекуціи рѣшеній духовныхъ судовъ, по постановленіямъ сеймовъ 1562—1563 и 1565 гг., устранила этотъ вопросъ, но не имѣла непосредственнаго вліянія на вопросъ о правовомъ положеніи некатоликовъ. Еще въ

1564 г. король издаетъ противъ протестантовъ такъ называемые „Парчевскіе эдикты“, которые, однако, онъ самъ же вскорѣ объявилъ направленными исключительно противъ аріанъ. Лютеране, кальвинисты и чешскіе братья (объединенные такъ называемымъ „сандомірскимъ консенсомъ“ 1570 г.) внесли на сеймъ 1570 г. свое „Исповѣданіе вѣры“, но не дождались признанія правъ своихъ вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ до конца этого періода государствомъ признается только католицизмъ, исповѣдываніе же другихъ религій въ принципѣ признано недозволеннымъ, преступленіемъ, хотя на практикѣ оно вполнѣ допускалось; иногда даже спеціальныя королевскія привиллегіи берутъ подъ свое покровительство молитвенные дома и кладбища протестантовъ (напримѣръ, привиллегія для Кракова въ 1569 и 1572 гг.).

Отношен[ія] между с[о]словіями. Начало к[о]лебанія равновѣсі[я] сословій.

Если шляхта и духовенство, вслѣдствіе исключительныхъ условій развитія Польскаго государства, могли сравнительно рано добиться значительныхъ привиллегій относительно государственной власти, то столь же рано стремятся они пріобрѣсти и преобладаніе надъ другими слоями общества, ибо и здѣсь спеціальные факторы способствовали иной, чѣмъ въ другихъ странахъ, формировкѣ взаимныхъ сословныхъ отношеній. Этотъ періодъ является—поскольку дѣло идетъ о XIV и XV вѣкахъ — періодомъ равновѣсія сословій; поэтому мы и назвали его сословнымъ. Хотя сословія и не равны между собой, однако каждое изъ нихъ, какъ подчеркнуто выше, могло свободно жить въ предѣлахъ своихъ правъ и привиллегій. Но это равноправіе начинаетъ понемногу колебаться уже въ XV столѣтіи, въ концѣ XV вѣка это колебаніе проявляется довольно замѣтно, а при послѣднихъ Ягеллонахъ—часто даже очень ярко, впрочемъ, болѣе въ законодательныхъ постановленіяхъ, въ правовыхъ нормахъ, чѣмъ въ практикѣ, которая, по разнымъ причинамъ, была значительно мягче этихъ постановленій. Только начиная съ безкоролевья по смерти Сигизмунда-Августа, чаша вѣсовъ склоняется въ ущербъ низшихъ классовъ, дѣйствительно начинается эпоха господства шляхты. Это и составляетъ границу разсматриваемаго періода, который, такимъ образомъ, обнимаетъ эпоху равновѣсія сословій и постепеннаго его разрушенія. Это результатъ условій развитія. Повсюду, гдѣ существуютъ сословія, существуетъ и треніе между ними.

Польша въ этомъ отношенiи не составляетъ исключенiя, не является чѣмъ-то особеннымъ. Исходъ могъ зависѣть только отъ взаимнаго отношенiя борющихся силъ. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманiе на два фактора: на силу королевской власти, стоявшей надъ борющимися сословiями, и на силу самихъ этихъ заинтересованныхъ въ борьбѣ сословiй, т. е. въ особенности на силу низшихъ сословiй, которые должны были защищаться. Въ интересахъ королевской власти было не допустить перевѣса одного сословiя надъ другимъ, ибо, въ случаѣ такого перевѣса, это сословiе дѣлалось слишкомъ опаснымъ для самой власти. На Западѣ королевская власть умѣла пользоваться раздоромъ между сословiями для усиленiя своихъ правъ, къ невыгодѣ сословiй. Но въ Польшѣ власть короля была слишкомъ слабой для этого. Мы указали на то, какъ сильно влiяли на ослабленiе власти короля принципъ избирательности королей и ненормально быстрое развитiе шляхты и т. д. А въ XVI вѣкѣ не было и другихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ въ иныхъ мѣстахъ, не было религiозныхъ войнъ, римскаго права и т. д., — не было всего того, что̀ могло бы помочь королямъ возвратить себѣ ту мощь, какой они обладали нѣкогда. Но не слѣдуетъ считать все это несчастiемъ для Польши. Перiодъ абсолютизма не былъ необходимъ для развитiя Польши, ибо не одинъ только онъ могъ подвинуть ее впередъ. Польша могла и инымъ путемъ, именно развивая далѣе права общества, получить тѣ же результаты, которыхъ другiя государства добились въ перiодъ абсолютизма. Гораздо важнѣе и вреднѣе по своимъ послѣдствiямъ былъ другой факторъ, имѣвшiй рѣшающее влiянiе на дальнѣйшiй ходъ развитiя: недостатокъ силъ въ тѣхъ слояхъ общества, права которыхъ находились въ опасности. Въ Польшѣ перевѣсъ такъ сильно склонился въ ущербъ низшихъ классовъ не потому, что шляхта была здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, агрессивна, а потому, что королевская власть была слишкомъ слаба, чтобы придти на помощь низшимъ сословiямъ, главнымъ же образомъ потому, что эти низшiе классы не могли и не умѣли сопротивляться, были слишкомъ слабы, сравнительно слабѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ: даже болѣе сильный государь, чѣмъ польскiй король, не могъ бы найти дѣйствительной опоры въ этихъ слояхъ, чтобы защищать ихъ про-

тівъ шляхты. Все это особенно относится къ мѣщанскому (городскому) классу, какъ главному представителю этихъ утѣсняемыхъ сословій. А эта слабость городовъ или деревень обусловливалась цѣлымъ рядомъ факторовъ, очень глубоко коренившихся во всей жизни народа, — факторовъ, прежде всего, экономическихъ. При оцѣнкѣ этого развитія придется обратить вниманіе на эти факторы, сильно выдвинуть ихъ, ибо это позволитъ намъ выяснить ходъ борьбы и ея результатъ. Этому вопросу стóитъ посвятить больше вниманія, ибо онъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ вообще въ исторіи Польши: онъ имѣетъ такое важное значеніе не только для пониманія одного періода, но и для оцѣнки и характеристики всего развитія Польши. Иначе представится это развитіе, иначе выступятъ отдѣльныя его стадіи. Въ такомъ освѣщеніи строй Польши перестаетъ быть какимъ-то чудовищемъ, какимъ его не разъ представляли и свои и чужіе. Польша становится въ рядъ другихъ западно-европейскихъ государствъ, какъ государство, выросшее изъ той же самой западной цивилизаціи. Только основныя условія развитія были иныя, потому и слѣдствія должны были получиться другія.

„Хлопы" (крестьяне).

Элементы, внесенные колонизаціей на нѣмецкомъ правѣ, дѣйствовали долго и сильно. Еще и въ этомъ періодѣ встрѣчаются новыя локаціи, главнымъ образомъ въ частныхъ имѣніяхъ. Колонизація на нѣмецкомъ правѣ дополняется колонизаціей на правѣ волошскомъ, которая, начинаясь нѣсколько раньше, сильнѣе выступаетъ именно въ этотъ періодъ. Такія волошскія деревни встрѣчаются главнымъ образомъ въ Подкарпатьи. Во главѣ деревни стоитъ „князь", соотвѣтствующій солтысу. Кое-гдѣ во главѣ болѣе крупныхъ группъ деревень, составляющихъ „краину", стоитъ „крайникъ". Эти деревни, приспособленныя къ хозяйству горныхъ мѣстностей, заняты не обработкой полей, а скотоводствомъ. Кромѣ чиншей, онѣ платятъ дань скотомъ, обычно въ формѣ десятины съ овецъ. Онѣ управляются по обычному волошскому праву. И въ этихъ деревняхъ населеніе, находясь въ контрактныхъ отношеніяхъ къ господину, пользуется той же свободой передвиженія, какой и „кмети" деревень, которыя возникли путемъ локаціи на нѣмецкомъ правѣ.

Хотя только часть деревень усвоила, на ряду съ техническими и экономическими выгодами, принесенными этой колонизаціей, и правовыя свободы, которыя давало внутреннее самоуправленіе, обезпеченное локаціонной привиллегіей, — однако эти отношенія оказывали сильное вліяніе и на всѣ остальныя деревни. И онѣ поднялись на высшую ступень, поскольку дѣло идетъ о технической сторонѣ, обработкѣ земли. Хотя, попрежнему, на нихъ лежали тяжелыя повинности — особенно барщина, хотя сохранились и зависимость отъ господина, и отсутствіе самоуправленія, и патримоніальная юстиція, все же положеніе такого крестьянина было несравненно легче, чѣмъ прежде, было даже вполнѣ хорошимъ, ибо, при лучшей обработкѣ, при обиліи земли, которую еще можно было достать подъ обработку, при опредѣленныхъ повинностяхъ, хлопъ еще могъ быть зажиточнымъ.

Но условія жизни мѣнялись. Въ теченіе XV вѣка появляются слѣды новыхъ стремленій, довольно сильно выступающихъ уже съ конца этого столѣтія и въ слѣдующемъ столѣтіи. До сихъ поръ хозяйство опиралось главнымъ образомъ на чиншахъ и даняхъ. Господинъ деревни довольствовался этимъ, а самъ, средствами своей усадьбы, воздѣлывалъ только небольшой участокъ пашни. Онъ еще не былъ настоящимъ сельскимъ хозяиномъ, такъ какъ былъ прежде всего рыцаремъ. Начинается новый періодъ. Появляются наемныя войска, рыцарская служба шляхты теряетъ свое значеніе. Шляхтичъ начинаетъ превращаться въ землевладѣльца. Чиншъ—главный его доходъ—уже не можетъ удовлетворить его нужды, къ тому же чиншъ этотъ представляетъ все меньшую и меньшую цѣнность, такъ какъ онъ опредѣленъ разъ навсегда, а между тѣмъ цѣна денегъ, какъ и вездѣ, падаетъ все сильнѣе. Кромѣ того, съ XV вѣка начинаетъ подниматься уровень жизни, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, развитія политическихъ и торговыхъ отношеній, съ другой—усиливающагося съ конца XV вѣка вліянія Возрожденія. Шляхтичъ находитъ увеличеніе своихъ доходовъ какъ въ усиленіи повинностей крестьянъ, отчасти оправдываемомъ, въ данныхъ условіяхъ, отношеніями чинша и денегъ, такъ и въ развитіи своего собственнаго хозяйства. А это хозяйство можетъ теперь развиваться, ибо находится сбытъ для его

продуктовъ. Прежде всего растетъ количество населенія, причемъ особенно успѣшно развиваются города, а городъ—главный покупатель деревенскихъ продуктовъ, особенно хлѣба. Этотъ факторъ дѣйствуетъ уже въ XV вѣкѣ. Позднѣе, въ XVI вѣкѣ, появляется и другой факторъ—вывозъ хлѣба на Западъ. Обыкновенно этотъ фактъ ставится въ связь съ занятіемъ Гданска (Данцига) по торуньскому трактату 1466 г. Это совершенно не вѣрно. Европа тогда еще не нуждалась въ польскомъ хлѣбѣ, такъ что Польша не могла и вывозить его. Этотъ вывозъ хлѣба, надежно засвидѣтельствованный въ XV и XVI вѣкахъ гданскими регистрами и польскими таможенными книгами, пока еще очень незначителенъ. Онъ начинаетъ усиливаться только въ концѣ правленія Сигизмунда I и еще болѣе при Сигизмундѣ-Августѣ, хотя и тогда ему еще далеко до тѣхъ размѣровъ, какихъ онъ достигъ позднѣе, и какіе часто невѣрно относятъ уже къ этой эпохѣ. При всемъ томъ названный факторъ началъ дѣйствовать уже въ разсматриваемую эпоху, хотя вообще позже и въ первое время слабѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Возможность продажи продуктовъ, особенно хлѣба, и необходимость поднять доходы ведутъ къ тому, что шляхта не только старается увеличить чиншъ, но еще въ большей мѣрѣ стремится найти соотвѣтствующія рабочія силы и получить возможность самымъ выгоднымъ для себя образомъ использовать ихъ, т. е. съ помощью этихъ силъ превратить въ пашню тѣ пространныя земли, которыя, будучи ея собственностью, до сихъ поръ оставались паромъ, пастбищами и пустошами, и затѣмъ продолжать обрабатывать эту пашню. Начинаютъ появляться фольварки, которые развиваются довольно успѣшно, хотя и не такъ быстро, какъ объ этомъ обыкновенно говорятъ. Всѣ эти перемѣны сначала сказываются въ западныхъ частяхъ Польши, болѣе развитыхъ экономически и обладающихъ лучшими условіями для вывоза. Затѣмъ онѣ постепенно подвигаются все далѣе и далѣе на востокъ. Однако, чтобы имѣть возможность измѣнить условія, на которыхъ крестьяне сидѣли на землѣ, а прежде всего, чтобы возпользоваться населеніемъ для работы въ фольваркахъ,—а найти эту силу было можно только здѣсь, — необходимо было сначала ограничить это населеніе въ правовомъ отношеніи. И дѣйствительно, съ конца

XV вѣка мы встрѣчаемся съ такими ограниченіями. Они очень значительны. Но слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что на практикѣ эти ограниченія имѣли силу лишь постольку, поскольку нуждались въ нихъ, что, слѣдовательно, въ теченіе разсматриваемаго періода еще не исчерпали вполнѣ всѣхъ этихъ ограничительныхъ распоряженій, что на практикѣ доля хлопа пока представлялась еще гораздо болѣе легкой, чѣмъ это можно было бы предполагать на основаніи только этихъ законодательныхъ распоряженій. Прежде всего дѣло шло о томъ, чтобы удержать это населеніе въ деревнѣ, чтобы оно, въ случаѣ увеличенія повинностей, не могло переходить въ другое мѣсто. А переходить оно могло, ибо мѣста для него было еще достаточно, особенно въ восточныхъ частяхъ Польши и на Руси, гдѣ условія существованія были для крестьянъ лучше, ибо тамъ болѣе нуждались въ рабочихъ рукахъ. Поэтому начинаютъ ограничивать возможность для крестьянъ покидать деревни безъ позволенія господина. Уже въ 1493 году сеймовая конституція высказывается въ этомъ смыслѣ. Однако серьезнѣе были ограниченія конституціи 1496 года, еще усиленныя потомъ въ 1501, 1503, 1510 и 1511 годахъ. Собственно, со времени этихъ конституцій крестьянинъ, равно какъ и его дѣти — за исключеніемъ опредѣленныхъ рѣдкихъ случаевъ, — не могли покидать деревни безъ разрѣшенія господина. А господинъ, очевидно, не давалъ такого разрѣшенія, нуждясь въ трудѣ этихъ людей. Въ случаѣ незаконнаго ухода хлопа изъ деревни уже и раньше можно было разыскивать его судомъ. Но процессъ былъ продолжителенъ и дорогъ, не всегда приводилъ къ цѣли. А потому въ конституціяхъ 1496 и 1538 г. этотъ процессъ былъ сокращенъ и облегченъ. Въ Мазовіи постепенно (1563, 1565 и 1577 гг.) отмѣнили такъ называемое „поручительство за кметей“, т. е. ручательство за разсчетъ кметя съ прежнимъ господиномъ, которое давалъ за кметя тотъ, къ кому кметь переселился, что̀, очевидно, облегчало уходъ изъ деревни и, въ этихъ условіяхъ, было очень невыгоднымъ для шляхты поощреніемъ свободы передвиженія деревенскаго населенія. Такимъ образомъ сельское населеніе было прикрѣплено къ землѣ; возможность ухода „хлопа“ изъ деревни была отдана въ руки ея владѣльца. Одновременно съ этимъ шляхта ста-

раетется прекратить вліяніе и всякихъ другихъ факторовъ на отношеніе хлопа къ господину. Такъ въ 1496 и 1501 гг. была устранена возможность вызова хлоповъ на городской или на „гродской" судъ по тѣмъ немногимъ дѣламъ, по которымъ еще можно было вызывать ихъ сюда; а Сигизмундъ I, начиная съ 1518 г., посредствомъ нѣсколькихъ рѣшеній своихъ судовъ, имѣвшихъ презумптивную силу, самъ отказался отъ права разсматривать дѣла хлоповъ противъ ихъ господъ. Такимъ путемъ деревенское населеніе было отдано въ исключительную власть господъ, ибо съ этихъ поръ уже нельзя было апеллировать на нихъ къ какой-либо высшей власти. Только въ церковныхъ и королевскихъ имѣніяхъ, правда, весьма обширныхъ, но все же не столь многочисленныхъ, какъ шляхетскія, сохранилась возможность жалобы на господъ, въ случаѣ ихъ притѣсненій: въ церковныхъ имѣніяхъ — въ епископскіе суды, въ королевскихъ — въ ассессорскій судъ. Когда такимъ путемъ проводилась изоляція крестьянскаго населенія отъ внѣшняго міра, принялись и за уничтоженіе его внутренней автономіи. Это было проведено посредствомъ скупки солтысствъ. Правовую основу для этой скупки далъ Вартскій статутъ 1423 г., который постановилъ, что владѣлецъ деревни имѣетъ право устранить солтыса-„бунтовщика", уплативъ ему стоимость солтысства. Однако въ XV вѣкѣ это постановленіе еще не имѣло большого значенія въ практикѣ. Зато при послѣднихъ Ягеллонахъ имъ пользуются въ полной мѣрѣ, особенно церковь, у которой солтысствъ было больше, чѣмъ въ частныхъ имѣніяхъ. Въ концѣ этой эпохи въ частныхъ владѣніяхъ, повидимому, уже почти совсѣмъ нѣтъ солтысствъ, а въ церковныхъ — ихъ очень немного. Такимъ путемъ власть солтыса переходила въ руки владѣльца деревни, который, присоединяя солтысскую пашню къ своему фольварку, не только увеличивалъ фольваркъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣняя наслѣдственнаго, независимаго отъ него и поддерживающаго интересы деревни солтыса своимъ человѣкомъ, временнымъ и устранимымъ въ любую минуту солтысомъ, пріобрѣталъ сильное вліяніе на все управленіе деревни, на всѣ ея внутреннія дѣла. Съ тѣхъ поръ деревенскій судъ только по имени остается судомъ лавниковъ. Приговоръ зависитъ собственно отъ владѣльца

имѣнія, который является высшей инстанціей. Солтысы удержались только въ королевскихъ имѣніяхъ. Но и здѣсь отношенія подверглись значительной перемѣнѣ. Въ XVI вѣкѣ въ короловскихъ имѣніяхъ солтысства разсматриваютъ такъ же, какъ и всякое другое королевское имущество, и къ солтысствамъ было примѣнено общее правило, что король каждую минуту можетъ или самъ выкупить заложенное имѣніе, или чаще—ибо такой видъ принимало дѣло на практикѣ — позволить выкупить кому-нибудь другому, кто заплатитъ сумму залога и такимъ образомъ получитъ во владѣніе предметъ залога. Конституція 1563 г. подтвердила въ общей формѣ—правда, только косвенно,—что всѣ солтысства подлежатъ выкупу (скупкѣ). И король разрѣшалъ выкупать (скупать) ихъ, давалъ на это особыя привиллегіи. Но онъ давалъ эти привиллегіи, главнымъ образомъ, въ пользу мелкой шляхты, которая, обычно принадлежа къ „голотѣ“, охотно принимала богатыя солтысства. Такимъ образомъ вмѣсто наслѣдственныхъ солтысовъ, происходящихъ изъ крестьянскаго слоя, теперь все чаще появляются солтысы-дворяне, которые, опасаясь, какъ бы ихъ снова не „скупили“, стараются какъ можно больше извлечь выгоды изъ своего солтысства и въ то же время, проникнувшись интересами своего сословія, очевидно, соединяются съ шляхтой противъ хлоповъ, которые такимъ образомъ теряютъ ту защиту, какую раньше давали имъ свои солтысы. Такимъ образомъ и королевскія имѣнія отчасти испытали судьбу другихъ имѣній. Шляхта, ограничивъ крестьянъ, отнявъ у нихъ возможность правового сопротивленія, достигнувъ господства и во внутренемъ строѣ деревни, могла теперь измѣнять крестьянскія повинности и обязанности, могла использовать крестьянъ для достиженія своихъ экономическихъ выгодъ.

Шляхта прежде всего начинаетъ увеличивать чинши крестьянъ. Очевидно, это легко можно было исполнить въ деревняхъ, не имѣвшихъ локаціонныхъ привиллегій. Но и въ локаціонныхъ деревняхъ, при отсутствіи всякой защиты хлопа противъ господина, мѣропріятія шляхты не могли натолкнуться на болѣе или менѣе сильное сопротивленіе. Однако вопросъ объ увеличеніи чинша не выступаетъ слишкомъ сильно, да и вообще онъ имѣетъ второстепенное значеніе сравнительно съ вопросомъ о барщинѣ.

Уже въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ постановленія, изданныя собственно въ этихъ цѣляхъ. Такъ уже въ 1421 году одинъ изъ мазовецкихъ статутовъ вводитъ обязательную барщину одного дня въ недѣлю съ лана. Въ 1477 г. такого же рода постановленіе издаетъ красноставскій сеймикъ для земли Холмской; въ 1518 г. то же постановленіе дѣлаетъ, съ согласія короля, Вѣлюньская земля. Наконецъ, Торуньскій статутъ 1520 г. и Быдгосскій въ концѣ того же года вводятъ, какъ общеобязательную норму, постановленіе, что кметь во всѣхъ имѣніяхъ—какъ въ дворянскихъ, такъ и въ церковныхъ и королевскихъ—обязанъ однодневной барщиной съ лана въ недѣлю, если только онъ уже не несетъ болѣе значительной барщины. Обыкновенно этотъ статутъ приводятъ, какъ самое яркое проявленіе стремленія дворянства ухудшить положеніе хлопа. Однако въ этомъ случаѣ слѣдуетъ сдѣлать значительную оговорку. Прежде всего, число тѣхъ, кого касался этотъ статутъ, было не велико; слѣдуетъ помнить, что лишь часть деревень имѣла локаціонныя привиллегіи и, слѣдовательно, сопровождающую ихъ полную или почти полную свободу отъ барщины, въ то время какъ бóльшая часть деревень, даже примѣняя трехпольную систему, ланы и проч., не обладала привиллегіями и продолжала нести значительныя барщинныя повинности въ пользу господъ. Такимъ образомъ Торуньскій статутъ ухудшалъ положеніе только одной части деревень, главнымъ образомъ, деревень королевскихъ, гдѣ было всего больше локацій, а барщина была самая незначительная. Кромѣ того, немаловажное значеніе при оцѣнкѣ этого статута имѣетъ и то обстоятельство, что и ранѣе барщина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она уже существовала, доходила до двухъ или трехъ дней въ недѣлю съ лана, что, слѣдовательно, установленная Торуньскимъ статутомъ обязательная барщина для части деревень оказалась ниже, чѣмъ барщина, уже существующая въ преобладающемъ количествѣ другихъ деревень. А въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ статутъ отчасти даже былъ выгоденъ для хлоповъ. Уже тотъ фактъ, что, повышая барщину, ее опредѣлили только въ одинъ недѣльный день, долженъ былъ сдерживающимъ образомъ вліять на притязанія тѣхъ, кто захотѣлъ бы въ своихъ деревняхъ увеличить барщину, которая и ранѣе была здѣсь болѣе значительной.

Когда даже, въ силу дальнѣйшаго роста фольварочнаго хозяйства и усиленія вывоза хлѣба, начали требовать съ хлоповъ все большей и большей барщины, крестьяне начали ссылаться на Торуньскій статутъ и доказывать имъ, что они не обязаны нести болѣе значительную барщину. Дѣйствительно, въ теченіе извѣстнаго времени довольно успѣшно пользовались этимъ аргументомъ. Но въ концѣ правленія Сигизмунда-Августа уже и это не помогаетъ. Стали рѣшать этотъ вопросъ уже не по статуту; даже въ королевскихъ имѣніяхъ требовали барщину на основаніи переписи (люстраціи) и обычая другихъ деревень, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, одинъ день въ недѣлю съ поллана, т. е. вдвое больше, чѣмъ по Торуньскому статуту. Однако положеніе хлопа, несмотря на начавшееся ухудшеніе, пока, особенно въ XVI вѣкѣ, было еще вполнѣ хорошо. Хлопъ еще продолжаетъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ, который только исполняетъ извѣстныя повинности, хотя и болѣе тяжелыя, чѣмъ прежде. Онъ можетъ прожить съ достаткомъ, ибо, несмотря на начавшееся уже распаденіе хозяйствъ, все-таки повсюду преобладаетъ типъ хозяйствъ, по крайней мѣрѣ, полулановыхъ; да и лановыя хозяйства совсѣмъ еще не рѣдкость. При такихъ условіяхъ крестьянинъ получаетъ отъ своей пашни не только minimum средствъ для существованія, но и извѣстный избытокъ, сравнительно съ этой необходимой нормой. Только слѣдующая эпоха приноситъ тѣ измѣненія, которыя окончательно превратили польскаго хлопа изъ самостоятельнаго хозяина въ земледѣльческаго работника, въ принадлежность фольварка.

рода. Настоящій періодъ—время самаго блестящаго развитія польскихъ городовъ. Даже увеличивается число ихъ. Городской строй, опирающійся на основы, выработанныя уже прежде, превосходно функціонируетъ, хотя уже можно замѣтить перемѣны, которыя позднѣе должны были оказать крайне неблагопріятное вліяніе на положеніе городовъ. Только нѣкоторые болѣе значительные королевскіе города, въ видѣ исключеній, сохраняютъ еще въ теченіе извѣстнаго времени свободу избранія Совѣта (обычно—предшествующимъ Совѣтомъ). Но и эти исключенія исчезаютъ. Уже учащаются такіе случаи, когда городскіе Совѣты королев-

скихъ городовъ составляются путемъ выборовъ, осуществляемыхъ различными факторами, обычно съ преобладаніемъ вліянія старосты, какъ представителя государственной власти. Такимъ образомъ полное количество „райцевъ“ (совѣтниковъ) избираютъ отдѣльно: прежніе „райцы“, т. е. уходящіе въ отставку, лавники, войтъ, цеховые мастера, а позднѣе—и „поспольство“, въ различныхъ городахъ въ разныхъ комбинаціяхъ—равно какъ и староста. Есть и такіе города, гдѣ городскіе факторы намѣчаютъ составъ цѣлаго Совѣта, но утвержденіе выбора принадлежитъ старостѣ. Иногда съ выборомъ соединяется и кооптація, именно такимъ образомъ, что отдѣльные факторы выбираютъ нѣсколькихъ райцевъ, и уже эти райцы кооптируютъ остальныхъ, до полнаго состава Совѣта. Во многихъ городахъ, особенно небольшихъ, выборъ принадлежитъ исключительно старостамъ. Въ частныхъ городахъ правиломъ (почти безъ исключеній) является такой порядокъ, что образованіе городского Совѣта принадлежить владѣльцу города. Число райцевъ по разнымъ городамъ варьируется: всего чаще ихъ бываетъ шесть или восемь. Выборы происходятъ ежегодно. Только въ нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ королевскихъ городахъ выработался принципъ пожизненности должности райцевъ; въ этихъ случаяхъ количество райцевъ обычно оказывается больше (напримѣръ 12 или 24), и только уже изъ ихъ числа потомъ ежегодно комплектуется настоящій городской Совѣтъ, въ меньшемъ количествѣ членовъ (1/2 или 1/3 пожизненныхъ райцевъ). Въ такихъ городахъ принципъ пожизненности являлся извѣстнымъ противовѣсомъ зависимости отъ старосты въ конституированіи Совѣта. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ, особенно при изданіи „вилькежей“, развивается такой обычай (хотя онъ и не былъ опредѣленъ съ достаточной точностью), что Совѣты усиливались или старымъ Совѣтомъ или и полнымъ Совѣтомъ, гдѣ такой существовалъ. Вообще Совѣты управляютъ городами; въ ихъ рукахъ находится изданіе „вилькежей“, администрація города и полиція, финансовое хозяйство, а часто и судъ, изъ-за котораго они конкуррируютъ съ городской лавой.—Предсѣдателемъ Совѣта является бурмистръ (бургомистръ). Иногда бываетъ нѣсколько бурмистровъ, поочередно смѣняющихся черезъ извѣстное время. Обычно бурмистры избираются Совѣтомъ,

позднѣе, въ видѣ исключенія, и „поспольствомъ“ (одинъ изъ бурмистровъ, если ихъ въ городѣ нѣсколько); очень часто вопросъ о томъ, кому быть бурмистромъ, разрѣшается старостой или владѣльцемъ города, который и назначаетъ бурмистра изъ состава функціонирующихъ райцевъ. Гдѣ больше свободы, тамъ власть бурмистра переходитъ отъ одного райца къ другому, всего чаще ежемѣсячно.

Что касается лавы, составляющей городской судъ, то число лавниковъ, почти безъ исключеній, остается прежнимъ, т. е. семь. Вопреки правилу магдебургскаго права, лавники выбирались только на одинъ годъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются и пожизненныя лавы, съ большимъ числомъ лавниковъ, изъ числа которыхъ потомъ ежегодно и комплектуется лава; иногда изъ этого большого числа лавниковъ комплектуются два ихъ состава, поперемѣнно засѣдающіе, каждый въ теченіе одной недѣли. Избраніе лавниковъ обычно принадлежитъ городскому Совѣту. Выработался—впрочемъ, не вездѣ—и такой обычай, что райцемъ не можетъ быть тотъ, кто не бывалъ лавникомъ. Однако въ Совѣтъ попадаютъ только самые выдающіеся горожане, особенно купцы, рѣдко ремесленники, которые зато преобладаютъ въ составѣ лавъ.

Въ концѣ настоящаго періода, уже въ XVI вѣкѣ, въ городахъ начинаетъ появляться новая власть: представительство „поспольства“. Всего чаще оно составляется изъ 20 или 40 членовъ, отчего и возникаетъ названіе: viginti или quadraginta viri; обычно оно составлено на половину изъ купцовъ и на половину изъ ремесленниковъ. Иногда выборы производятся такимъ образомъ, что купцы избираютъ членовъ этой коллегіи изъ числа ремесленниковъ, а цеховые мастера, наоборотъ, изъ числа купцовъ. Впрочемъ, эти коллегіи появляются только въ болѣе значительныхъ городахъ. Главная задача ихъ—контроль надъ дѣятельностью Совѣта, особенно финансовой. Возникновеніе этихъ коллегій—доказательство усиленія въ городахъ вліянія низшихъ классовъ за счетъ прежняго аристократическаго устройства. Въ другихъ городахъ, гдѣ не выработалось особыхъ представительствъ „поспольства“, извѣстную контрольную власть относительно Совѣта получили лавы, а кое-гдѣ—и старшины цеховъ.

Зато въ теченіе этого періода исчезаетъ первоначальное мощное значеніе войта; надъ его устраненіемъ работали и сами города и ихъ владѣльцы. Города стремились къ тому, чтобы скупить войтовства и такимъ образомъ устранить этотъ выдающійся факторъ, независимый отъ города. Въ болѣе крупныхъ городахъ это удалось уже въ XIV и XV вѣкахъ (напримѣръ въ Познани, Львовѣ, Краковѣ). Имущественное обезпеченіе войтовства включалось въ городское имущество, а для исполненія извѣстныхъ судебныхъ функцій (предсѣдательства въ лавѣ) городскіе совѣты съ тѣхъ поръ назначали войтовъ только на извѣстное время (обычно на годъ). Такимъ образомъ войтъ дѣлался второстепеннымъ лицомъ въ городѣ. Къ скупкѣ войтовствъ стремились и владѣльцы городовъ, враждебно смотрѣвшіе на войта, который, будучи наслѣдственнымъ, оказывался независимымъ отъ нихъ. Въ „приватныхъ“ городахъ это удалось имъ въ широкой мѣрѣ. Но и въ королевскихъ городахъ войтовства скупались и включались въ староства.

Тамъ, гдѣ войтовства были скуплены, владѣльцы города, vent. старосты, назначали для судопроизводства временныхъ зависимыхъ отъ нихъ войтовъ. Въ немногихъ королевскихъ городахъ вопросъ о войтовствахъ принялъ другой оборотъ: они перешли въ руки богатыхъ семействъ, которыя въ такомъ случаѣ извлекали изъ нихъ доходы и оказывали большое вліяніе на города, обязанности же войтовъ, особенно судебныя, передавали подвойтамъ, которыхъ сами же и назначали.

Такимъ образомъ уже въ теченіе этого періода городское устройство все сильнѣе начинаетъ зависѣть отъ владѣльца города. Что касается всей хозяйственной жизни города, то и здѣсь все сильнѣе замѣтно вмѣшательство государства, регулирующее торговлю и промышленность. Организація торговли основывается на распоряженіяхъ, точно опредѣляющихъ ея условія въ пользу мѣстныхъ купцовъ и ремесленниковъ. Регуляторомъ этихъ распоряженій являются рынки и ярмарки, когда въ городъ допускаются и чужіе ему люди, на рынки (каждую недѣлю)—прежде всего окрестное деревенское населеніе, на ярмарки же (разъ или, самое большее, два, три раза въ годъ)—и чужіе купцы; на это

время сила указанныхъ распоряженій ослабѣваетъ, допускается,—по крайней мѣрѣ, отчасти—и свободная конкуренція. Болѣе значительные города сумѣли пріобрѣсти такъ называемое „право склада“. Въ видѣ безотносительнаго „права склада“, устанавливалось, что чужой купецъ, который прибудетъ въ городъ съ товаромъ, долженъ продать его въ городѣ, не можетъ везти его дальше; въ видѣ же относительнаго права—заставляли чужого купца выставлять свой товаръ въ городѣ на продажу въ теченіе извѣстнаго времени, напримѣръ, двухъ недѣль, и только уже потомъ разрѣшали везти непроданный товаръ и далѣе. Это право склада распространялось либо на всѣ вообще товары, привезенные чужими купцами, либо только на извѣстные товары, чаще всего на соль, позднѣе—и на вино. Слѣдовательно, право склада покровительствовало купцамъ этихъ городовъ. Пожалованіе рынковъ и ярмарокъ принадлежитъ государственной власти, которая беретъ его въ свои руки только въ этотъ періодъ. Право склада всегда могла пожаловать только государственная власть. Въ XVI вѣкѣ противъ права склада начинаетъ выступать шляхта, руководясь при этомъ своими сословными интересами. Но все же право склада было окончательно подтверждено конституціей 1565 года, именно для тѣхъ городовъ, которые могли сослаться на свои привиллегіи. Та же самая конституція ввела еще и другое правило: туземный купецъ не можетъ ни вывозить товаровъ за границу, ни ввозить ихъ оттуда; это разрѣшается только иностраннымъ купцамъ. Указанное распоряженіе, вытекавшее изъ стремленія шляхты къ пониженію цѣнъ и объясняемое ошибочной экономической доктриной, на практикѣ—сколько теперь можно судить о томъ,—не исполнялось и, слѣдовательно, не оказало того неблагопріятнаго вліянія, которое часто приписывается ему. Больше вредила городской торговлѣ таможенная политика. Въ самомъ дѣлѣ, освобожденіе шляхты отъ таможенныхъ пошлинъ первоначально имѣло цѣлью только облегченіе сношеній съ ближайшимъ рынкомъ. Кромѣ того, почти всѣ болѣе значительные города тоже обладали, на основаніи королевскихъ привиллегій, такой же свободой отъ таможенныхъ пошлинъ. Однако въ 1507 и 1509 гг. была установлена, кромѣ собираемой до тѣхъ поръ таможенной пошлины, называемой съ

той поры „старой", еще пошлина на границахъ, называемая „новой", отъ которой была свободна уже только ш· яхта, но не горожане. Впрочемъ, и это еще не имѣло б· слишкомъ серьезнаго значенія, если бы не наступилъ · ѣственный переворотъ, совершившійся приблизител· именно въ это время. Вслѣдствіе занятія турками берег· ерная моря и тѣхъ итальянскихъ колоній, откуда ·очные товары шли въ Польшу, а черезъ Польшу и ·ѣе, равно какъ и вслѣдствіе совершившагося поздн· ·рытія морского пути въ Остъ-Индію, гибнетъ транзит· торговля, обогащавшая польскіе города, и восточны· ·ары начинаютъ попадать въ Польшу уже съ запада, · ь Гданскъ (Данцигъ). Уже въ XV вѣкѣ начинаетъ раз· ·ться и вывозъ изъ Польши скота на западъ, а поздн· ·тя и постепенно и въ невысшей еще степени,—и в· ·зъ хлѣба черезъ Гданскъ. Такимъ образомъ польскій к· ·цъ теряетъ барыши отъ транзитной торговли, а за вывозную торговлю не берется. Скоро шляхта сама начинаетъ вывозить хлѣбъ, и только вслѣдствіе этого переворота она можетъ теперь воспользоваться своей свободой отъ таможенныхъ пошлинъ,—только теперь, когда дѣло идетъ не о транзитной торговлѣ, недоступной для нея, а о вывозѣ продуктовъ собственнаго хозяйства.

Организація промышленности въ этотъ періодъ опирается на цехи, все сильнѣе развивающіеся, заканчивающіе свою структуру. Хотя уже въ этотъ періодъ начинаютъ появляться распоряженія, знаменующія начало вырожденія, замыканіе цеховъ, покровительство родственникамъ, равно какъ и тѣмъ, кто можетъ возмѣстить недостатокъ техническаго умѣнья болѣе высокими цеховыми взносами, все-таки цехи еще хорошо дѣйствуютъ. Но шляхта враждебно смотритъ на нихъ, видя въ нихъ причину вздорожанія товаровъ. Появляются и распоряженія о томъ, что цехи должны быть уничтожены (1423, 1538), на практикѣ, впрочемъ, не исполненныя. Зато государственная власть пытается инымъ способомъ нормировать этотъ вопросъ—посредствомъ прейсъ-курантовъ, назначающихъ таксы на товары. Прейсъ-куранты вытекали изъ церковной теоріи о „законной (справедливой) цѣнѣ". И города издавали такіе прейсъ-куранты. Но уже въ концѣ XIV вѣка этимъ дѣломъ начинаетъ интересоваться и государственная власть и издаетъ отъ себя такіе прейсъ-ку-

ранты. Съ XV вѣка въ конституціяхъ (1423, 1454, 1465, 1496, 1503, 1504, 1505, 1507, 1510, 1532, 1543 гг.) начинаетъ часто встрѣчаться распоряженіе объ установленіи въ городахъ цѣнъ государственными властями—согласно позднѣйшей, уже однообразной практикѣ, воеводами—при томъ какъ на привезенные въ города товары (главнымъ образомъ—сырье), такъ и на продукты городского производства. Относительно товаровъ, доставлявшихся изъ-за границы, практика была различна: либо воеводы (конституція 1510 года) должны были издавать таксы этихъ товаровъ, либо самъ король издавалъ такіе прейсъ-куранты для цѣлой страны (1507, 1524, 1525 гг.). Отдѣльныя постановленія были какъ бы кодифицированы конституціей 1565 г., которая предоставила воеводамъ дѣло изданія таксъ на товары, за исключеніемъ хлѣба, не подлежавшаго таксамъ, въ виду интересовъ шляхты. Прейсъ-куранты были сильнымъ оружіемъ въ рукахъ государства. Но такъ какъ шляхта еще не обладаетъ полнотой власти, а на таксы продолжаютъ вліять и городскіе факторы, такъ какъ и вообще въ дѣйствительности, особенно въ XV вѣкѣ, еще рѣдко опубликовывали эти таксы, то эти послѣднія въ разсматриваемый періодъ еще не оказываютъ вреднаго вліянія на развитіе ремеслъ. Гораздо вреднѣе вліяетъ отсутствіе такой таможенной политики, которая охраняла бы промышленность страны. Шляхта не понимала необходимости такой политики, ибо стремилась только къ пониженію цѣнъ товара. Иностранный товаръ все сильнѣе—особенно въ XVI вѣкѣ—начинаетъ заливать Польшу: таможенныя пошлины имѣли только фискальный, а не торговый характеръ, не задерживали ввоза. Очевидно, это должно было подрывать цехи.

Но хотя и торговля и промышленность были уже подорваны, все же въ настоящій періодъ не чувствовали этого, не понимали опасности. Общій ростъ богатства, расцвѣтъ страны ведутъ къ тому, что причиненный уже ущербъ былъ восполняемъ болѣе живымъ торговымъ движеніемъ. Неблагопріятныя послѣдствія выступятъ только въ слѣдующемъ періодѣ. Города не ощущаютъ еще въ сильной степени и правовыхъ ограниченій. Къ послѣднимъ слѣдуетъ присоединить и запрещеніе горожанамъ покупать недвижимыя имущества, впервые изданное въ 1496 г., но не испол-

ненное, а вторично—въ 1538 г., тогда уже проведенное на практикѣ, равно какъ и распоряженія 1505 и 1550 гг., воспрещающія шляхтѣ, подъ угрозой утраты шляхетства, отдаваться городскимъ занятіямъ. Эти распоряженія вырыли пропасть между шляхтой и мѣщанствомъ, понижая общественное положеніе послѣдняго, что такъ сильно должно будетъ сказаться въ слѣдующемъ періодѣ.

Внѣ сословной организаціи, какъ и прежде, находятся евреи. Основой ихъ свободъ продолжаютъ быть королевскія привиллегіи. Въ 1453 году они получаютъ подтвержденіе двухъ главнѣйшихъ прежнихъ привиллегій, т. е. Казиміровской 1367 года, равно какъ и другой, недатированной, приписываемой Казиміру Великому, въ дѣйствительности же—поддѣльной. Въ Нѣшавскихъ статутахъ 1454 г. король отмѣнилъ эти привиллегіи, но послѣдующіе короли снова продолжаютъ подтверждать ихъ, хотя въ практикѣ поддѣльная, напримѣръ, привиллегія Казиміра не имѣла полнаго значенія. Въ XVI вѣкѣ евреи начинаютъ получать и спеціальныя привиллегіи для отдѣльныхъ своихъ гминъ. Во внутреннемъ строѣ сохраняется ихъ свобода. Еврейскія гмины (общины), которыя до сихъ поръ находились въ немногихъ, болѣе значительныхъ городахъ, въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка становятся многочисленнѣе, особенно вслѣдствіе сильнаго притока евреевъ, бѣжавшихъ тогда въ Польшу отъ преслѣдованій въ Германіи. Но еще до самаго конца разсматриваемаго періода евреи живутъ только по городамъ; въ деревняхъ ихъ еще нѣтъ. Еврейская гмина, составляющая особый еврейскій городъ, имѣетъ свою собственную организацію, слѣдовательно, своихъ собственныхъ выборныхъ чиновниковъ для разныхъ дѣлъ общины (коллегіи: завѣдывающихъ—parnissim, начальниковъ—raschim, надзирателей мѣры и вѣсовъ—memunim, судей—дайановъ и т. д.). Надзоръ надъ еврейскими гминами имѣютъ воеводы — или сами или черезъ своихъ подчиненныхъ — подвоеводъ. Но этотъ надзоръ еще очень слабъ. Воеводы, начиная съ XVI вѣка, въ такъ называемыхъ воеводскихъ ординаціяхъ нормируютъ отношенія къ евреямъ—и свои собственныя и своихъ подчиненныхъ (подвоеводы, еврейскаго судьи и подсудка, равно какъ и писаря, назначаемыхъ имъ самимъ изъ среды христіанъ). Только при послѣднихъ Ягел- *Евреи.*

лонахъ (съ XVI вѣка) появилась доселѣ неизвѣстная власть: генеральный сеньоратъ, особый для Великой Польши и особый—для Малой Польши. Король назначалъ сеньорами тѣхъ евреевъ, которые должны были являться посредниками между королемъ и евреями, особенно въ финансовыхъ дѣлахъ; зато эти сеньоры получали извѣстныя права надзора надъ гминами. Однако это учрежденіе не пользовалось популярностью среди евреевъ и исчезаетъ уже въ концѣ этого періода. Но, кромѣ своего отношенія къ государству, евреи еще должны были упорядочить свое отношеніе къ городамъ. Такія соглашенія съ городами, опредѣляющія предѣлы торговли и ремесла для еврейскихъ купцовъ и ремесленниковъ, появляются съ конца XV вѣка. Ибо только тогда евреи, увеличившись въ числѣ, не имѣя возможности прожить только ростовщичествомъ, должны были взяться и за другіе виды заработка. Очевидно, города не особенно благосклонно смотрѣли на вновь появившуюся конкуренцію. Столкновенія, возникавшія на этой почвѣ, и заканчивались собственно такими соглашеніями, которыя обычно стоили евреямъ очень дорого.

тройство удар-ва.

Столь же важной, какъ наблюдаемыя за этотъ періодъ измѣненія общественнаго строя Польши, является и эволюція въ пониманіи и въ устройствѣ государства. Государство, такъ единое цѣлое, обнимающее отдѣльныя его части, замѣняющее слабую связь, доселѣ объединяющую эти части, начинаетъ вырабатываться только послѣ смерти Казиміра Великаго. Это произошло не сразу. Развитіе длится довольно значительное время: конечной границей его оказывается только Люблинскій сеймъ 1569 г. и его мѣропріятія. Хотя и Люблинскій сеймъ еще не вполнѣ довершилъ это преобразованіе Польши, все-таки съ той поры начинается настоящая связь, болѣе сильная, чѣмъ прежде; такой она остается почти безъ измѣненій вплоть до самаго конца существованія Польскаго государства.

Отдѣльныя составныя части Польши, готовясь избрать на престолъ чужеземца Людовика Венгерскаго, очевидно, имѣли извѣстные общіе интересы и должны были соединиться ради этихъ интересовъ. Онѣ уже неразъ сообща заботятся объ удовлетвореніи своихъ требованій. Но потомъ безкролевье послѣ Людовика еще болѣе объединяетъ ихъ.

Предоставленныя самимъ себѣ, безъ правителя, онѣ были принуждены искать формъ объединенія (конфедерація), чтобы сообща обезпечить себя, сообща защищать свои требованія. Это чувство общности усиливалось и далѣе, въ отношеніяхъ къ Ягелло, въ вопросахъ объ элекціи въ XV вѣкѣ. Растетъ и число общихъ дѣлъ. Появляется сеймъ, обнимающій уже всѣ эти удѣлы, замѣняющій, слѣдовательно, чисто удѣльныя вѣча; вырабатываются общія должности, въ качествѣ центральныхъ для всего государства; впрочемъ, еще существуютъ и такія стороны строя, гдѣ партикуляризмъ сохраняется и далѣе, даже въ XVI вѣкѣ, какъ, напримѣръ, въ области судебнаго устройства, частнаго права и т. д. Государство уже является объединеннымъ, хотя отдѣльныя части его сохранили значительныя особенности.

Однако, это все усиливающееся сростаніе удѣловъ въ одно цѣлое не охватило всей Польши. Польское государство собственно состояло еще только изъ тѣхъ удѣловъ, которые уже и ранѣе болѣе значительное время находились подъ одной общей властью, и вслѣдствіе этого имѣли уже больше точекъ соприкосновенія другъ съ другомъ. Это — Малая Польша (т. е. воеводства Краковское, Сандомірское, а съ 1474 г. — и Люблинское, возникшее изъ части предыдущаго), Великая Польша (т. е. воеводства Познанское, Калишское и земля Накельская, въ свою очередь все тѣснѣе объединяющаяся съ Калишскимъ удѣломъ), Лэнчица, Сѣрадзь, Куявы (т. е. воеводство Брестское, въ 1384—1394 г. остающееся въ рукахъ одного изъ Мазовецкихъ князей, и воеводство Иновроцлавское, находящееся въ 1370 — 1396 г. въ значительной свой части подъ властью Каська Щетинскаго, а потомъ—Владислава Опольскаго) и Добжынь (въ 1370 — 1404 остающійся подъ властью Каська, а потомъ — жены его Маргариты, Владислава Опольскаго и, наконецъ, Тевтонскаго ордена). Слѣдовательно, только эти земли и составляли собственно Польское государство, только на нихъ простирались земскія привиллегіи, только онѣ принимали участіе въ сеймахъ.

Однако, кромѣ этихъ земель, къ Польшѣ принадлежали или были присоединены въ теченіе этого періода еще другія довольно значительныя территоріи, связь которыхъ съ

Инкорпор... ціи и уні...

Польшей была очень слаба. Онѣ не пользовались привиллегіями, не принимали участія въ сеймахъ и т. д. Онѣ имѣли свои собственныя привиллегіи, свои съѣзды (хотя и не всѣ), собственную чиновничью іерархію, часто различную отъ польской, иное судебное право. Только съ теченіемъ времени,—однѣ позже, другія раньше,—входили эти территоріи въ составъ Польскаго государства. Обыкновенно подготовкой къ такому соединенію было постепенное введеніе въ этихъ территоріяхъ учрежденій по польскому образцу (главнымъ образомъ—организаціи должностей). Введеніе польскихъ учрежденій въ такихъ земляхъ называлось „пожалованьемъ польскаго права". Отношеніе же къ Польшѣ опредѣлялось инкорпораціями и уніями. Подъ именемъ инкорпораціи разумѣлось включеніе извѣстной территоріи въ Польшу, въ качествѣ ея составной части. Территоріи, соединенныя съ Польшей посредствомъ уніи, имѣли либо только общаго съ нею монарха (личная унія), либо и другія общія учрежденія (реальная унія); однако онѣ сохраняли положеніе отдѣльнаго государства.

При такихъ инкорпораціяхъ и уніяхъ необходимо было урегулировать и установить слѣдующіе вопросы: 1) о привиллегіяхъ и общественныхъ правахъ, 2) объ участіи въ общихъ съѣздахъ или сеймахъ, 3) объ организаціи должностей и 4) о судебномъ правѣ, т. е. объ организаціи судовъ, процессѣ и правѣ матеріальномъ, уголовномъ и гражданскомъ. Самымъ главнымъ является здѣсь вопросъ о привиллегіяхъ. Территоріи, объединяемыя съ Польшей, пользовались, въ общемъ, меньшими привиллегіями или даже вовсе не имѣли ихъ. При инкорпораціи на эти территоріи обыкновенно распространяли польскія привиллегіи, т. е. уравнивали общество этихъ областей, прежде всего шляхту,—ибо въ ней и ея привиллегіяхъ заключалось все дѣло,—съ шляхтой польской. Это собственно и составляетъ отличительную черту консолидаціи Польскаго государства, въ то время какъ въ другихъ государствахъ, наоборотъ, консолидація обычно осуществлялась совершенно противоположнымъ путемъ, путемъ ограниченія болѣе значительныхъ привиллегій и усиленія власти монарха. Развитіе Польши по иному направленію—результатъ всего ея предшествующаго развитія и того перевѣса надъ королемъ, какого доби-

лось здѣсь общество, т. е. въ данномъ случаѣ шляхта. И въ государствахъ, соединенныхъ съ Польшей посредствомъ личной уніи, подъ вліяніемъ Польши скорѣе появляются привиллегіи по польскому образцу. Въ этомъ и заключается то особенно выдающееся значеніе уніи и инкорпораціи, которое такъ высоко ставятъ польскіе историки, особенно прежней, сентиментальной эпохи. Участіе въ польскихъ сеймахъ, очевидно, было необходимымъ слѣдствіемъ общенія съ Польшей—какъ нѣкогда при уніяхъ (реальныя уніи), такъ и при инкорпораціяхъ. Если парламентарный строй еще не былъ принятъ въ этихъ областяхъ—дѣло касается особенно сеймиковъ,—то при инкорпораціи его вводили искусственно. Такъ же искусственно создавались часто и должности по польскому образцу, т. е. вводились земскія должности. При инкорпораціяхъ исчезали особыя центральныя должности объединяемыхъ территорій: на нихъ распространяли власть центральныхъ польскихъ должностей. Въ государствахъ, соединяемыхъ съ Польшей уніей, эти должности оставались. Что касается судебнаго права, то или оставляли уже существовавшее въ теорриторіяхъ право, или эти территоріи принимали польское судебное право. Такія рецепціи были очень часты. Таковы общія условія этихъ объединеній. Очевидно, въ практикѣ мы неразъ встрѣтимъ значительныя модификаціи. Приходится по порядку прослѣдить эти факты. 1) Княжества Силезскія. Уже при Казимірѣ Великомъ Польшѣ принадлежитъ Всховская земля. Въ 1422 г. она получаетъ польское право и становится частью Великой Польши. Велюнь, имѣющій послѣ Казиміра Великаго довольно продолжительное время особеннаго владѣтеля, только при Ягелло возвращается къ Польшѣ; польское право онъ получилъ въ XV вѣкѣ, неизвѣстно въ точности, когда именно. Освѣтимъ (Oświęcim) Польша пріобрѣла въ 1457 г., Заторъ—въ 1494 г., хотя первое время и тамъ еще продолжали править князья Пясты. Инкорпорація была проведена двумя инкорпораціонными актами—1563 и 1564 гг. На эти земли были распространены польскія земскія привиллегіи, былъ образованъ особый сеймикъ, введено польское судебное право, уже ранѣе принятое отдѣльными землевладѣльцами. Въ административномъ отношеніи эти княжества были причислены къ Кра-

ковскому воеводству. 2) Мазовія. Она вступила въ ленныя отношенія къ Польшѣ посредствомъ актовъ 1351, 1355 и 1359 годовъ. Послѣ Казиміра Великаго эти отношенія порвались, но вскорѣ возобновились, хотя точнѣе были опредѣлены только съ 1425 г. Польскіе короли, основываясь на этой власти леннаго характера, позднѣе постепенно, по частямъ, инкорпорируютъ Мазовію въ составъ Короны. Въ 1462 г. была инкорпорирована земля Равская и Гостынская, въ 1476—Сохачевская, въ 1495—Плоцкая. Польское право было получено Гостынемъ и Сохачевомъ—при инкорпораціи, Равой—по актамъ 1462 и 1494 гг., Плоцкомъ—по актамъ 1502, 1504 и 1505 гг. Инкорпорація была тѣмъ легче, что здѣсь уже и раньше былъ похожій строй, выросшій на тѣхъ же самыхъ основахъ, что̀ и строй польскій. Эти земли приняли и польское судебное право. Иначе шло дѣло съ остальной частью Мазовіи, доставшейся Польшѣ послѣ смерти послѣднихъ Пястовъ въ 1524 и 1526 гг. Отношенія къ Польшѣ были урегулированы только въ 1529 г. посредствомъ варшавскаго договора и петроковской привиллегіи, подтвердившей этотъ договоръ. Мазовецкая шляхта была уравнена въ привиллегіяхъ съ польской, воеводы и каштеляны были приняты въ польскій сенатъ, были организованы сеймики. Земскія должности существовали здѣсь уже и ранѣе. Однако въ Мазовіи было сохранено особое судебное право вмѣстѣ съ собственной судебной организаціей. Въ 1532 г. это право было кодифицировано для охраненія его отъ польскихъ вліяній (I мазовецкій статутъ, или такъ называемый Сводъ Пражмовскаго), въ 1540 г. былъ изданъ второй кодексъ, представлявшій модификацію перваго (II мазовецкій статутъ, или Сводъ Горынскаго). Но мазовшане вскорѣ уже отчасти начали принимать польское право. Наконецъ, въ началѣ слѣдующаго періода, въ 1577 г., они приняли польское судебное право, за исключеніемъ нѣкоторыхъ установленій, называемыхъ „мазовецкими эксцептами“. 3) Пруссія. Она была присоединена къ Польшѣ въ 1454 г., хотя только война и торуньскій миръ 1466 г. установили границы той части территоріи, которая осталась за Польшей. Будучи по размѣрамъ больше Силезскихъ территорій, имѣя свою особую исторію, Пруссія долѣе и въ большей степени сохраняетъ свою самостоятельность. Она имѣетъ особыя при-

виллегіи, отдѣльный сеймъ, въ составъ котораго входятъ воеводы, каштеляны и подкоморіи, равно какъ и „послы“ болѣе крупныхъ городовъ (всѣ вмѣстѣ—сенатъ), а съ 1526 года—и „послы“, выбираемые шляхтой на сеймикахъ, введенныхъ по польскому образцу, и, наконецъ, представители болѣе мелкихъ городовъ, засѣдающіе вмѣстѣ съ послами, въ особой избѣ. Земскія должности были установлены здѣсь, по польскому образцу, уже въ 1454 г., а затѣмъ окончательно реорганизованы въ 1468 г., при чемъ были образованы три воеводства: Поморское, Мальборское и Хелминское. До 1476 г. судебное право было здѣсь различно, а съ 1476 г. вся шляхта уже пользуется хелминскимъ (слѣдовательно, нѣмецкимъ) правомъ. Пруссія постоянно стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что ее соединяетъ съ Польшей только общій монархъ (личная унія). Но уже при Сигизмундѣ I, а еще болѣе при Сигизмундѣ-Августѣ въ Польшѣ стали требовать болѣе тѣснаго объединенія Пруссіи съ Польшей. Пруссія очень упорно боролась противъ этого, хотя и тамъ все же были приверженцы болѣе тѣснаго соединенія. Король на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 г. окончательно разрѣшилъ этотъ вопросъ особымъ декретомъ, въ которомъ заявлялось, что прусскіе доводы въ пользу обособленности Пруссіи не имѣютъ правового основанія. Это болѣе тѣсное соединеніе совершилось только въ такой формѣ, что прусскіе воеводы и каштеляны стали засѣдать въ польскомъ сенатѣ, а „послы“—въ „посольской избѣ“. Однако Пруссія осталась при своихъ привиллегіяхъ, event. повинностяхъ (обязанность военной службы только въ предѣлахъ Пруссіи; иное податное обложеніе), сохранился и прусскій сеймъ съ большой самостоятельностью относительно польскаго сейма, однако же и въ подчиненіи у него. Остался и отдѣльный „скарбъ“ (казна) подъ управленіемъ прусскаго „подскарбія“, а въ первое время—и отдѣльное судебное право. 4) Русь. Казиміръ Великій уже съ 1340 года имѣетъ суверенныя права надъ Червонной Русью, а съ 1352 г. владѣетъ ею, какъ землей, исключительно ему подчиненной. Она и удержалась при Польшѣ—съ короткимъ, сравнительно, перерывомъ венгерскаго правленія послѣ смерти Людовика. Русь составляли земли: Львовская, Галицкая, Перемышльская, Саноцкая, земля Холмская, тогда еще не причисляемая къ Червонной Руси, и

земля Бельзская, которую Ягелло отдалъ (1396 г.), впрочемъ, въ ленное владѣніе мазовецкимъ князьямъ. Подолія, зависѣвшая отъ Польши съ 1352 г., еще въ теченіе долгаго времени имѣла своихъ особыхъ владѣтелей, въ качествѣ польскихъ ленниковъ (Коріатовичи до 1393 г., Спытэкъ изъ Мельштына въ 1395—1399 гг., Свидригелло въ 1400—1401 гг.). Землями этими управляютъ старосты; населеніе не имѣетъ земскихъ привиллегій и управляется по русскому праву. Только вслѣдствіе обязательствъ, которыя Ягелло принялъ на себя въ Едльненской (1430) и Краковской (1433) привиллегіяхъ, король Владиславъ Варненчикъ, наконецъ, въ 1434 г. пожаловалъ этимъ землямъ польское право. Такимъ образомъ были созданы земскія іерархіи (воеводства: русское и подольское, на ряду съ отдѣльной Холмской землей, которая только въ XVI вѣкѣ была соединена съ русскимъ воеводствомъ); воеводы и каштеляны были включены въ составъ польскаго сейма, а польскія привиллегіи были распространены и на Русь. Введено было также и польское судебное право. Бельзъ удержался подъ мазовецкой властью до 1462 года и уже тогда получилъ много польско-мазовецкихъ учрежденій. Послѣ инкорпораціи его въ составъ Польши въ томъ же году, ему тотчасъ же было пожаловано и польское право. 5) Литва. Самыми важными были отношенія къ Литвѣ. Они сформировались иначе, въ виду какъ бо́льшаго значенія этой обширной территоріи, большей ея самостоятельности, такъ и въ виду существованія на Литвѣ своей, отдѣльной, притомъ наслѣдственной династіи (это особенно важно). Цѣлью соединенія съ Литвой въ 1386 года была именно инкорпорація по существовавшимъ уже образцамъ. Однако это не осуществилось. Литва стремится къ самостоятельности, съ 1401 г. получаетъ даже особаго великаго князя, который, хотя и зависѣлъ отъ польскаго короля, какъ верховнаго великаго князя, все-таки, на ряду съ нимъ, принимаетъ присягу вѣрности отъ другихъ литовско-русскихъ князей, назначаетъ на должности и т. д. Такой великій князь, по правилу назначаемый королемъ, но въ согласіи съ литовскими панами, иногда же и свободно избираемый ими, удержался на Литвѣ до 1447 г. Позднѣе великокняжеская власть снова появляется въ Литвѣ въ 1492—1501 гг. Польша же должна была считаться съ тѣмъ, что

Ягеллоны имѣютъ наслѣдственное право на Литву, что, слѣдовательно, Литва можетъ еще отдѣлиться отъ Польши въ томъ случаѣ, если въ Польшѣ королемъ выберутъ коголибо другого. Такимъ образомъ, для обезпеченія сліянія обоихъ государствъ, прибѣгаютъ къ цѣлому ряду такъ называемыхъ уній: въ 1401 (виленская), 1413 (городельская), 1499 (виленская) и 1501 (мельницкая) гг. Эти уніи провозглашаютъ, въ видѣ принципа, единство обоихъ государствъ, именно общій выборъ короля. Только мельницкая унія еще пытается тѣснѣе скрѣпить эти узы, что̀, впрочемъ, не удается. Зато Литва въ своихъ учрежденіяхъ постепенно уподобляется Польшѣ. Первенствующее положеніе на Литвѣ, кромѣ многочисленныхъ князей, бывшихъ потомками удѣльныхъ владѣтелей (Рюриковичей, кунигасовъ, т. е. литовскихъ корольковъ, и т. д.) и владѣющихъ княжествами, въ зависимости отъ власти великаго князя, занимаетъ еще классъ бояръ, которые получаютъ отъ великаго князя или отъ другихъ князей землю на служебномъ правѣ, приносятъ ему челобитья (присягу вѣрности), обязываются къ вѣрности имъ, къ военной службѣ, къ многочисленнымъ услугамъ и повинностямъ. Они соотвѣтствуютъ польскимъ milites XIII вѣка. Подъ польскимъ воздѣйствіемъ, они получаютъ цѣлый рядъ привиллегій—первую уже въ 1387 г., послѣдующія—въ 1413, 1434, 1457, 1492 гг. и т. д. Ту землю, которой они владѣли только по волѣ князя, они получаютъ теперь въ собственность; теперь они могутъ свободно отдавать замужъ своихъ дочерей и родственницъ, получаютъ освобожденіе отъ повинностей и службъ, получаютъ и гарантію въ томъ, что король безъ суда не будетъ лишать ихъ свободы и т. д. Въ 1413 г. въ Городлѣ бояре принимаютъ польскіе гербы путемъ „адопціи“ польскими шляхетскими родами въ свои гербы родовъ литовскихъ. Первоначально привиллегіи относились только къ католикамъ. Брачные союзы съ православными были воспрещены. Но уже привиллегія великаго князя Сигизмунда въ 1434 г. уравняла православныхъ съ католиками, впрочемъ, за исключеніемъ возможности занимать должности. Это ограниченіе было отмѣнено только Сигизмундомъ Августомъ въ 1563 году.

Въ Литвѣ появляется и великокняжескій Совѣтъ (Рада), съ мнѣніемъ которой великій князь справляется по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ. Въ составъ ея входятъ литовскіе князья и сановники. Только во второй половинѣ XV в. были допущены въ Совѣтѣ и сановники изъ земель, лишь косвенно подчиненныхъ великому князю. Въ XVI в. по дѣламъ о податяхъ и о защитѣ страны созывались и всѣ вообще бояре, которые могли лично являться на эти съѣзды (сеймы). Но вскорѣ это право было ограничено: на сеймы могло являться только по два боярина изъ каждаго повѣта, по избранію сановниковъ. Только въ 1566 г. были созданы, наконецъ, по польскому образцу, и сеймики, которые потомъ и должны были избирать пословъ на сеймы. По польскому же образцу были организованы на Литвѣ и должности. Въ 1413 г. были образованы два воеводства и два каштелянства: въ Вильнѣ и Трокахъ, въ 1471 г.— воеводство въ Кіевѣ. Слѣдующія воеводства были созданы въ 1504—1514 гг.; вся эта организація была дополнена въ 1566 г., когда по воеводствамъ были устроены и каштелянства (по одному на воеводство). На ряду съ этими должностями сохранились и прежнія должности старостъ, соотвѣтствующихъ польскимъ старостамъ. Совершенно по польскому образцу были организованы центральныя власти, къ которымъ принадлежатъ: канцлеръ, подканцлеръ (лишь съ 1566 г.), маршалокъ — великій и придворный (позднѣе ихъ было больше), великій и надворный подскарбіи, наконецъ, гетманы, должность которыхъ установилась въ Литвѣ раньше, чѣмъ въ Польшѣ, уже въ XV вѣкѣ.

Такая ассимиляція учрежденій подготовляла болѣе близкое соединеніе Литвы съ Польшей. Этимъ соединеніемъ занимается и цѣлый рядъ сеймовъ: петроковскій 1562—1563 гг., парчевскій 1564 г., варшавскій 1563—1564 гг., наконецъ, люблинскій 1569 г. Главныя основы были заложены уже на сеймѣ 1563—1564 г. Однако литовцы потомъ отказались отъ нихъ, такъ что въ 1569 г. пришлось сызнова рѣшать всѣ эти вопросы. Изъ основъ 1564 г. осталось лишь одно: отреченіе короля отъ всякихъ наслѣдственныхъ правъ на Литву, ибо принципъ наслѣдственности въ Литвѣ нельзя было согласовать съ „элекціей“ въ Польшѣ. Въ 1569 г., какъ и раньше, поляки стояли на точкѣ зрѣнія инкорпораціи Литвы, какъ и другихъ территорій. Однако это не удалось имъ. Инкор-

порированы были только воеводства: подлясское, волынское, брацлавское и кіевское, которые были уравнены съ Польшей какъ относительно привиллегій, такъ и всего устройства. Лишь въ области судебнаго права для Волыни, Брацлава и Кіева сохранялъ свою обязательную силу Литовскій статутъ такъ называемой второй редакціи, извѣстный съ 1566 г. подъ именемъ волынскаго (первая редакція была издана въ 1522 г. и сохраняла свою обязательную силу съ 1529 по 1566 г.). Только Подлясье приняло и судебное польское право (оно, впрочемъ, примѣнялось здѣсь еще до уніи). Къ остальнымъ литовскимъ территоріямъ была примѣнена только болѣе тѣсная унія (реальная вмѣсто личной). Были гарантированы: нераздѣльность обѣихъ странъ, общность монарха, котораго впредь должно было избирать сообща, и общіе сеймы, возникшіе такимъ путемъ, что къ участію въ нихъ были призваны всѣ тѣ, кто имѣлъ бы право засѣдать въ польскомъ сенатѣ, т. е. епископы, министры, воеводы и каштеляны, равно какъ и „послы“ сеймиковъ, незадолго предъ тѣмъ введенныхъ въ Литвѣ, по польскому образцу. Земскія должности и ранѣе были въ Литвѣ почти такія же, какъ въ Польшѣ. Зато Литвѣ были оставлены (и это была уступка со стороны поляковъ) особыя центральныя должности,— т. е. министерства, устроенныя аналогично, по-польскому образцу, а вслѣдствіе этого—и особая центральная администрація, особая казна („скарбъ“), особое войско. Осталось и отдѣльное судебное право, кодифицированное во второмъ Литовскомъ статутѣ. Итакъ, Литва въ концѣ концовъ удержала въ этой послѣдней, рѣшающей, уніи положеніе одинаковаго съ Польшей государства, хотя въ болѣе тѣсныхъ, чѣмъ раньше, предѣлахъ. 6) Инфлянты (Ливонія). Они подчиняются Сигизмунду-Августу въ 1561 г., кромѣ той части, изъ которой возникло отдѣленное княжество. Король сразу же подтвердилъ права Инфлянтъ, не рѣшая еще вопроса объ отношеніи ихъ къ Польшѣ и event. къ Литвѣ. Въ 1566 г. король особой привиллегіей включаетъ Инфлянты въ предѣлы Литвы, въ видѣ ея составной части. Такое положеніе продолжалось до 1569 г. На люблинскомъ сеймѣ этотъ вопросъ снова былъ поднятъ. Инфлянты были признаны общей собственностью Польши и Литвы, и эта зависимость была закрѣплена присягой „пословъ“, представителей Инфлянтъ.

Съ тѣхъ поръ собственно и Инфлянты, такимъ образомъ являются третьей составной частью Польско-литовскаго государства, но подчиненной двумъ главнымъ частямъ. Что касается строя Инфлянтъ, то пока въ немъ не было произведено никакихъ измѣненій. Во главѣ Инфлянтъ стоялъ намѣстникъ, какъ замѣститель короля; Инфлянтамъ были оставлены ихъ особыя привиллегіи, особый сеймъ, особыя власти, равно какъ и особое право.

Такъ цѣлый рядъ актовъ—инкорпорацій и уній—создалъ и консолидировалъ Польское государство. Вокругъ материка, образуемаго собственно польскими областями, сгруппировались всѣ прочія, пріобрѣтенныя области. Хотя не всѣ области слились въ одно нераздѣльное цѣлое, хотя Пруссія и Инфлянты удержали свою извѣстную обособленность, а Литва и одинаковое съ Короной положеніе, но все-таки узы, получившія правовое опредѣленіе, были скрѣплены гораздо сильнѣе сравнительно съ тѣмъ слабымъ союзомъ, какой представляли удѣлы Польши послѣ смерти Казиміра Великаго.

Ленныя княжества.

Въ составъ Польскаго государства входили еще ленныя княжества. Невсегда эти союзы, имѣли важное значеніе. Поморскіе князья, какъ и молдавскіе и валашскіе, признаютъ себя при Ягеллѣ вассалами Польши, а, слѣдовательно, признаютъ ея верховенство, не обязываясь однако никакими спеціальными повинностями. Это—очень непрочныя отношенія; съ Поморьемъ они прерываются очень быстро, съ Молдавіей—удерживаются еще въ продолженіе XV вѣка. Гораздо важнѣе были мазовецкіе лены. Основываясь на этихъ ленныхъ отношеніяхъ, польскіе короли потомъ въ концѣ концовъ заняли всю Мазовію. Въ 1466 г. присоединяется самый важный ленъ: такъ какъ только часть Пруссіи была инкорпорирована Польшей (королевская Пруссія), то другая часть удержалась за Орденомъ, хотя онъ и долженъ былъ признать себя ленникомъ Польши. Однако Орденъ постоянно стремится къ разрыву этихъ ленныхъ отношеній, а магистры его отказываются приносить клятву вѣрности Польшѣ. Польша выступаетъ съ требованіями военной помощи и т. д., но, обыкновенно, тщетно. Только 1525 г. приноситъ важныя перемѣны. Послѣдній великій магистръ Албрехтъ, съ согласія Сигизмунда I, принимаетъ княжескую

Пруссію въ ленъ отъ Польши, но уже въ качествѣ свѣтскаго князя. Это—такъ называемая секуляризація Пруссіи. По актамъ 1525 г. ленъ долженъ былъ перейти послѣ Албрехта къ его мужскимъ потомкамъ, а если ихъ не будетъ, то къ тремъ братьямъ Албрехта и ихъ потомству (Ансбахская линія Гогенцоллерновъ). Однако, въ случаѣ вымиранія этихъ линій, княжеская Пруссія (такъ съ тѣхъ поръ стали называтъ ее) должна была достаться Польшѣ. Но уже при Сигизмундѣ I другая линія Гогенцоллерновъ, такъ называемая курфюрстская, правящая въ Бранденбургской маркѣ, стала хлопотать о передачѣ ей лена, въ случаѣ прекращенія прусскихъ линій. Эти постоянно возобновляемыя попытки долго отвергались съ польской стороны. Но въ концѣ концовъ Сигизмундъ-Августъ уступилъ и въ 1563 году оффиціально допустилъ и бранденбургскую линію къ общей инвеституръ, т. е. къ участію въ принесеніи клятвы вѣрности, признавая за ней право наслѣдованія въ Пруссіи, въ случаѣ прекращенія Ансбахской линіи.

Если секуляризація и была невыгодна для Польши, создавая, вмѣсто падающаго Ордена, жизнеспособное свѣтское княжество, то, по крайней мѣрѣ, при договорахъ 1525 г. имѣлось въ виду гарантировать и расширить права Польши. Прусскій князь получилъ право участія въ польскихъ сеймахъ, однако ограниченное (1553, 1555 гг.), въ смыслѣ права голоса въ дѣлахъ исключительно прусскихъ. Однако уже при выборѣ Сигизмунда-Августа ему рѣшительно было отказано въ правѣ принимать участіе въ элекціи короля. Кромѣ того, онъ могъ требовать отъ короля защиты, если дѣло касалось ленныхъ отношеній. Съ этого момента обязанности и ограниченія прусскаго князя стали весьма значительны. Князь, безъ разрѣшенія польскаго короля, не имѣлъ права дѣлить княжество, продавать его по частямъ, отдавать въ залогъ и пр. Въ случаѣ войны, прусскій князь былъ обязанъ доставлять Польшѣ военную помощь. Титулъ его гласилъ: „Князь въ Пруссіи“ (dux in Prussia), тогда какъ польскій король сохранилъ за собой титулъ „Прусскаго князя“ (dux Prussiae). Очень важны были установленія, касающіяся подлежавшихъ рѣшенію польскаго короля споровъ между княземъ и его подданными. На этомъ основаніи король могъ проявлять очень сильное вліяніе внутри леннаго княжества

и, дѣйствительно, проявлялъ его. Точно также къ королю идутъ и апелляціи на рѣшенія княжескихъ судовъ, что̀ тоже имѣло большое значеніе. Король польскій имѣлъ право давать подданнымъ прусскаго князя „желѣзные" (охранные) листы, не считаясь съ княземъ. Зато въ 1526 г. князь получилъ право чеканить монету, устанавливать таможни, новые пути (торговые), право „складовъ", въ чемъ ему было отказано въ 1525 г. Такъ, слѣдовательно, съ 1525 г. польскіе короли получили столь огромное вліяніе въ Прусскомъ княжествѣ, что послѣднее представляется какъ бы частью Польши. Когда въ 1568 г. умеръ прусскій князь Албрехтъ, комиссія, отправленная въ Пруссію польскимъ королемъ, какъ сюзереномъ, совершенно свободно устраиваетъ внутреннія отношенія княжества.

Кромѣ Пруссіи, за Польшей удержался до самаго ея паденія еще другой ленъ: княжества Курляндія и Семигалія, образованное въ 1561 г.—при занятіи Инфлянтъ — для послѣдняго магистра Ливонскаго ордена — Готарда Кеттлера и его мужскихъ потомковъ. Съ 1569 г. онъ считается общимъ ленникомъ Польши и Литвы. Обязанности князя были здѣсь почти такія, какъ въ Пруссіи: онъ приноситъ присягу вѣрности, доставляетъ, въ случаѣ войны, помощь Польшѣ. Права польскаго короля не были точно опредѣлены. Въ случаѣ нужды, примѣнялись общія правила о ленахъ, особенно же пользовались аналогіей съ княжеской Пруссіей.

Королевская власть.

Во главѣ Польскаго государства стоитъ король. Однако королевская власть въ этотъ періодъ подвергается значительному ограниченію, прежде всего потому, что измѣняется правовая основа его правленія. Пясты были государями наслѣдственными, права на престолъ выводили отъ себя самихъ. На этомъ основаніи престолъ былъ занятъ послѣ Казиміра Великаго Людовикомъ Венгерскимъ призваннымъ волею Казиміра, въ качествѣ одного изъ его кровныхъ родственниковъ, въ государи Польши. Если бы Людовикъ оставилъ по себѣ мужскихъ потомковъ, то послѣдніе имѣли бы право на престолъ послѣ него, и никто не могъ бы оспаривать у нихъ этого права. Но у Людовика не было сыновей. А такъ какъ право женщинъ на наслѣдованіе въ Польшѣ не признавалось, то Людовикъ долженъ былъ позаботиться о полученіи согласія общества на это новшество. Такъ въ Польшѣ

первый разъ происходитъ настоящая элекція. Въ обмѣнъ за Кошицкую привиллегію (1374 г.), право на престолъ было признано за дочерьми Людовика. Наконецъ, послѣ его смерти одна изъ этихъ дочерей, Ядвига, и вступила на польскій престолъ. Но это былъ выборъ династіи, а не лица. Если бы у Ядвиги были мужскіе потомки, то ея права перешли бы къ нимъ; имъ не нужно было бы снова хлопотать о полученіи престола путемъ „элекціи". Но у Ядвиги не было сыновей. Что касается Ягелло, то его положеніе не было вполнѣ яснымъ. Нельзя смотрѣть на него только какъ на „супруга королевы", ибо это понятіе совершенно чуждо людямъ того времени. Свои права онъ основывалъ на „элекціи" его въ мужья Ядвиги и на вытекающихъ отсюда правахъ ихъ общихъ дѣтей. Слѣдовательно, когда шло дѣло о наслѣдованіи престола его дѣтьми отъ четвертаго брака, не вполнѣ ясно было, должны ли они вступить на престолъ по праву, въ качествѣ наслѣдниковъ, или такихъ правъ они не имѣютъ. Верхъ одержало второе мнѣніе, и потому еще при жизни Ягелло происходитъ „элекція" его сыновей, Владислава и Казиміра, взамѣнъ привиллегій (1425, 1430, 1433). Избраніе, совершившееся по смерти Ягелло, было выборомъ только между ними двоими, какъ уже имѣющими право на престолъ (слѣдовательно, какъ бы венгерская такъ называемыя praeelectio). Съ тѣхъ поръ въ Польшѣ и установилась „элекція", при томъ не династіи, а уже лица. Потомки избранныхъ въ короли не имѣютъ права на престолъ, просто какъ дѣти короля: они должны пріобрѣсти это право путемъ новой „элекціи". Итакъ, Варненчикомъ слѣдуетъ начинать настоящихъ „элекціонныхъ" королей. Сохраненіе престола за Ягеллонами, до самаго прекращенія династіи, имѣетъ фактическое, но не правовое значеніе. Надо было сохранить единеніе съ Литвой, которое, въ случаѣ выбора другого государя, должно было бы прекратиться, такъ какъ Ягеллоны сохранили наслѣдственное право на Литву. Поэтому-то и нужно было, съ помощью „элекціи", держаться этой династіи.

Уже съ самаго начала право участвовать въ „элекціяхъ" имѣетъ вся шляхта; однако фактически дѣло рѣшается самыми выдающимися изъ ея среды сановниками. Впрочемъ,

уже Ягелло старается подкрѣпить выборъ, совершенный на сеймѣ, еще признанiемъ со стороны „шляхты“ по воеводствамъ, въ формѣ издаваемыхъ воеводствами документовъ, иногда съ печатями двоихъ членовъ каждаго рода воеводства, равно какъ и особымъ признанiемъ со стороны отдѣльныхъ городовъ. Позднѣйшiя „элекцiи“ осуществляются уже только на „генеральныхъ“ (общихъ) съѣздахъ (Варненчикъ, Казимiръ, Янъ Ольбрахтъ, Александръ). Прежде всего голосуютъ самые выдающiеся участники съѣздовъ, слѣдовательно, начиная съ примаса и епископовъ, воеводы, каштеляны и прочiе члены сената. Но совершенное уже избранiе потомъ объявляется въ присутствiи собранной шляхты, которая и подтверждаетъ его, такъ какъ каждый шляхтичъ имѣетъ право участвовать въ избранiи короля. Въ избранiи принимаютъ участiе и представители важнѣйшихъ городовъ. Только „элекцiя“ Сигизмунда-Августа была произведена на обыкновенномъ сеймѣ (1529—1530); однако король особымъ актомъ гарантировалъ на будущее время всей шляхтѣ право личнаго участiя въ избранiи короля. Въ „элекцiи“ имѣли право участвовать и ленники (за исключенiемъ князя Пруссiи, за которымъ этого права не признавалось): фактически только мазовецкiе князья иногда осуществляли это право. Государства, соединенныя съ Польшей унiей, тоже должны участвовать въ „элекцiи“. Пруссiя подаетъ свой голосъ совокупно, т. е. какъ второй голосъ, наряду съ голосомъ цѣлой Польши. Литва, которой въ актахъ унiи было гарантировано участiе въ „элекцiи“, ни разу не воспользовалась этимъ правомъ. При Сигизмундѣ-Августѣ, когда исчезла надежда дождаться наслѣдника, на сеймахъ неоднократно (1558—1559, 1569, 1572) появлялись проекты упорядоченiя „безкролевья“. Однако ни одинъ изъ этихъ проектовъ не сталъ конституцiей (закономъ). Нормы, опредѣляющiя съ тѣхъ поръ „interregnum“, должны были выработаться только путемъ практики.

Послѣ „элекцiи“ происходила—въ Краковѣ—коронацiя короля. Она совершалась, по строго опредѣленному церемонiалу, гнѣзненскимъ архiепископомъ. Отъ коронацiи и начиналось, собственно, правленiе монарха. Первымъ его актомъ,—по правилу—было общее подтвержденiе правъ, впервые входящее въ жизнь со времени „элекцiи“ Варнен-

чика. Однако, всѣ попытки непризнанія за королемъ правъ монарха, пока онъ не издастъ подтвержденія правъ, ни къ чему не приводили.

Власть короля первоначально была еще очень обширна. Однако уже въ теченіе этого періода она подвергается ограниченіямъ. Король является законодателемъ, издаетъ статуты, эдикты и мандаты или универсалы. Правда, онъ обращается за совѣтомъ къ „можнымъ"—сенату, но этотъ совѣтъ, въ теченіе всего XV вѣка юридически не обязываетъ его. Фактически онъ слѣдуетъ этому совѣту, но юридически не обязанъ слѣдовать ему. Мельницкая привиллегія 1501 г., давшая сенату болѣе значительныя права и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничившая короля, не получила потомъ обязательной силы. Впрочемъ, король ни въ какомъ случаѣ не можетъ нарушить сословныхъ привиллегій и правъ. Ясно выражаетъ это, въ общей формѣ, конституція 1505 г., извѣстная подъ названіемъ „Nihil novi", хотя, дѣйствительно, она не ввела „ничего новаго". На этой основѣ сеймы, въ качествѣ представительства сословій, и получили участіе въ законодательствѣ, особенно сильно расширившееся при двухъ послѣднихъ Ягеллонахъ. Король обладаетъ высшей исполнительной властью; но пожизненность должностей, а потомъ самостоятельность ихъ на практикѣ значительно ограничиваютъ исполнительную власть короля. Онъ еще является и высшимъ судьей, источникомъ закона, высшимъ военачальникомъ, но самъ фактически все рѣже командуетъ войсками. Хотя власть короля основана на „элекціи", все-таки онъ—король „Божьей милостью", ни передъ кѣмъ не отвѣтственный, ограниченный только привиллегіями—или тѣми, которыя онъ самъ издалъ, или привиллегіями предшественниковъ, поскольку онъ подтвердилъ ихъ.

Должности.

Король осуществляетъ свою власть съ помощью чиновниковъ и сейма, равно какъ и сеймиковъ. Изъ выработавшихся ранѣе должностей однѣ остаются, несмотря на всю свою иногда ненужность, другія развиваются далѣе, примѣнительно къ государственнымъ нуждамъ; даже появляются еще новыя должности. Земскія должности принадлежатъ преимущественно къ первой группѣ; хотя онѣ уже утратили свое значеніе, все же ихъ вводятъ и въ присоединенныхъ къ Польшѣ территоріяхъ, хотя бы онѣ были соединены съ

Польшей только уніей. Слѣдовательно, число ихъ растетъ. Въ 1434 г. были устроены воеводства Русское и Подольское, съ земскими должностями, которыя, кромѣ того, были введены и въ Холмской землѣ. Въ 1454 г. воеводства были установлены въ Пруссіи, хотя въ 1468 г. здѣсь произошла перемѣна: были образованы, въ концѣ концовъ, три воеводства: Поморское, Мальборское и Хельминьское. Въ 1474 году изъ Сандомірскаго воеводства было выдѣлено Люблинское. Въ Мазовіи земскія должности существовали уже ранѣе; послѣ присоединенія Мазовіи только былъ упорядоченъ вопросъ о власти воеводъ; окончательно было образовано одно воеводство для земель Гостынской, Равской и Сохачевской, одно—для Плоцкой и одно воеводство, Мазовецкое, для остальныхъ мазовецкихъ земель. Белзская земля уже при ея присоединеніи къ Польшѣ составляла воеводство. Точно также и Литва, соединяясь съ Польшей, уже имѣла воеводства и земскія должности. Польша получила воеводства: Волынское, Брацлавское, Подлясское и Кіевское, а за Литвой остались воеводства: Виленское, Троцкое, Смоленское, Полоцкое, Новгородское (Новогрудское), Сѣверское, Витебское, Брестское, Мстиславское и Минское (да еще земля Жмудская, не составлявшая воеводства).

Очевидно, каждое воеводство имѣло своего воеводу. Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ должности каштеляновъ развивались органически, послѣднихъ было по нѣскольку человѣкъ. Тамъ же, гдѣ каштелянства создавали искусственно, должность эта тѣснѣе связывалась съ системой остальныхъ должностей, такъ что въ цѣломъ воеводствѣ оставляли только одного каштеляна, который іерархически слѣдовалъ тотчасъ же за воеводой (Пруссія, Литва, русскія области, за исключеніемъ Червоной Руси). Въ Червоной Руси каждая земля имѣла, въ видѣ исключенія, своего каштеляна. Другіе земскіе чиновники (подкоморій, судья, чашникъ и т. д.) остались въ прежнихъ воеводствахъ и вновь появились въ бо́льшей части новыхъ, по одному въ каждомъ. Только въ Мазовіи каждая земля уже издавна имѣла свою собственную іерархію (собственно Мазовія—десять іерархій, Равское воеводство—три); подобнымъ же образомъ были организованы и земскія должности, введенныя въ Червоной Руси (пять іерархій). Однако число этихъ должностей было не вездѣ

одинаково. Нѣкоторыя удѣльныя должности исчезаютъ еще въ теченіе разсматриваемаго періода (канцлеры, „скарбники"), хотя и не вездѣ: въ другихъ областяхъ число ихъ еще растетъ. Въ Пруссіи было введено меньше такихъ должностей, а въ Литвѣ существуютъ еще чиновники, которые неизвѣстны въ другихъ областяхъ (повѣтовые маршалки, городничіе и т. д.). Эти должности замѣщаются самимъ королемъ, нѣкоторыя же (подкоморій, судья, подсудокъ, писарь) съ XV вѣка—и при участіи шляхты, представляющей королю своихъ четырехъ кандидатовъ. Въ Литвѣ двое воеводъ, полоцкій и витебскій, равно какъ и староста жмудскій и хорунжіе, избираются шляхтой. Но и въ этомъ случаѣ между областями часто существуютъ извѣстныя различія (напримѣръ, въ Пруссіи подкоморій свободно избирается королемъ).

Функціи земскихъ должностей очень невелики: это—скорѣе не должности, а почетныя званія (саны). Воевода приводитъ къ королю „посполитое рушеніе" (всеобщее ополченіе) своего воеводства, собирающееся по повѣтамъ, подъ командой каштеляновъ. Кромѣ того, воевода удерживаетъ свою власть надъ евреями, а въ XV вѣкѣ получаетъ надзоръ надъ мѣрами и вѣсами по городамъ, равно какъ и право установленія цѣнъ (на товары). Съ возникновеніемъ сеймиковъ, воевода предсѣдательствуетъ въ нихъ. Въ Малой Польшѣ онъ наблюдаетъ еще надъ земскими судами и вѣчами. Каштелянъ, въ концѣ концовъ, не имѣетъ никакихъ функцій, помимо только что упомянутыхъ военныхъ. Но такъ какъ обѣ эти должности открываютъ доступъ въ сенатъ, то онѣ очень высоко цѣнятся и называются „сенаторскими". Подкоморій попрежнему производитъ судъ въ пограничныхъ спорахъ; судья, подсудокъ и писарь засѣдаютъ въ земскихъ судахъ. Всѣ остальные земскіе чиновники (стольники, подстольники, чашники, подчашники, хорунжіе, войскіе и т. д.)—лишь почетные. Но даже и тѣ изъ нихъ, которые отправляютъ извѣстныя функціи, часто имѣютъ своихъ замѣстителей, ими же самими и назначаемыхъ: воевода—подвоеводу, судья, подсудокъ и подкоморій—„коморниковъ".

Собственно управленіе страной остается въ рукахъ старостъ; они удерживаются въ тѣхъ областяхъ, гдѣ были пре-

жде, съ тѣмъ же объемомъ власти и въ тѣхъ же территоріальныхъ предѣлахъ, что и прежде (вся область - удѣлъ). Подобнымъ же образомъ эта должность была организована и при введеніи ея вновь или при нормировкѣ (если она существовала уже ранѣе) во вновь присоединенныхъ территоріяхъ, въ удѣлахъ Силезскихъ, въ Пруссіи, на Руси и Литвѣ. Въ Литвѣ должность старостъ была соединена съ воеводскимъ достоинствомъ. Только Червоная Русь имѣла большее число старостъ, при чемъ „генеральному" русскому старостѣ были вполнѣ подчинены всѣ остальные старосты. Старостѣ принадлежитъ управленіе страной. Какъ органъ административной власти, онъ исполняетъ всѣ порученія короля. Поэтому-то старостъ и зовутъ „раменами короля". Военную свою власть староста теряетъ постольку, поскольку уже съ конца XIV вѣка только король имѣетъ право созывать „посполитое рушеніе". Но подъ властью старосты остаются „гроды", какъ крѣпости, равно какъ и администрація королевскихъ имѣній, лежащихъ въ его области. Впрочемъ, въ теченіе этого времени короли все чаще отрываютъ части имѣній, даже съ „гродами", отдавая ихъ въ такъ называемыя „тенуты", такъ что, въ концѣ концовъ, у старостъ остается сравнительно немного имѣній, превращающихся въ имѣнія, составляющія ихъ матеріальное обезпеченіе. Сравнительно больше власти осталось у старосты въ области „старостинскаго", или „гродского суда", который въ теченіе этого періода еще расширяется.

Инымъ путемъ шло развитіе этой должности въ Малой Польшѣ, гдѣ ея вовсе не было до самой смерти Казиміра Великаго. Вскорѣ послѣ смерти этого монарха должность старосты появляется и здѣсь, только въ значительно другой формѣ. Здѣсь для каждой области (удѣла) или воеводства установили не по одному, а по нѣскольку старостъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ власть только въ предѣлахъ своего повѣта, обнимавшаго иногда два или три земскихъ судебныхъ повѣта. Каждый такой староста былъ исполнителемъ порученій короля. Что касается другихъ прерогативъ, то старосты должны были добиваться ихъ, ибо онѣ уже принадлежали другимъ должностямъ. Старосты съумѣли отвоевать себѣ судебную власть, отчасти за счетъ земскихъ судовъ, отчасти присваивая себѣ функціи „оправцевъ" и под-

чиняя этихъ чиновниковъ своей власти. Въ XV вѣкѣ „оправцы“ являются только чиновниками старосты, имъ же назначаемыми, а въ концѣ этого столѣтія совершенно исчезаютъ. Военной власти старосты здѣсь не получили. Каждый изъ нихъ получилъ только по одному „гроду“, по которому они и носятъ свое названіе. Бургграфы этихъ гродовъ тоже попадаютъ подъ власть старостъ и, подобно „оправцамъ“, или являются съ этихъ поръ чиновниками старостъ по управленію гродомъ или совершенно исчезаютъ. Только бургграфы Краковскаго замка удержались, въ качествѣ королевскихъ чиновниковъ, назначаемыхъ королемъ, при чемъ число ихъ постепенно возросло до десяти въ XVI вѣкѣ. Въ качествѣ своего содержанія, каждый староста получалъ либо опредѣленные денежные доходы (съ „жупъ“), либо нѣсколько деревень. Однако старосты не получили администраціи королевскихъ имѣній, ибо она уже находилась въ рукахъ Краковскаго „главнаго управителя“, продолжавшаго и потомъ исполнять свои функціи. Со временемъ это вознагражденіе увеличилось, а такъ какъ въ другихъ областяхъ уменьшилось пространство имѣній, находившихся подъ управленіемъ старосты, то уже въ XVI вѣкѣ почти совсѣмъ исчезли прежнія большія различія въ вознагражденіи старостъ Малой Польши и другихъ польскихъ областей. Малопольскихъ старостъ слѣдовало бы правильнѣе назвать „гродскими“, ибо каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своей властью только по „гроду“, а всѣхъ прочихъ—„генеральными“, ибо каждый изъ нихъ управляетъ цѣлою областью (удѣломъ). Однако эти названія получаютъ, особенно съ XVI вѣка, совсѣмъ другое значеніе. „Гродскими“ зовутъ настоящихъ старостъ (всѣхъ), въ отличіе отъ „негродскихъ“, или „тенутаріевъ“; „генеральными“ называются лишь нѣкоторые старосты: великопольскій и русскій—вслѣдствіе нѣсколько бо́льшихъ размѣровъ ихъ власти, и краковскій (въ качествѣ генеральнаго, называемый малопольскимъ старостой)—только по аналогіи и вслѣдъ за двумя первыми.

Въ теченіе этого періода возникаютъ и вырабатываются центральныя должности, коронныя и придворныя (nadworne). Названія „коронный“ и „придворный“ имѣютъ только номенклатурное значеніе, но не вліяютъ на идею и задачу этихъ должностей и не могутъ быть отождествлены съ названіями:

государственный и дворцовый (dworski). Да и не было вовсе строгаго отдѣленія государственныхъ функцій отъ дворцовыхъ. Можно отличать отъ остальныхъ должностныхъ лицъ только министровъ, т. е. тѣхъ, кто вошелъ въ составъ сената. Законодательное опредѣленіе прерогативъ министровъ дано только конституціей 1504 г., которая, впрочемъ, лишь подтвердила то, что̀ путемъ практики выработалось уже ранѣе. Среди этихъ должностей уже въ XV вѣкѣ выдвигается на первое мѣсто должность маршалка. Она возникла—какъ сказано—въ половинѣ XIV столѣтія, а задачей ея было управленіе первоначально, можетъ быть, только конюшнями, а потомъ—и дворцомъ (дворомъ). Изъ того же титула выработались—уже въ началѣ XV столѣтія—прерогативы маршалка, какъ церемоніймейстера, который шествуетъ впереди короля съ тростью (laska),—знакомъ его власти, предсѣдательствуетъ въ сенатѣ и т. д. Ему принадлежало управленіе дворомъ, а слѣдовательно, и надзоръ и судопроизводство надъ придворными. Въ XV вѣкѣ маршалокъ начинаетъ устанавливать цѣны на съѣстные продукты въ томъ мѣстѣ, гдѣ пребываетъ король. Только въ XVI вѣкѣ онъ, въ качествѣ охранителя королевской особы, начинаетъ отправлять уголовный судъ по поводу нарушенія спокойствія въ мѣстѣ пребыванія монарха. Первоначально существуетъ только одинъ маршалокъ, который называется королевскимъ или дворцовымъ (regis, curiae). Въ концѣ XIV вѣка онъ начинаетъ иногда называться и коронnымъ (regni), что̀, впрочемъ, не имѣло значенія для его функцій. Послѣдній титулъ установился въ 1409 году, а названіе придворнаго маршалка перешло съ этого года къ другому, тогда установленному, маршалку. Послѣдній долженъ былъ стать помощникомъ и замѣстителемъ коронnаго маршалка. Оба они совершенно не различались по своимъ функціямъ. Въ видѣ исключенія, въ половинѣ XV и въ началѣ XVI вѣка имѣются два придворныхъ маршалка.

Должность коронныхъ канцлера и подканцлера развилась, какъ это уже было отмѣчено, изъ должностей краковскаго канцлера и подканцлера. Сначала краковскій подканцлеръ—выступающій, кажется, въ роли подканцлера и относительно канцлеровъ другихъ удѣловъ — сталъ называться придворнымъ (nadworny), а затѣмъ и коронnымъ

подканцлеромъ, что, впрочемъ, не имѣло существеннаго значенія. Вскорѣ послѣ смерти Казиміра Великаго этотъ послѣдній титулъ окончательно утвердился, а примѣру подканцлера нѣсколько позднѣе послѣдовалъ и краковскій канцлеръ, который сталъ называться придворнымъ (aulae, curiae), а потомъ—короннымъ канцлеромъ. Удѣльные канцлеры, уже при Казимірѣ Великомъ имѣвшіе мало значенія, послѣ его смерти окончательно потеряли свои функціи; уже въ началѣ XV вѣка исчезаютъ даже ихъ титулы. Канцлеръ и подканцлеръ были начальниками королевской канцеляріи. Подканцлеръ долженъ былъ замѣщать канцлера. Въ XV вѣкѣ между ними установилась то различіе, что канцлеръ снабжалъ выдаваемые имъ акты большой печатью, а подканцлеръ—другой, малой печатью,—разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣщалъ канцлера, хотя сила актовъ была одинакова. Когда съ XV вѣка канцелярія, ведя всю дипломатическую переписку, растетъ въ своемъ значеніи, тогда и канцлеръ постепенно превращается въ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ редактируетъ королевскія посланія къ монархамъ, получаетъ письма изъ-за-границы, принимаетъ иностранныхъ пословъ и т. д. Въ то же время онъ расширяетъ предѣлы своихъ функцій и внутри государства, такъ что является и министромъ внутреннихъ дѣлъ, ибо черезъ его руки должны проходить и всѣ акты по внутреннему управленію страной. Онъ, именно, принимаетъ прошенія, подаваемыя королю, онъ говоритъ отъ имени короля въ сеймѣ и т. д. Эти прерогативы его постепенно растутъ; въ XVI вѣкѣ, при послѣднихъ Ягеллонахъ, онѣ уже вполнѣ опредѣлены, хотя только путемъ практики. Подканцлеръ продолжаетъ оставаться его замѣстителемъ; когда (особенно въ XVI вѣкѣ) дѣятельность ихъ увеличилась, они раздѣляютъ ее между собой, хотя дѣло и не дошло до строгаго и постояннаго раздѣленія. Обычно канцлерами и подканцлерами были духовные лица. Конституція 1504 г. устанавливаетъ, что одинъ изъ нихъ постоянно долженъ быть лицомъ свѣтскимъ, другой—духовнымъ. Для управленія канцеляріей у нихъ имѣется цѣлый штатъ помощниковъ—чиновниковъ, „писарей“ (notarii), изъ которыхъ болѣе значительные называются въ XIV вѣкѣ протонотаріями, а позднѣе—секретарями. Одинъ изъ нихъ, въ качествѣ высшаго секретаря (supremus secretarius), съ 1504 г.

посвящается въ служебныя тайны, получая для себя особую „сигнетную“ (перстень съ печатью) печать. Высшимъ секретаремъ постоянно бываетъ духовное лицо. Подобнымъ же образомъ перерождается и должность краковскаго „скарбника“, который уже при послѣднихъ Пястахъ начинаетъ называться придворнымъ (curiae) скарбникомъ (tesaurarius) или „подскарбіемъ“ (subtesaurarius). Другіе „скарбники“ (казначеи) или исчезаютъ или становятся только титулярными. Наконецъ, только въ XV вѣкѣ устанавливается для этого уже одного завѣдывающаго „скарбомъ“ (казной) лица титулъ „короннаго подскарбія“ (по-латыни tesaurarius regni). Помощниками служатъ ему писаря „скарба“. Одинъ изъ нихъ, самый старшій, принимаетъ иногда, въ первой половинѣ XV вѣка, титулъ „кустоса скарба“, а потомъ, во второй половинѣ того же столѣтія, начинаетъ называться „придворнымъ („nadworny“) подскарбіемъ“ (vicetesaurarius curiae). Существенной разницы въ ихъ функціяхъ не было: „придворный подскарбій“—это замѣститель „короннаго“, которому онъ обыкновенно помогаетъ, а въ случаѣ его отсутствія—и исполняетъ всѣ его обязанности. Въ ихъ рукахъ находится управленіе „скарбомъ“, а именно: пріемъ денежной наличности, распоряженіе ею и т. д. Въ теченіе этой эпохи только въ исключительныхъ случаяхъ передавали въ руки особыхъ чиновниковъ, „шафарей“, завѣдываніе назначенными сеймомъ податями. Управленіе скарбомъ едино еще и въ томъ отношеніи, что „подскарбій“ выдаетъ средства какъ на государственные, такъ и на дворцовые расходы. Подскарбій, какъ и прежде, имѣетъ подъ своей властью сокровищницу (skarbiec) и государственный архивъ.

Гораздо медленнѣе развивается должность гетмана. Предводителемъ войскъ, или посполитаго рушенія или появляющихся уже тогда наемныхъ ротъ, по принципу, является король. Но онъ самъ все рѣже принимаетъ участіе въ войнѣ. Съ 1410 г. начинаютъ появляться до тѣхъ поръ неизвѣстные его замѣстители. Характерная ихъ черта заключается въ томъ, что они предводительствуютъ войскомъ только временно,—въ теченіе одного похода, послѣ чего ихъ власть исчезаетъ. Иногда ихъ назначали одновременно по нѣскольку человѣкъ, или, напримѣръ, одинъ получалъ начальство надъ „посполитымъ рушеніемъ“ въ одной части государства, дру-

гой — начальство надъ наемными ротами въ другой части и т. д. Такіе предводители назывались „capitaneus exercitus“, а позднѣе—„campiductor“. Если такой предводитель имѣетъ подъ своей властью военныя силы всей Польши, какъ главнокомандующій, то онъ называется „генеральнымъ“ (capitaneus exercitus или campiductor generalis). Перемѣна въ способѣ войны, появленіе постоянныхъ наемныхъ ротъ ведетъ къ тому, что въ концѣ правленія Казиміра Ягеллончика появляется постоянный предводитель войскъ, или гетманъ. Эта должность, въ видѣ постоянной, и удерживается съ тѣхъ поръ— за исключеніемъ короткаго періода въ концѣ XV вѣка, уже безпрерывно. Въ 1539 г. этому гетману дали въ помощь второго, который получилъ титулъ „польнаго гетмана“ (capitaneus campester). Это—замѣститель „великаго гетмана“, какъ позднѣе стали звать перваго предводителя. Гетману принадлежало командованіе войсками, но только въ томъ случаѣ, когда при войскѣ не было короля.

Кромѣ этихъ важнѣйшихъ должностей, имѣющихъ выдающееся значеніе для всего государства, существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ, второстепенныхъ, главнымъ образомъ, дворцоваго характера. Это: кухмистръ (magister coquinae regiae), подчашій (pincerna curiae, потомъ pocillator)—съ конца XIV вѣка, затѣмъ, съ начала XV вѣка, кравчій (incisor regni), нѣсколько позднѣе—гофмистръ (magister curiae), превратившійся въ концѣ XV вѣка въ подкоморія (succamerarius curiae) и т. д. Уже сами названія этихъ должностей указываютъ на ихъ характеръ, главнымъ образомъ, дворцовый, часто только почетный. Въ 1507 г. были учреждены должности двухъ референдарей (referandarzy, одинъ—свѣтскій, другой—духовный), которые главнымъ образомъ помогали королю въ судопроизводствѣ.

На ряду съ этими постоянными должностями, иногда появляются и должности другого рода, временныя, которыя либо учреждаются только въ видѣ исключенія и потомъ болѣе уже не появляются, либо снова появляются при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. Къ первой группѣ относятся печатникъ (sigillifer), замѣщающій отсутствующихъ канцлеровъ (1444 г.), равно какъ и „опекуны“ (tutores), учрежденные на время малолѣтства Варненчика (1434—1438) для отдѣльныхъ воеводствъ и земель, съ административной и финан-

совой властью. Ко второй группѣ слѣдуетъ отнести намѣстниковъ (locumtenentes regis), которыхъ устанавливаетъ король на время своего отсутствія изъ государства. Происходя изъ королевской семьи, они получаютъ полноту королевскихъ правъ. Въ противномъ случаѣ они получаютъ только административную и финансовую власть. Либо одинъ человѣкъ бываетъ такимъ намѣстникомъ, либо нѣсколько человѣкъ сообща исполняютъ функціи намѣстника. Въ видѣ исключенія, въ 1440—1447 гг. имѣются два намѣстника, изъ которыхъ одинъ замѣняетъ короля въ Малой Польшѣ, другой — въ Великой Польшѣ. Они обладали болѣе широкими — сравнительно съ другими намѣстниками — функціями, ибо отправляли судъ въ тѣхъ же предѣлахъ, что̀ и король, и назначали чиновниковъ на должности.

Таковы были должности. Нѣкоторыя изъ нихъ нельзя было соединять въ однѣхъ рукахъ. Такія должности назывались „incompatibiles". Такъ, напримѣръ, старосты, за исключеніемъ краковскаго, не могутъ быть воеводами и каштелянами въ своихъ староствахъ, а также и земскими судьями; со времени конституціи 1504 г., основывавшейся на предшествующей практикѣ, нельзя было соединять должности канцлера съ болѣе значительными и богатыми епископствами, а также со званіемъ каштеляна и воеводы. Съ 1565 г. маршалки и коронные подскарбіи не могутъ быть одновременно воеводами или каштелянами. Въ 1563 г. былъ опредѣленно подтвержденъ уже ранѣе существовавшій обычай, что нельзя соединять двухъ земскихъ должностей. Земскія должности раздавались пожизненно; въ теченіе XV вѣка пожизненность примѣняется, какъ принципъ, и къ короннымъ и къ придворнымъ должностямъ, что̀, конечно, не мѣшало перемѣщенію на высшія должности. Староства только въ XVI вѣкѣ начинаютъ превращаться въ пожизненныя. Благодаря этой пожизненности, чиновники пріобрѣтаютъ довольно большую независимость отъ короля, которая еще была усилена конституціей 1538 г., опредѣляющей, что король можетъ уволить чиновника только въ томъ случаѣ, если такое наказаніе предусматривалось конституціями.

Сеймы и сеймики.

Польскій парламентарный строй, окончательно вырабатывающійся въ теченіе этого періода, опирается на двухъ

совершенно различныхъ факторахъ, которые впервые соединяются только въ разсматриваемомъ періодѣ, чтобы создать теперь полныя формы этого строя. Но слѣдъ этихъ факторовъ уже навсегда остался въ организаціи польскаго сейма. Сеймъ этотъ позднѣе состоитъ изъ сената и „посольской избы". Составъ его и соотвѣтствуетъ именно указанному развитію. Поэтому слѣдуетъ отдѣльно разсмотрѣть возникновеніе каждой изъ этихъ частей сейма.

Въ моментъ смерти Казиміра Великаго еще не было никакихъ общихъ съѣздовъ, еще каждый удѣлъ отдѣльно, на собственныхъ вѣчахъ, совѣщался о своихъ дѣлахъ. Но уже вскорѣ послѣ этого мы начинаемъ встрѣчаться съ общими съѣздами. Первоначально такіе съѣзды рѣдки, ибо вопросовъ, общихъ для всѣхъ удѣловъ, тогда было не много. Вопросъ о привиллегіяхъ, вопросъ о престолонаслѣдіи—вотъ главныя дѣла, ради которыхъ собираются такіе общіе съѣзды, очевидно, наряду съ особыми вѣчами отдѣльныхъ удѣловъ. Между удѣльными вѣчами и общими съѣздами стоятъ съѣзды провинціальные, великопольскіе (въ болѣе широкомъ значеніи, т. е. настоящей Великой Польши, Лэнчицы, Сѣрадзя и т. д.) и малопольскіе (т. е. Малой Польши, а потомъ и Руси). Но съ начала XV вѣка общіе съѣзды особенно начинаютъ учащаться. Тогда ихъ уже опредѣляютъ, какъ сеймы. Все возрастающее количество общихъ дѣлъ, дѣлъ, касающихся всего государства — вотъ одна причина учащенія съѣздовъ. Вторая причина — это все усиливающееся ограниченіе короля; король долженъ теперь гораздо чаще, чѣмъ прежде, обращаться къ съѣздамъ за совѣтомъ, даже въ такихъ вопросахъ, которые раньше онъ рѣшалъ самъ, безъ содѣйствія сеймовъ или вѣчей. Уже въ концѣ правленія Ягеллы почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе важнаго дѣла, которое король рѣшился бы осуществить самостоятельно.

Подобно тому, какъ общіе государственные интересы вызвали къ жизни неизвѣстные раньше сеймы, на рѣшеніе которыхъ были отданы дѣла, касавшіяся всѣхъ удѣловъ, такъ и составъ этихъ сеймовъ обнаруживаетъ характеръ ихъ, какъ дѣйствительно общегосударственнаго учрежденія. Сеймъ представляетъ изъ себя собраніе вѣчей, ихъ объединеніе, съѣзды же провинціальные являются объединеніемъ провинціальныхъ вѣчей. Слѣдовательно, земскіе чиновники вхо-

дятъ въ составъ какъ вѣчей, такъ провинціальныхъ съѣздовъ и сеймовъ. Кто именно изъ нихъ будетъ засѣдать въ совѣтѣ, это зависитъ, очевидно, отъ короля, отъ того кого онъ позоветъ сюда: хотя фактически сеймы очень ограничиваютъ короля, но юридически они являются все же только совѣтомъ. Но какъ уже ранѣе король призывалъ на вѣче только самыхъ выдающихся людей, т. е. епископовъ, воеводъ и каштеляновъ, такъ и теперь на сеймахъ засѣдаютъ прежде всего епископы, воеводы и каштеляны. Они начинаютъ считать это свое участіе въ сеймахъ не своею обязанностью спѣшить къ королю съ совѣтомъ, а своимъ правомъ. Однако, на ряду съ ними, король призываетъ въ свой совѣтъ и низшихъ земскихъ чиновниковъ: подкоморіевъ, хорунжихъ, судей и т. д. Впрочемъ, участіе послѣднихъ уже не было столь постояннымъ и и не превратилось въ ихъ право. Сверхъ того, въ совѣщаніяхъ сейма участвовали и министры, т. е. главные изъ коронныхъ и придворныхъ чиновниковъ, которые блюли интересы государства, и безъ которыхъ, слѣдовательно, уже по существу дѣла нельзя было обойтись въ сеймѣ. Но рядомъ съ тѣми, у кого было какое-нибудь служебное положеніе, кто, именно, въ виду этого положенія, и засѣдалъ въ сеймахъ, мы встрѣчаемъ тамъ въ XV вѣкѣ и простую шляхту. Это — проявленіе такихъ стремленій, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже, стремленій къ предоставленію и простой шляхтѣ извѣстнаго значенія въ государственномъ управленіи. Однако это положеніе дѣлъ измѣняется, когда возникаетъ „посольская изба“, какъ представительство интересовъ шляхты. Теперь уже излишнимъ становится участіе въ сеймѣ шляхты, въ роли низшихъ земскихъ чиновниковъ; послѣднихъ исключаютъ — при Сигизмундѣ I — изъ состава сейма, т. е. собственно изъ сената (такъ начинаютъ называть эту часть сейма, въ отличіе отъ „посольской избы“). Сенатъ замыкается. Съ тѣхъ поръ его составляютъ только архіепископы и епископы, воеводы, каштеляны, равно какъ и министры. Въ качествѣ министровъ, удержались въ сенатѣ тѣ коронные и придворные чиновники, которые и раньше уже засѣдали въ немъ, а именно: коронный маршалокъ, канцлеръ и подканцлеръ и коронный подскарбій. Остальные придворные чины не вошли въ сенатъ, въ частности не вошли въ него

ни придворный подскарбій, должность котораго выработалась только во второй половинѣ XV столѣтія, ни гетманы, ибо установленіе ихъ функцій и значенія относится уже къ XVI вѣку, т. е. къ эпохѣ, когда сенатъ уже окончательно замкнулся. Въ половинѣ XV в. насчитывается 73 засѣдающихъ въ сенатѣ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ (слѣдовательно, уже нѣтъ низшихъ чиновниковъ и шляхты). Однако число это увеличивается, ибо при инкорпораціяхъ и уніяхъ доступъ въ сенатъ былъ открытъ епископамъ, воеводамъ и каштелянамъ соединенныхъ съ Польшей территорій. Въ концѣ XV в. сенаторовъ насчитывается 87. Послѣ присоединенія остальной части Мазовіи число сенаторовъ возрасло до 94, а въ 1569 г.-- до 140. Порядокъ мѣстъ въ сенатѣ, установившійся путемъ обычая еще въ XV в., точнѣе былъ опредѣленъ Сигизмундомъ I. Новый „порядокъ сената“ былъ изданъ въ 1569 г., когда въ сенатъ были включены прусскіе и литовскіе сенаторы; литовскимъ сенаторамъ были гарантированы мѣста, приблизительно одинаковыя съ мѣстами польскихъ сенаторовъ.

Совершенно особеннымъ образомъ возникаетъ „посольская изба“. Если первоначально одни только „можные“, т. е. чиновники, оказываютъ вліяніе на управленіе государствомъ, то потомъ, особенно съ начала XV вѣка, начинаетъ пробуждаться и шляхта. Цѣлый рядъ факторовъ вліяетъ на пробужденіе этого элемента къ политической жизни, а именно: гуситство, борьба съ церковью изъ-за десятинъ, вопросъ о престолонаслѣдіи, въ которомъ Ягелло обращается ко всей шляхтѣ и т. д. Однако у шляхты еще нѣтъ органа, который являлся бы ея представителемъ. Чтобы устранить этотъ недостатокъ, шляхта объединяется въ конфедераціи, т. е. въ союзы, основанные на добровольномъ личномъ присоединеніи къ нимъ и стремящіеся къ осуществленію задачъ, которыхъ не можетъ выполнить государство. Уже въ первой половинѣ XIV в. появились такіе союзы, заключаемые городами (1302, 1310, 1350 гг.) или шляхтой (конфедерація Мацька Борковича въ 1352 г.). Теперь конфедераціи учащаются, во время безкоролевій онѣ замѣняютъ королевскую власть (1382, 1384 гг.), не разъ помогаютъ королю въ его предпріятіяхъ (1424, 1438 гг.),

но не разъ обращаются и противъ его власти (1406, 1407, 1439 и т. д.). Но шляхта начинаетъ влiять на правительство и инымъ образомъ; въ великопольскихъ областяхъ она добивается мѣста на судебныхъ вѣчахъ, отправляемыхъ старостами. Эти вѣча рѣшали, кромѣ судебныхъ дѣлъ, и удѣльныя (областныя) дѣла. Уже въ первой половинѣ XV вѣка, и даже раньше, эти вѣча дифференцируются. „Вѣче“, съ такимъ именно названiемъ („wiec“), сохраняется, какъ исключительно судебная власть, а на ряду съ нимъ возникаетъ выросшiй изъ него сеймикъ, какъ собранiе всей шляхты воеводства для рѣшенiя удѣльныхъ (областныхъ) дѣлъ. Предсѣдательство на сеймикѣ принадлежитъ воеводѣ, какъ высшему земскому сановнику (на вѣчахъ первая роль принадлежала старостѣ). Такъ развились сеймики въ Великой Польшѣ, а немного позднѣе— на Руси. Въ Малой Польшѣ (въ собственномъ смыслѣ слова) „можновладческiй“ элементъ, былъ сильнѣе, но, въ концѣ концовъ, во второй половинѣ XV вѣка, и здѣсь появляются сеймики, по образцу Великой Польши. Когда къ Польшѣ присоединялись новыя территорiи, то учрежденiя эти вводились и здѣсь. Но это пока еще сеймики: „пословъ“ нѣтъ; кромѣ того само значенiе сеймиковъ укрѣпилось еще не очень сильно. Вопросъ о податяхъ усиливаетъ это значенiе и даетъ возможность дальнѣйшаго развитiя. Шляхта не обязана платить подати, а если и платитъ ихъ, то лишь постольку, поскольку сама соглашается на это. Слѣдовательно, рѣшенiя сейма, состоящаго только изъ чиновниковъ, въ этомъ случаѣ недостаточно, ибо чиновники не могутъ обязывать всю массу шляхты. Нужно обращаться къ самой этой шляхтѣ. Первоначально пользовались, кажется, разными средствами; вѣроятно, намѣревались обращаться къ представителямъ родовъ, какъ это было при „элекцiи“ сыновей Ягелло. Въ концѣ концовъ воспользовались устройствомъ сеймиковъ, какъ учрежденiя, представляющаго всю шляхту. Такимъ образомъ съ половины XV вѣка, когда все чаще поднимается вопросъ о податяхъ, эти подати должны устанавливаться сеймомъ и потомъ приниматься отдѣльными сеймиками. Слѣдовательно, сеймъ, состоящiй пока только изъ сената, и сеймики составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое. Во второй половинѣ

XV столѣтія сеймики начинаютъ сноситься съ сеймомъ и другъ съ другомъ посредствомъ „пословъ", избираемыхъ ими изъ своей среды. Это облегчало процедуру, но не мѣняло существа дѣла, ибо такіе послы были только представителями сеймиковъ, связанными его порученіями. Понемногу въ жизнь начинаетъ входить такой обычай, что сеймики постоянно высылаютъ своихъ пословъ на провинціальные съѣзды, а съ 1493 г.—какъ это можетъ быть въ первый разъ отмѣчено именно въ этомъ году и какъ это стало съ тѣхъ поръ правиломъ—и на „генеральный" сеймъ. Это не повлекло за собой гибели провинціальныхъ съѣздовъ. Передъ сеймомъ послы и сенаторы каждой провинціи прежде всего собирались вмѣстѣ (въ Великой Польшѣ—въ Колѣ, въ Малой Польшѣ—въ Корчинѣ) и уже оттуда отправлялись на генеральный сеймъ. Такимъ образомъ окончательное установленіе польскаго сейма слѣдуетъ отнести къ 1493 г. Такъ какъ шляхта добилась представительства въ „посольской избѣ", то ее можно было устранить изъ сената. Количественно это представительство еще слабо. Обыкновенно воеводство, event. земля, высылаетъ только по два депутата, такъ что въ началѣ XVI вѣка въ посольской избѣ насчитывается едва сорокъ съ чѣмъ-то „пословъ". Но по мѣрѣ присоединенія новыхъ земель, въ нихъ образуются сеймики, и, слѣдовательно, на сеймъ прибываютъ послы этихъ сеймиковъ. Сверхъ того, при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ замѣчается стремленіе сеймиковъ увеличить число своихъ пословъ, такъ что нѣкоторые отправляютъ по шести и даже болѣе пословъ; короли тщетно старались ограничить это число (1521, 1540, 1552 гг.). Въ 1569 г. было 95 пословъ изъ Короны (=Польши). Тогда прибавились послы изъ инкорпорированныхъ земель (Подлясье, Волынь, Кіевъ, Брацлавъ), число которыхъ потомъ было установлено въ 19 чел.; изъ Литвы, откуда слѣдовало высылать по 2 посла изъ повѣта, слѣдовательно, всего 48, а также изъ Пруссіи, которая, впрочемъ, высылала различное количество пословъ, сначала въ сеймѣ пословъ было всего только нѣсколько человѣкъ. Инфлянты еще не получили мѣста въ сеймѣ. Что касается самого положенія „пословъ", то они были представителями

сеймиковъ, связанными данными имъ инструкціями, обычно еще устными.

Относительно податей король долженъ былъ обращаться не только къ сеймикамъ, но и къ городамъ. Первоначально король сносился съ городами помимо сейма, обычно только съ важнѣйшими, съ каждымъ въ отдѣльности. Однако, для облегченія переговоровъ о податяхъ, и города потомъ стали высылать своихъ представителей на сеймы. Но они не особенно заботились объ этомъ; притомъ большинство городовъ было слишкомъ слабо, чтобы имѣть на сеймѣ большое значеніе. Такимъ образомъ, почти одинъ только Краковъ является представителемъ городовъ. Его послы засѣдаютъ на сеймѣ, и Краковъ не разъ получаетъ ясное признаніе этого своего права. Если какое-нибудь дѣло касалось городовъ, то еще въ XVI вѣкѣ всетаки иногда призывались на сеймъ и другіе города, кромѣ Кракова. Но это были рѣдкіе случаи; и пословъ Кракова, большей частью, нѣтъ на сеймѣ. Поэтому уже въ концѣ разсматриваемаго періода городскіе послы не имѣютъ въ сеймѣ почти никакого значенія. Что касается духовенства, то по вопросу о назначеніи податей король заключалъ съ нимъ соглашеніе на особыхъ съѣздахъ (синодахъ). Духовенство не высылало на сеймы своихъ пословъ и такимъ образомъ не имѣло въ посольской избѣ своихъ представителей.

Не было ни постоянныхъ мѣстъ, ни постоянныхъ сроковъ для засѣданій сейма. Король созывалъ сеймы, когда являлась нужда въ нихъ, особенно когда дѣло шло о податяхъ, которыхъ король не могъ получить безъ согласія сейма. Поэтому сеймъ иногда собирается и два раза въ годъ, иногда же его не бываетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нѣкоторые государи видятъ въ сеймахъ свою сильнуюопору, другіе, нерасположенные къ нимъ (напримѣръ, Сигизмундъ-Августъ), стараются собирать ихъ какъ можно рѣже. Сеймы собираются въ разныхъ мѣстахъ, въ XV вѣкѣ всего чаще въ Петроковѣ; въ XVI вѣкѣ Петроковъ считается уже настоящимъ мѣстомъ собраній сеймовъ, чтó подтверждаютъ и конституціи (1540, 1543 гг.). Сеймы длятся обыкновенно—въ XV вѣкѣ—только нѣсколько дней; но чѣмъ больше у нихъ дѣлъ, тѣмъ продолжительнѣе они

становятся, въ XVI вѣкѣ нерѣдко засѣдаютъ и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Формы польскаго парламентаризма, какъ и формы парламентскаго дѣлопроизводства, устанавливаются путемъ практики, безъ законодательнаго регулированія относящихся сюда вопросовъ. Король письменно созывалъ сенаторовъ, созывалъ и сеймики на засѣданія, а потомъ, съ установленіемъ обычая выбирать „пословъ", и для выбора этихъ пословъ. На предсеймовые сеймики король отправлялъ своихъ пословъ съ такъ называемой „легаціей", т. е. посланіемъ, въ которомъ излагалъ причины созыва сейма и програму его работъ. Сеймъ начинался богослуженіемъ. Собравшіеся на сеймъ привѣтствовали короля. Съ возникновеніемъ „посольской избы", она прежде всего выбираетъ своего маршалка, который уже и привѣтствуетъ короля. Послѣ привѣтствія и отвѣта на него со стороны короля, обыкновенно черезъ канцлера, слѣдовало цѣлованіе королевской руки. Тогда канцлеръ излагалъ причины созыва сейма. Это была такъ называемая потомъ „сеймовая пропозиція" (предложеніе). Затѣмъ слѣдовали „vota", т. е. мнѣнія сенаторовъ. Пока посольской палаты еще не существовало, это было главной частью засѣданій сейма. Когда явилась эта „изба", когда она—при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ—начинаетъ пріобрѣтать все бóльшее значеніе, тогда цѣнность сенатскихъ „вотовъ" постепенно уменьшается, на нихъ обращаютъ все меньше вниманія. Послѣ „вотовъ" и event. обсужденія, первоначально слѣдовало королевское рѣшеніе, которымъ и заканчивался сеймъ. Но съ появленіемъ посольской избы, только съ этого момента и наступаетъ настоящее засѣданіе „избъ", каждой особо. Посольская изба обсуждаетъ королевскія предложенія, предъявляетъ свои требованія и жалобы. Время отъ времени обѣ избы соединяются, чтобы депутаты могли высказать свои желанія, услышать мнѣніе сената и отвѣтъ короля. Рѣшеніе слѣдуетъ съ согласія всѣхъ этихъ факторовъ. Единогласіе вытекало здѣсь изъ существа дѣла. Поскольку дѣло касается такихъ рѣшеній, которыми нарушаются свобода шляхты отъ податей или другія ея привиллегіи, для каждаго такого рѣшенія требовалось единомысліе—единогласіе всѣхъ пословъ: указанныя привиллегіи считались личными

(„субъективными“) правами, которыхъ нельзя отмѣнить безъ согласія тѣхъ, кто обладалъ ими. Требованіе единомыслія вовсе не выработалось только въ XVII вѣкѣ, какъ это часто говорится; это—существенная черта всего строя, вытекающая изъ природы привиллегій и сословнаго строя. А такъ какъ каждый изъ пословъ представлялъ, собственно, только свой сеймикъ, т. е. всѣхъ, кто составлялъ этотъ сеймикъ, то нельзя было принудить его перемѣнить мнѣніе, ибо его связывали порученія „братіи“. Положеніе сенаторовъ, пока они составляли только совѣтъ, было иное. Но когда шло дѣло о податяхъ или о рѣшеніяхъ, нарушающихъ ихъ привиллегіи, тогда и сенаторы стояли наравнѣ съ „посольской избой“, имѣли, какъ и она,—только каждый за себя—рѣшающій голосъ въ сеймѣ. Слѣдовательно, чтобы конституція получила законную силу, и сенаторы—при томъ всѣ—должны были прійти къ единомыслію. Но хотя въ принципѣ единомысліе и признавалось, все-таки мощный общественный духъ, оживлявшій сеймы, велъ къ тому, что не такъ уже трудно было добиться этого единомыслія, что часто противники добровольно уступали ради общаго блага, и что, въ случаѣ упорнаго сопротивленія нѣкоторыхъ, не особенно считались съ ними. Замѣтно стремленіе поднять значеніе сейма, ограничить вліяніе инструкцій сеймиковъ. При Сигизмундѣ-Августѣ польскій сеймъ, дѣйствительно, начинаетъ принимать характеръ почти-что парламента новаго времени (стремленіе устранить единогласіе; появляющаяся теорія о томъ, что послы—не только представители сеймика, но и представители цѣлаго государства). Однако позднѣйшее развитіе сейма отклонило его съ этого пути.

Только тотъ кругъ дѣлъ, который вытекалъ изъ существа этого парламентаризма и опирался на идеѣ личныхъ (субъективныхъ) правъ, и былъ подтвержденъ конституціей 1505 г., извѣстной подъ именемъ конституціи „Nihil novi“, т. е. что король, безъ согласія сейма, не можетъ устанавливать ничего, что̀ нарушало бы личныя (субъективныя) права шляхты, добытыя посредствомъ привиллегій и обычая. Однако, взамѣнъ своего согласія на измѣненіе этихъ своихъ правъ, шляхта требуетъ отъ короля законодательныхъ или административныхъ мѣропріятій, о которыхъ и заявляетъ въ своихъ постулатахъ. И такія мѣропріятія включаются

въ издаваемыя сеймами конституціи. Такимъ путемъ сеймъ расширяетъ свою компетенцію, особенно въ области законодательства. Однако нельзя видѣть въ сеймѣ единственной законодательной власти, нельзя утверждать, будто конституція „Nihil novi“ только одному сейму передала всю законодательную власть. Король сохраняетъ свои законодательныя права. Сеймъ, имѣющій сословный характеръ, сеймъ, члены котораго являются представителями только шляхты, получилъ вліяніе на законодательство, путемъ практики болѣе или менѣе закрѣпилъ кругъ тѣхъ дѣлъ, которыя онъ могъ регулировать законодательнымъ путемъ,—но закрѣпилъ только болѣе или менѣе. Никогда не существовало точной границы, которая указывала бы, какія дѣла относятся къ сеймовому законодательству, и какія—къ королевскому. Король остался законодателемъ въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, которыя не интересовали шляхты, которыя находились внѣ горизонта сословныхъ нуждъ и сословныхъ постулатовъ. Такъ, напримѣръ, сеймъ не занимается ни регулированьемъ вопроса о ленныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи, ни вопросомъ о внутреннемъ строѣ городовъ или объ организаціи евреевъ и т. д. Все это придаетъ опредѣленный характеръ этому сейму, какъ сейму сословному.

Суды. Судъ надъ шляхтой опирается и далѣе на тѣхъ же основаніяхъ, которыя начали вырабатываться при Казимірѣ Великомъ и окончательно утвердились на практикѣ въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтій. Судами первой инстанціи являются для шляхты суды земскіе—„гродскіе“—и подкоморскіе. Земскій судъ состоитъ изъ судьи и подсудка, event. ихъ замѣстителей, коморниковъ, назначаемыхъ ими, равно какъ и писаря. Обыкновенно въ каждомъ воеводствѣ, event. землѣ, есть свой земскій судъ. Судъ объѣзжаетъ повѣты и судитъ въ нихъ въ извѣстные опредѣленные сроки („рочки“), первоначально черезъ каждыя двѣ недѣли, съ Вартскаго статута (1423 г.)—ежемѣсячно (или точнѣе черезъ четыре недѣли), а по Нѣшавскимъ статутамъ (1454 г.)—въ этомъ пунктѣ, впрочемъ, только позднѣе вошедшимъ въ жизнь—четыре раза въ годъ. Рядомъ съ судьей и подсудкомъ засѣдаютъ ассессоры, въ числѣ шести или пяти, изъ среды шляхты, прибывающей на „рочки“. Только въ собственной

Великой Польшѣ (Познань и Калишъ) выработался другой составъ ассессоровъ, именно тамъ на „рочкахъ“ засѣдаютъ замѣстители чиновниковъ: старосты (бургграфа), воеводы, подкоморія и хорунжаго. Въ компетенцію земскихъ судовъ входятъ принципіально всѣ дѣла осѣдлой шляхты (т. е. поскольку эта шляхта является стороной обвиняемой), за исключеніемъ дѣлъ важнѣйшихъ, предоставленныхъ вѣчамъ и королевскимъ судамъ, равно какъ и тѣхъ дѣлъ, которыя опредѣленно отнесены къ вѣдомству „гродовъ“. Подкоморскій судъ остается, по прежнему, въ качествѣ пограничнаго суда. Всѣ эти суды дополняются судами „гродскими“, или старостинскими. Въ Великопольскихъ удѣлахъ (областяхъ) судъ старосты находится въ нѣсколькихъ „гродахъ“, въ Малой Польшѣ—только въ одномъ. Уже съ конца XIV-го вѣка старосты судятъ обыкновенно не самолично, а при помощи назначенныхъ ими чиновниковъ. Послѣднихъ обычно бывало два: бургграфъ, или подстароста, и „гродской“ судья, а иногда только одинъ, такъ называемый „коммиссарскій судья“ (Сѣрадзь). Въ великопольскихъ областяхъ эти суды возникли такимъ путемъ: когда, вслѣдствіе развитія земскихъ судовъ и вѣчей, значительная часть дѣлъ перешла въ эти суды, то староста сохранилъ за собой—что̀ касается шляхты—только извѣстныя немногочисленныя дѣла, главнымъ образомъ, уголовныя, и творилъ дополнительный судъ во всѣхъ случаяхъ, когда другой судъ не былъ компетентнымъ. Этому же суду подлежала и шляхта—„голота“, которая не была допущена къ земскимъ судамъ. Кромѣ того, старостинскимъ судамъ принадлежала экзекуція приговоровъ всѣхъ остальныхъ судовъ. Потомъ, въ XV и XVI вѣкѣ, для ускоренія судопроизводства, „гродскимъ“ судамъ передавалось судопроизводство и по другимъ дѣламъ. Въ Малой Польшѣ судебная власть старостъ возникла только со введеніемъ тамъ должности старосты послѣ смерти Казиміра Великаго и сформировалась — правда, съ нѣкоторыми затрудненіями—по образцу „гродскихъ“ судовъ другихъ областей. Въ XVI вѣкѣ начинаютъ давать гродамъ „вѣчность“,—т. е. расширяютъ кругъ ихъ дѣятельности и на „безспорныя дѣла“, касающіяся недвижимаго имущества, ранѣе, по правилу, принадлежавшія къ вѣдомству только земскихъ судовъ. Въ томъ же XVI вѣкѣ начали различать вѣдомство „гродовъ“, какъ суда (iudicium) и какъ долж-

ности (officium). Въ вѣдомство грода, какъ суда, входили особенно уголовныя дѣла (такъ называемые, „четыре артикула": поджогъ, нападеніе на большой дорогѣ, нашествіе на домъ, изнасилованіе), а такъ называемые „судебные роки" происходили только въ опредѣленные сроки (черезъ каждыя шесть недѣль), всегда при участіи старосты. Въ качествѣ „officium", гродъ имѣлъ гораздо больше дѣлъ; это были особенно дѣла провизорныя (владѣніе), а также и экзекуція приговоровъ. Officium производилъ свои такъ называемые „исковые (skargowe) роки" гораздо чаще (каждыя двѣ недѣли, а въ болѣе важныхъ гродахъ—даже ежедневно); старосты почти никогда не принимали въ нихъ личнаго участія.

Выше этихъ судовъ стояли вѣча, которыя тоже развились уже ранѣе. Въ теченіе XV вѣка составъ вѣчей начинаетъ вырабатываться точнѣе. Въ великопольскихъ областяхъ предсѣдательство на вѣчахъ сохранилось за старостой, такъ что вѣче не могло состояться безъ него. Однако въ теченіе XV вѣка устанавливается еще такой обычай, что, кромѣ старосты, на вѣчѣ должны засѣдать еще и нѣкоторые сановники, а именно: воевода и нѣкоторые каштеляны; безъ нихъ вѣче не могло состояться. Это необходимое участіе засѣдателей еще сильнѣе развилось въ Малой Польшѣ, гдѣ первоначально вполнѣ достаточно было присутствія какихъ угодно шести сановниковъ, а въ XV столѣтіи стало необходимымъ участіе воеводы и каштеляновъ (въ Малой Польшѣ старосты на вѣчахъ не засѣдали). Но иногда между вѣчами замѣчаются довольно значительныя различія именно съ точки зрѣнія участія въ нихъ этихъ должностныхъ лицъ. Въ Малой Польшѣ вѣча продолжаютъ собираться въ опредѣленные сроки; въ Великой Польшѣ—тогда, когда ихъ созоветъ староста, хотя и здѣсь было стремленіе установить сроки. Въ теченіе XV-го вѣка вѣча начинаютъ собираться все рѣже, все чаще не оканчиваются, а во второй половинѣ этого столѣтія почти совсѣмъ уже не засѣдаютъ, замираютъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ ихъ воскресили; но и тогда они функціонируютъ не особенно хорошо. Тогда же измѣняется и ихъ составъ. Участіе въ нихъ старосты совершенно прекращается, а предсѣдательство переходитъ къ воеводѣ. Но, на ряду съ воеводой и каштелянами, на вѣчахъ начинаютъ засѣдать, притомъ все въ бо́льшемъ количествѣ, и земскіе чиновники,

такъ что число лицъ, составляющихъ вѣче, значительно возрастаетъ. И здѣсь, слѣдовательно, проявилось теченіе, такъ рѣзко обозначившееся и въ другихъ областяхъ строя, въ сторону ограниченія высшихъ сановниковъ въ пользу менѣе знатной шляхты. Вѣча не долго пережили эпоху Ягеллоновъ, исчезли съ того момента, когда возникъ коронный Трибуналъ (1578 г.). Что касается компетенціи, то слѣдуетъ различать вѣча XIV-го и XV-го вѣковъ отъ вѣчей XVI-го столѣтія. Первоначально вѣча представляютъ собой судъ по важнѣйшимъ дѣламъ, въ зависимости или отъ цѣнности предмета спора или отъ высшаго званія лица, особенно подсудимаго, или отъ недостаточной ясности правовыхъ нормъ. Въ случаѣ внесенія такихъ дѣлъ на „рочки", ихъ отсылали на вѣче. Но, кромѣ того, вѣче могло рѣшать и, дѣйствительно, рѣшало всѣ тѣ дѣла, какія обыкновенно шли на низшіе суды—земскіе или „гродскіе". Когда, послѣ своего паденія, вѣча въ XVI вѣкѣ появляются вновь, то они выступаютъ уже только въ качествѣ второй инстанціи и рѣшаютъ только апелляціи съ земскихъ и гродскихъ судовъ. Съ этихъ поръ вѣча въ первой инстанціи не рѣшаютъ уже никакихъ дѣлъ.

Выше этихъ судовъ стоялъ королевскій судъ, какъ судъ главный, ибо король все еще признается источникомъ справедливости. Король могъ рѣшать всякое дѣло, даже самое мелкое, наравнѣ съ судами земскими, гродскими, и вѣчами, притомъ либо назначая спеціальныхъ судей, коммиссаровъ, или же судя лично во дворцѣ. Король судитъ тамъ, гдѣ въ данное время находится. Приговоръ зависитъ отъ него самого. Правда, на его судѣ засѣдаютъ ассессоры изъ среды наличныхъ высшихъ сановниковъ; однако содержаніе приговора опредѣляется исключительно его волею. Поэтому большее или меньшее участіе ассессоровъ—дѣло случая, не имѣющее значенія. Въ королевскомъ судѣ засѣдаетъ, для выполненія процессуальныхъ формальностей, земскій судъ той области, гдѣ въ данное время находится король. Судъ короля называется судомъ in curia. Однако чаще всего король лично на судѣ не присутствуетъ,—достаточно участія однихъ ассессоровъ; но все-таки этотъ судъ имѣетъ значеніе королевскаго суда только тогда, когда онъ происходитъ во дворцѣ короля (судъ ассессорскій). Въ компетенцію этого

суда входятъ, прежде всего, въ первой инстанціи тѣ дѣла, которыхъ не могли разрѣшить другіе суды, дѣла изъ области права публичнаго (causae iuris communis, напримѣръ, споры между сословіями о публичныхъ правомочіяхъ и т. д.), собственно уголовныя дѣла (causae mere criminales, т. е. преступленія противъ государства, напримѣръ, измѣна), жалобы на чиновниковъ по поводу ихъ служебныхъ дѣйствій (causae officii), наконецъ, дѣла, касающіяся личности короля, особенно дѣла о королевскихъ имуществахъ (causae fisci). Сверхъ того, въ королевскій судъ можно было обращаться по всякимъ вообще дѣламъ, подлежащимъ какимъ-угодно судамъ. Когда въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка выработалась неизвѣстная ранѣе апелляція, то къ королю—прямо или черезъ другіе суды (вѣча)—шли апелляціи изъ всѣхъ судовъ. Вслѣдствіе этого, предѣлы правъ королевскихъ судовъ возросли непомѣрно, особенно при двухъ послѣднихъ Ягеллонахъ.

Хотя королевскій судъ всегда, независимо отъ своего мѣста и количества ассессоровъ, оставался королевскимъ судомъ, все же съ XVI-го вѣка большое значеніе пріобрѣли суды короля, отправляемые во время сеймовъ, въ которыхъ начинаетъ засѣдать, въ качествѣ ассессоровъ, цѣлый сенатъ, такъ что значительная часть дѣлъ, доселѣ попадавшихъ на судъ in curia, теперь идетъ на королевскій судъ въ сеймѣ, иначе въ сеймовый судъ (causae mere criminales, fisci, officii, а особенно—апелляціи). Сверхъ того, даже выработалась возможность апелляціи съ королевскаго суда въ судъ сеймовый. Но сеймы собирались не такъ часто, между тѣмъ какъ число дѣлъ постоянно росло, особенно благодаря той свободѣ апелляцій, которая была усвоена польскимъ правомъ. Вскорѣ дошло до того, что тысячи дѣлъ оставались нерѣшенными. Этому старались помочь, отсылая (1540, 1553) нерѣшенныя дѣла на вѣча (ибо апеллировать къ королю можно было съ каждаго суда); а въ 1563 году были образованы на одинъ разъ суды ultimae instantiae (совершенно по образцу вѣчей), и въ эти суды, какъ въ суды послѣдней инстанціи, были направлены всѣ дѣла изъ королевскаго суда. Однако это не прекратило обремененія сеймовыхъ судовъ. Такому печальному положенію вещей могло помочь только учрежденіе короннаго Трибунала въ началѣ слѣдующаго періода, въ 1578 году.

Въ городахъ судебную власть исполняютъ суды нѣмецкаго права, по правилу находившіеся въ рукахъ „городскихъ лавъ“, особено по „спорнымъ дѣламъ“—и гражданскимъ и уголовнымъ. Но съ лавами нерѣдко конкуррируютъ городскіе Совѣты, которые, съ теченіемъ времени, забираютъ себѣ все бóльшій кругъ дѣлъ, въ особенности судебную власть по дѣламъ безспорнымъ. Въ XV вѣкѣ, на ряду съ обыкновенными „гайонными“ судами, которые въ опредѣленные сроки отправлялись лавами, и съ судами „по горячимъ слѣдамъ“, т. е. созываемыми въ случаѣ надобности, еще удерживаются „большіе гайонные суды“, отправляемые обыкновенно трижды въ годъ, часто при участіи владѣльца города или его замѣстителя. Но они начинаютъ исчезать уже въ XVI вѣкѣ. Въ компетенцію этихъ судовъ входили—кромѣ дѣлъ, поступавшихъ въ обычные суды — особенно болѣе важныя дѣла. Городскіе суды, лавы или Совѣты, въ случаѣ неясности права, обращались „къ высшимъ судамъ нѣмецкаго права“. Планъ Казиміра Великаго создать особый высшій Краковскій судъ, къ качествѣ единаго суда такого рода, не удался—и, такимъ образомъ, уже въ XIV вѣкѣ, какъ еще и въ слѣдующемъ столѣтіи, въ Малой Польшѣ и на Руси (въ великопольскихъ областяхъ такихъ судовъ нѣтъ) возникаютъ многочисленные высшіе суды нѣмецкаго права, которые давали юридическіе совѣты (ортыли) городскимъ судамъ и event. (послѣ установленія апелляціи въ XV вѣкѣ) рѣшали, во второй инстанціи, вносимыя въ нихъ дѣла. Значеніе такихъ высшихъ судовъ получили суды нѣкоторыхъ большихъ городовъ. Но на эти высшіе суды, event. на „ортыли“ городскихъ Совѣтовъ, можно было апеллировать еще къ Краковскому суду и, наконецъ, на этотъ судъ—къ суду шести городовъ въ Краковскомъ замкѣ. Однако всѣ эти суды уже въ XVI вѣкѣ начинаютъ терять свое значеніе, нѣкоторые исчезаютъ уже въ теченіе этого періода, потому что владѣльцы городовъ начинаютъ направлять апелляціи въ свои придворные суды, въ королевскихъ же городахъ апелляціи все чаще направляются къ старостамъ (въ мелкихъ городахъ) или же (въ болѣе значительныхъ)—въ королевскіе суды.

Судебное устройство въ деревняхъ зависитъ отъ того, польское или нѣмецкое право имѣетъ деревня. Въ деревняхъ на польскомъ правѣ единственнымъ судомъ продол-

жалъ быть судъ владѣльца деревни, т. е. судъ патримоніальный. Въ локаціонныхъ деревняхъ остались, въ качествѣ нормальныхъ судовъ, деревенскія лавы и большіе гайонные суды, какъ осталось и нѣмецкое право. Въ волошскихъ деревняхъ судитъ „князь", на основаніи обычнаго волошскаго права. Однако, по мѣрѣ выкупа солтысствъ, владѣлецъ деревни начинаетъ оказывать на эти суды все болѣе сильное вліяніе. Апелляціи, направляемыя деревнями въ высшіе суды, уже въ XV вѣкѣ довольно рѣдки, въ XVI же в.—совершенно исчезаютъ; ихъ замѣняетъ апелляція къ суду владѣльца деревни.

Городскіе войты и деревенскіе солтысы по дѣламъ, возникавшимъ изъ отношеній солтысства, по прежнему подлежали ленным судамъ нѣмецкаго права, состоявшимъ обыкновенно изъ семи солтысовъ. Такихъ судовъ возникаетъ довольно много; нерѣдко—хотя и не всегда—ленный судъ одновременно былъ и судомъ высшимъ. Ленные суды, часто неправильно называвшіеся „высшими", многочисленнѣе этихъ послѣднихъ и появляются точно такъ же только въ Малой Польшѣ и на Руси. Очевидно, по мѣрѣ выкупа солтысствъ, падаетъ и значеніе этихъ ленныхъ судовъ.

Однако, что касается нѣмецкаго права, которое примѣняется въ этихъ судахъ, то это не чистое нѣмецкое право. Оно представляетъ особый польскій типъ: польскія рукописи „саксонскаго" или „магдебургскаго права" значительно отличаются отъ нѣмецкихъ. Возникаютъ и особые сборники ортылей, спеціально польско-нѣмецкихъ, и особая польская литература этого права. Въ XVI вѣкѣ Сигизмундъ I даже стремится къ кодификаціи этого права; однако она не осуществилась.—Особые суды имѣютъ и армяне въ нѣкоторыхъ городахъ на Руси. Эти суды дѣйствуютъ по обычному армянскому праву; въ 1519 г. Сигизмундъ I утвердилъ сборникъ армянскаго права, основанный на старыхъ армянскихъ законахъ и записяхъ обычаевъ,—и съ тѣхъ поръ это право является основой армянскихъ судовъ.

Евреи тоже остались при своихъ особыхъ судахъ. Дѣла между евреями, особенно мелкія, рѣшались еврейскими судами (дайановъ). Болѣе значительныя дѣла между евреями, а также иски христіанъ къ евреямъ шли въ судъ подвоеводы, какъ замѣстителя воеводы, вмѣстѣ съ которымъ обыкно-

венно засѣдали еврейскій судья (христіанинъ) и еврейскій писарь. Самыя важныя дѣла, равно какъ и апелляціи, рѣшалъ самъ воевода, время отъ времени являвшійся въ эти суды. Но въ „приватныхъ" и въ незначительныхъ королевскихъ городахъ евреи уже въ XVI вѣкѣ были подчинены суду владѣльца города (конституція 1539 г.), event. старосты.

Финансы. „Скарбъ" (казна) за этотъ періодъ принципіально остается еще еднымъ, хотя уже можно замѣтить начало его раздѣленія. Дѣйствительно, обыкновенные доходы продолжаютъ еще стекаться въ скарбъ, которымъ управляетъ коронный подскарбій, event. и придворный, какъ его замѣститель; но уже въ XV столѣтіи, въ случаѣ назначенія податей, завѣдываніе деньгами, поступающими отъ нихъ, иногда передается спеціально выбраннымъ „шафарямъ", которые обязаны выдавать ихъ только на опредѣленно указанныя цѣли. Въ началѣ правленія Сигизмунда I выдача средствъ на нужды двора выдѣляется и поручается исключительно придворному подскарбію, хотя сами средства идутъ еще изъ общаго скарба. При двухъ послѣднихъ Ягеллонахъ сеймы начинаютъ требовать „отчета" въ деньгахъ, собранныхъ отъ податей, и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы эти деньги шли только на государственныя цѣли. Наконецъ, въ 1563 г. былъ созданъ особый „скарбъ", такъ называемый, „равскій" (ибо хранился въ Равѣ), предназначенный спеціально на государственныя нужды. Слѣдовательно, это уже прогрессъ. Однако окончательное раздѣленіе скарба на государственный и на королевскій произошло только въ началѣ слѣдующаго періода.

Среди доходовъ, поступающихъ въ „скарбъ", слѣдуетъ различать обыкновенные и чрезвычайные. Источниками обыкновенныхъ доходовъ являются: 1) имѣнія, все еще очень обширныя, несмотря на то, что короли продолжаютъ раздавать ихъ. Эти имѣнія остаются подъ управленіемъ старостъ въ великопольскихъ и русскихъ областяхъ и краковскихъ „главныхъ управителей" въ Малой Польшѣ; управители или платятъ опредѣленный годовой чиншъ или держатъ эти имѣнія „ad fideles manus", „въ вѣрныхъ рукахъ" (относительно „главныхъ управленій" — wielkorządów—это—постоянное явленіе). Но короли нерѣдко закла-

дываютъ эти имѣнія за извѣстную сумму, и залогодатель имѣетъ право пользоваться доходами съ имѣнія вплоть до выкупа залога. Закладываются также и небольшія части имѣній, исключенныя изъ-подъ управленія старость, или „главныхъ управителей“, даже отдѣльныя деревни. Такія же небольшія части имѣній короли отдаютъ въ аренду, очевидно, за низкій чиншъ, или же жалуютъ ихъ въ такъ называемое „голое пожизненное владѣніе“ (dożywocia gołe), т. е. безъ чинша, какъ вознагражденіе за заслуги (panis bene merentium). Болѣе значительные земельные комплексы носятъ названіе „тенутъ“ или „негродскихъ староствъ“. Благодаря щедрой раздачѣ земель, доходы короля изъ этого источника значительно уменьшились. Уже въ XV вѣкѣ короли, подъ давленіемъ, обязываются не отдавать въ залогъ извѣстныхъ имѣній (напримѣръ, въ сандомірской землѣ, „главныхъ управленій“). Однако, только въ 1496 и 1504 гг. было постановлено, что король безъ согласія сейма, event. сената (интерпретація потомъ была различна), не въ правѣ закладывать имѣнія. Когда же короли не хотѣли сообразоваться съ этимъ, то шляхта начала вводить въ свою политическую программу такъ называемой „экзекуціи правъ“, выставленную ею при Сигизмундѣ-Августѣ, и пунктъ объ „экзекуціи имѣній“, т. е. о возвращеніи скарбу имѣній, неправильно находившихся въ рукахъ держателей; шляхта осуществила свою програму, хотя и не вполнѣ, на сеймѣ 1563 г. и послѣдующихъ лѣтъ; 2) Соляныя копи („жупы“), краковскія (велицкія и бохеньскія) и русскія; 3) Таможенныя пошлины и мыта, сборъ которыхъ значительно усовершенствовался. Сюда относятся и таможенныя пошлины изъ Гданска (Данцига) и Эльблонга (Эльбинга), носящія названіе „фундцоля“; 4) Лановая подать, т. е. два гроша съ лана, которые платятъ: шляхта, примѣнительно къ Кошицкой привиллегіи 1374 г., и духовенство со своихъ имѣній, въ нѣсколько бо̀льшемъ размѣрѣ; 5) Олькушская „ольбора“ („olbora“—urbur),—сборъ 1/10 олова и серебра изъ этихъ рудниковъ, разработкой которыхъ занимались „гварки“; 6) Подводная подать, уплачиваемая съ 1564 г. королевскими городами вмѣсто доставки подводъ для королевскихъ посланцевъ; 7) Постойная подать (stacyjne), уплачиваемая нѣкоторыми монастырями, затѣмъ городами и евреями, вмѣсто „стацій“ (постоя), т. е. содержанія короля въ пути.

Къ обыкновеннымъ же доходамъ, но поступавшимъ въ „скарбъ“ только время отъ времени, причислялись также и: 8) коронаціонный налогъ, выплачиваемый королевскими городами, въ случаѣ коронованія короля и королевы; 9) Доходъ отъ чеканки монеты, если ее чеканили; 10) „аннаты“ и другого рода платежи, идущіе въ пользу папъ, которые иногда передавали ихъ въ королевскій скарбъ.

Чрезвычайными доходами являлись подати. Привиллегіи обезпечили шляхтѣ свободу отъ податей. Слѣдовательно, когда король не могъ изъ своихъ доходовъ покрыть чрезвычайные расходы, особенно въ случаѣ войны, иногда же—и выкупа земель (напримѣръ Добжиньской земли въ 1404 г.), тогда онъ долженъ былъ обращаться къ сословіямъ, чтобы они сами обложили себя податью, отказались отъ своей привиллегированной свободы. Слѣдовательно, это не постоянный, а единовременный доходъ, требующій каждый разъ особаго согласія сословій, а позднѣе—постановленія сейма. Появившись въ началѣ XV вѣка, эти подати все учащаются, за нѣкоторые періоды становятся почти ежегодными. Это:—1) „Поборъ“ (pobór)—въ сущности, „лановая подать“, но собираемая въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ. Его платятъ поланно, въ XV вѣкѣ обыкновенно по 12 грошей съ лана; но высота обложенія все возрастаетъ и въ концѣ періода доходитъ до 30 грошей, т. е. до одного „злотаго“ съ лана. Эту подать платятъ только крестьянскіе ланы, фольварки же свободны отъ нея. „Поборъ“ взимался еще съ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ, лѣсопиленъ, сукноваленъ и т. д., позднѣе платятъ его и „загродники“ и „коморники“. 2) „Шосъ“ (szos). Первоначально это была городская подать, уплачиваемая горожанами, въ пользу городовъ, съ домовъ, движимаго имущества и ремеселъ. Въ случаѣ назначенія „побора“ со шляхты, города первоначально платили обыкновенно какую-нибудь валовую сумму. Но уже въ первой половинѣ XV вѣка государство начинаетъ, въ случаѣ „побора“, взимать съ городовъ, вмѣсто валовой суммы, этотъ самый „шосъ“. Такимъ образомъ „шосъ“ изъ городского налога превратился въ государственный налогъ съ городовъ. Въ XV вѣкѣ установилось и соотвѣтствующее отношеніе высоты „побора“ и „шоса“. 3) „Циза“ (акцизъ) или „чоповое“ (czopowe, питейный сборъ). Это косвенный

налогъ на потребленіе напитковъ (пива, вина, меда, а позднѣе—водки). Онъ появляется во второй половинѣ XV вѣка, кажется, по примѣру Пруссіи, и устанавливается обыкновенно одновременно съ „поборомъ“. Въ исключительныхъ случаяхъ появляются, въ качествѣ податей: 4) часть чиншей, напримѣръ, четверть, уплачиваемая шляхтой, и 5) поголовная подать (pogłówne), установленная только однажды, въ 1520 г., по извѣстной таксѣ, со всего населенія государства. Духовенство, въ случаѣ установленія „побора“, обыкновенно даетъ извѣстную валовую сумму, какъ добровольное пособіе, называемое 6) subsidium charitativum.

Слѣдовательно, приведенныя подати имѣютъ уже характеръ государственныхъ доходовъ. Но онѣ устанавливаются только время отъ времени. Постояннымъ доходомъ государственнаго характера является только 7) „кварта“ (kwarta), установленная и введенная сеймомъ 1562—3 гг.; такъ звали часть доходовъ, именно пятую, выплачиваемую теперь въ пользу государства всѣми, кто держатъ королевскія имѣнія, или въ качествѣ староства или аренды или „голаго пожизненнаго владѣнія“.

Что касается расходовъ, то король обязанъ былъ покрывать всякія нужды. Главной статьей расхода первоначально является содержаніе двора. Но уже въ XV вѣкѣ появляются наемныя войска. Король долженъ былъ нести расходы на содержаніе небольшого числа солдатъ (жолнеры), необходимыхъ особенно для защиты восточныхъ границъ; это такъ называемая (въ XVI вѣкѣ) „поточная оборона“. Только въ случаѣ войны являются на помощь и подати. Спеціально для „поточной обороны“ была назначена съ 1563 г. „кварта“. Сверхъ того, изъ „скарба“ король покрываетъ и расходы на своихъ пословъ, отправляемыхъ за границу, и на иностранныхъ пословъ, прибывающихъ въ Польшу, на суточное довольствіе (dyety) сеймовыхъ „пословъ“ со времени образованія „посольской избы“, и особенно расходы на многочисленные подарки тѣмъ, кто оказалъ услугу государству или королю. За то администрація государства почти ничего не стоитъ, такъ какъ чиновники получаютъ жалованье преимущественно въ видѣ земельныхъ имуществъ, связанныхъ съ должностью; лишь очень немногіе получаютъ денежное вознагражденіе. О школахъ заботится

церковь, event. на нихъ идутъ особыя пожертвованія („фундаціи“).

Войско. Основой военной службы является „посполитое рушеніе“, въ такомъ видѣ, въ какомъ оно выработалось ранѣе. Слѣдовательно, оно обязательно для всей шляхты, владѣющей землей. Безземельные шляхтичи не привлекались къ службѣ. Размѣръ службы зависѣлъ отъ величины имущества; въ XV вѣкѣ особыя комиссіи провѣряютъ предъ войной, съ достаточной ли свитой и въ соотвѣтствующемъ ли вооруженіи является на службу обязанный къ ней шляхтичъ. Духовные (частные землевладѣльцы), больные, женщины и дѣти поставляли замѣстителей. Города, въ случаѣ „посполитаго рушенья“, были обязаны доставлять такъ называемые „военные воза“, снабженные нужными предметами, особенно провіантомъ. Кромѣ того, въ „посполитое рушенье“ призывались солтысы изъ локаціонныхъ, по-нѣмецкому праву, деревень. Иногда передъ войной издавались особыя „ординаціи“ посполитаго рушенья, точно опредѣляющія обязанности, связанныя съ нимъ, порядокъ его и т. д. Эти „ординаціи“ имѣли значеніе только на одинъ разъ. Въ этотъ періодъ только уже одинъ король могъ созвать „посполитое рушенье“. Онъ созывалъ его грамотами, такъ называемыми „вицами“. Уже въ XV вѣкѣ появляется и устанавливается обычай издавать тройные вицы, въ томъ смыслѣ, что „посполитое рушенье“ отправляется въ походъ только послѣ третьихъ вицей. Каштеляны и воеводы вели его изъ воеводствъ въ указанный королемъ сборный пунктъ, гдѣ происходило „построеніе“ („szykowanie“). Шляхта во время похода оставалась подъ хоругвями соотвѣтствующихъ воеводствъ. При Ягеллѣ еще держатся появляющіеся уже при Казимірѣ Великомъ особые родовые отряды (бандеріи), состоящіе изъ шляхтичей одного и того же рода. Кажется, это—было только временнымъ подражаніемъ венгерской бандеріальной системѣ. Наказаніе за неявку въ походъ состояло въ конфискаціи имѣнія. Съ XV вѣка король поступаетъ такимъ образомъ, что даритъ имѣніе неявившагося въ походъ шляхтича доносчику, который потомъ, путемъ процесса въ спеціально для этого назначенномъ королемъ судѣ, добивался передачи ему имѣнія виновнаго.

Въ предѣлахъ страны каждый шляхтичъ обязанъ служить на свой счетъ; однако король со времени привиллегіи 1386 г. вознаграждаетъ его за понесенный ущербъ, особенно въ лошадяхъ, равно какъ и выкупаетъ плѣнныхъ. Въ случаѣ заграничнаго похода, король обязанъ — кромѣ вознагражденія всѣхъ расходовъ — еще платить шляхтѣ жалованье (żołd), съ 1425 г. въ размѣрѣ пяти гривенъ на „копье“. То же вознагражденіе гарантируютъ шляхтѣ и позднѣйшія привиллегіи: пока оно не будетъ выплачено, шляхта не обязана переходить границы государства. Слѣдовательно, право короля требовать военной службы было съ тѣхъ поръ стѣснено въ указанномъ смыслѣ. Чтó касается продолжительности похода, то теперь не было введено никакихъ точныхъ нормъ.

„Посполитое рушенье“ начинаетъ падать уже въ XV вѣкѣ. Перемѣнился способъ веденія войны, мѣсто конницы всюду начинаетъ занимать пѣхота; перемѣнилась военная тактика, войны тянутся цѣлые годы. Очевидно, въ такихъ условіяхъ „посполитое рушенье“ было непригодно для войны,— и потому его собираютъ все рѣже. Вслѣдствіе этого шляхта отвыкаетъ отъ войны. Чтобы поддержать ея боевую готовность, въ XVI вѣкѣ не разъ производили „люстраціи“, т. е. смотры обязанныхъ къ „посполитому рушенью“, а конституціи 1563 и 1564 гг. установили постоянные періодическіе смотры, или такъ называемую „явку“ („okazowanie“), чтò, впрочемъ, не особенно удавалось. Вслѣдствіе „скупки“ солтысствъ, въ XVI вѣкѣ изъ „посполитаго рушенья“ исчезаютъ солтысы, которые представляли хорошій боевой матеріалъ.

Между тѣмъ центръ тяжести военной силы переходитъ къ наемнымъ войскамъ. Они появляются въ Польшѣ въ началѣ XV вѣка, и съ тѣхъ поръ войны все чаще и чаще ведутся съ помощью такихъ войскъ. Сначала наемные отряды вводились только въ случаѣ надобности, только на время войны. Но уже при Казимірѣ Ягеллончикѣ стало очевиднымъ, что необходимо постоянно содержать хотя небольшую вооруженную силу, особенно для прикрытія восточныхъ границъ государства. Появляются и проекты организаціи такого постояннаго войска, вмѣстѣ съ мыслью о введеніи постоянныхъ податей на войско. Однако эти проекты не

осуществились. Въ началѣ правленія Сигизмунда I снова встрѣчаются еще болѣе широкіе проекты — раздѣлить государство на нѣсколько округовъ, съ тѣмъ, чтобы эти округа поочередно каждый годъ несли сторожевую службу на восточной границѣ. Но и эти проекты пропали, и только небольшіе постоянные отряды содержатся на Руси королемъ на свой собственный счетъ. Это — такъ называемая въ XVI в. „поточная оборона“. Сеймъ 1562—1563 года только отчасти разрѣшилъ вопросъ о постоянномъ войскѣ, назначивъ установленную тогда „кварту“ исключительно на содержаніе этого войска. Отсюда происходитъ и названіе этой постоянной вооруженной силы, содержимой на указанныя средства,— „квартовое (kwarciane) войско“.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Люблинскій сеймъ 1569 года на долгое время опредѣлилъ строй государства, особенно взаимоотношеніе его составныхъ частей. Безкоролевье послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ помогло шляхтѣ окончательно уничтожить уже ранѣе сильно поколебленное равновѣсіе сословій, перетянуть чашку вѣсовъ на свою сторону, чтобы окончательно стѣснить и связать королевскую власть, съ которой она уже издавна вела побѣдоносную войну за свои права и привиллегіи. Періодъ, начинающійся этими датами,— періодъ перевѣса одного класса, періодъ шляхетской „Речи Посполитой". Характерная его черта — застой въ развитіи. Польша нормально развивалась изъ элементовъ средневѣкового строя, нормальнѣе, чѣмъ государства Западной Европы, гдѣ въ XVI в. наступаетъ эпоха абсолютизма, когда государственная власть, измѣняя направленіе прежняго развитія, подчиняетъ себѣ общество съ его правами. Періодъ абсолютизма составляетъ для этихъ государствъ переходную эпоху, которая, въ концѣ концовъ, черезъ нѣсколько столѣтій, приводитъ вновь къ признанію правъ общества, къ объединенію дѣятельности государей и народовъ въ конституціонныхъ монархіяхъ. Въ Польшѣ не было этого періода, хотя онъ и могъ быть. Но, въ дѣйствительности, Польша пришла къ тѣмъ же самымъ результатамъ, только другимъ путемъ, именно, далѣе развивая права общества. Однако это развитіе было одностороннимъ, шло въ пользу одного сословія, шляхетскаго,—вмѣсто абсолютизма у поляковъ нарождается всевластіе шляхты. Особенно вреднымъ оказалось не столько

Характеристика періода. Застой.

направленіе этого развитія, бывшее результатомъ самихъ условій развитія, сколько чрезмѣрная длительность этого періода. Польша только въ началѣ періода обнаруживаетъ способность къ созданію новыхъ формъ жизни. Но вскорѣ этой способности уже нѣтъ. Польша до половины XVII вѣка живетъ—и можетъ жить—въ тѣхъ рамкахъ, которыя созданы ею еще за предшествующія столѣтія. Но со второй половины XVII вѣка эти формы мертвѣютъ, становятся неспособными поддерживать жизнь. Нужны были реформы, нужно было переработать строй, толкнуть его впередъ. Въ другихъ мѣстахъ эту роль исполняетъ абсолютная монархія. Въ Польшѣ монархъ не имѣлъ силъ на это, да и не могъ имѣть ихъ, такъ какъ былъ почти совсѣмъ лишенъ власти. Реформы должно было осуществлять само общество, вѣрнѣе—шляхта, ибо въ ея рукахъ была власть, кормило государства. Но шляхта не могла сдѣлать этого. Общій упадокъ, упадокъ науки и мысли, отсутствіе пониманія нуждъ государства — вотъ причины той летаргіи, въ которой Польша пребываетъ вплоть до 1764 г., когда, наконецъ, появились первые предвѣстники новаго періода. Настоящій же періодъ безплоденъ: нѣтъ новыхъ учрежденій, новыхъ формъ—совершается только переработка того наслѣдства, которое осталось отъ прошлаго, наслѣдства богатаго, но недостаточнаго для того, чтобы общество и государство могли жить имъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ. Польша, до сихъ поръ въ своемъ строѣ шедшая вровень съ государствами Западной Европы, культурно болѣе ея старыми, теперь начинаетъ опаздывать, перестаетъ идти впередъ и, слѣдовательно, идетъ назадъ сравнительно съ ними. Разстояніе между ними еще увеличивается, пропасть становится глубже.

Шляхта. Шляхетское сословіе осталось замкнутымъ въ себѣ, ревнивымъ къ своимъ привиллегіямъ. Доступъ въ нее сталъ еще труднѣе. Конституція 1578 г. ограничила короля въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ нобилитировать только на сеймѣ или на войнѣ; съ 1601 года шляхетство должно быть „объяснено“ конституціей: это значитъ, что съ тѣхъ поръ для нобилитаціи необходимо постановленіе сейма. Затруднено было и признаніе индигената; съ 1641 г. и онъ зависитъ отъ постановленія сейма. Въ XVII вѣкѣ выраба-

тывается—путемъ обычая—новое понятіе о томъ, что „нобилитированные“ получаютъ только такъ называемый „скартабеллятъ“, какъ бы полушляхетство, которое не давало имъ нѣкоторыхъ правъ, напримѣръ, доступа къ должностямъ, такъ что лишь потомки ихъ въ третьемъ поколѣніи уравнивались въ правахъ съ остальной шляхтой. Зато шляхта строго блюдетъ за сохраненіемъ шляхетскаго равенства, т. е. чтобы никто не поднимался надъ уровнемъ съ помощью какихъ-нибудь высшихъ титуловъ. Употреблявшіеся въ Польшѣ титулы — либо литовскіе титулы князей — или по западно-европейской номенклатурѣ, принцевъ,—которыми пользовались фамиліи, выводившія себя отъ мелкихъ царствующихъ данастовъ, столь многочисленныхъ нѣкогда на Литвѣ и Руси, либо западные титулы графовъ и князей, съ XVI вѣка пожалованные нѣсколькимъ семьямъ императорами и папами. Право не занималось этимъ вопросомъ. Только конституція 1638 г., а за ней и другія (1641, 1673 гг.) запретили кому-либо принимать и употреблять всякіе титулы, за исключеніемъ тѣхъ семей, титулы которыхъ находились въ актахъ Люблинской уніи. Несмотря на эти распоряженія, польскіе короли не были лишены права раздавать титулы. Начиная уже съ Баторія (одинъ случай), особенно же часто со 2-ой половины XVII вѣка, короли жалуютъ графство и баронство; но они жаловали эти титулы только иностраннымъ фаміліямъ, а именно: итальянскимъ, французскимъ, венгерскимъ и т. д., но никогда польскимъ. Наравнѣ съ титулами, въ 1638 году было запрещено носить и ордена, вслѣдствіе чего не осуществилось и установленіе ордена Непорочнаго Зачатія Божіей Матери, статуты котораго, посланные Владиславомъ IV въ Римъ, уже въ 1634 г. были утверждены папой Урбаномъ VIII. Однако, несмотря на эти запрещенія, въ эпоху сильнѣйшаго разстройства Польши, въ 1705 году, Августъ II установилъ первый польскій орденъ Бѣлаго Орла.

Польская шляхта очень серьезно защищала свои привиллегіи. Только одна она имѣетъ право владѣть землей. Въ теченіе этого періода неоднократно еще возобновляются распоряженія, воспрещающія мѣщанамъ владѣть земельными имуществами. Только за краковскими мѣщанами при-

знавалось, въ видѣ исключенія, право покупки имѣній; впослѣдствіи это право было распространено еще на нѣсколько болѣе крупныхъ городовъ—Львовъ, Вильну и Люблинъ (1658, 1678, 1703 гг.). Право земельной собственности было расширено: въ такъ называемыхъ „генриховскихъ артикулахъ" (1573 г.) было отмѣнено сохранившееся еще со средневѣковья право короля на металлы, соль и сѣру, и добыча ихъ была передана владѣльцу земли. Домъ шляхтича не подвергается обыску, хотя бы въ немъ укрывался даже „баннитъ" (1588 г.). Вполнѣ удержался и принципъ „Neminem captivabimus". Земли подъ фольварками были свободны отъ всякой подати, и только ланы кметей платятъ ее. Шляхта свободна и отъ военнаго постоя („стація"). Полнотой шляхетскихъ правъ пользуется только тотъ, кто владѣетъ землей, хотя бы и воздѣлывалъ ее собственноручно, какъ „хлопъ" („загродовая шляхта"). Безземельная шляхта, „шляхта — голота", не допускалась въ земскіе, исключительно дворянскіе, суды; въ теченіе этого періода не разъ пытались устранить „шляхту—голоту" отъ всѣхъ должностей, даже удалить изъ сеймиковъ. Шляхта не платитъ таможенныхъ пошлинъ, кромѣ случаевъ установленія такъ называемой „генеральной таможенной пошлины" (все-таки съ XVII вѣка эта пошлина устанавливается не разъ); пользуется правомъ получать для своихъ имѣній соль изъ соляныхъ копей и складовъ, по удешевленной цѣнѣ, и въ теченіе разсматриваемаго періода расширяетъ это свое право съ большимъ ущербомъ для доходовъ короля отъ соляныхъ копей („жупъ"). Обязанности шляхты относительно государства исчерпывались уплатой лановой подати (2 гроша съ лана), фактически падавшей на хлоповъ, и службой въ „посполитомъ рушеніи", собственно не имѣвшей уже въ этомъ періодѣ никакого значенія.

Однако хуже этихъ чрезмѣрно-обширныхъ привиллегій были измѣненія, происшедшія за этотъ періодъ въ соціальномъ формированіи шляхты. Между тѣмъ какъ еще при Ягеллонахъ преобладаетъ шляхта, владѣющая одной или нѣсколькими деревнями, теперь, особенно послѣ присоединенія, съ помощью уніи, обширныхъ русскихъ земель, начинаютъ возникать „латифундіи", все сильнѣе начинаютъ властвовать, особенно на Литвѣ и Украйнѣ, великіе роды,

подчиняющіе своему вліянію толпы все болѣе многочисленной беземельной шляхты. Въ предыдущую эпоху не было такихъ „королевятъ".

Духовенство.

Духовенство, подобно шляхтѣ, удерживаетъ свое прежнее привиллегированное положеніе. Король проявляетъ свое вліяніе, благодаря только тому, что въ его рукахъ остается назначеніе епископовъ и аббатовъ. Право короля назначать епископовъ призналъ и папа Сикстъ V въ своей буллѣ 1589 г. Что касается назначенія („номинаціи") аббатовъ, то въ концѣ XVII-го вѣка возникли споры, прекращенные только конкордатомъ съ Римомъ (1736 г.), по которому за королемъ было признано право назначать 12 аббатовъ и одного пробоща. Духовенство, по прежнему, связано тѣсными узами со шляхтой, благодаря сохранившимъ свою полную обязательную силу постановленіямъ предшествующаго періода о замѣщеніи важнѣйшихъ должностей, особенно капитульныхъ и аббатствъ, только шляхтичами. Однако возникали и частые споры между обоими сословіями. Судебная власть церкви, столь ограниченная въ концѣ предыдущаго періода, иногда давала еще поводъ къ жалобамъ. Конституціи еще не разъ высказываются противъ привлеченія мірскихъ дѣлъ къ церковнымъ судамъ. Но шляхту задѣвало особенно то, что по духовнымъ дѣламъ апелляціи все еще направлялись въ Римъ. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ, вмѣстѣ съ другими спорными дѣлами, конкордатомъ съ Римомъ, подтвержденнымъ буллой Урбана VIII 1634 г. и конституціей 1635 г. Апелляціи въ Римъ были отмѣнены, и высшей судебной инстанціей по дѣламъ этого рода сталъ папскій нунцій въ Варшавѣ. Главнымъ же образомъ шляхта стремилась ограничить церковь въ расширеніи ея владѣній въ ущербъ шляхтѣ. Соглашеніе 1634 и 1635 гг. касалось и этихъ вопросовъ. Была ограничена возможность основывать новые монастыри, воспрещено было завѣщать въ пользу церкви недвижимость, а отчасти и движимость. Опредѣленъ 7°/o чиншъ съ суммъ, которыя жертвовались церкви подъ обезпеченіе имѣній (такъ называемые wyderkafy) и т. д. Такимъ путемъ споры были смягчены, и проведено, хотя отчасти, такъ называемое „соглашеніе между сословіями" (compositio inter status). Однако и позже эти вопросы нерѣдко

еще даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ, и конституціи (1669, 1676 и послѣд. гг.) не разъ еще занимаются ими.

ссиден-
і.

Если католическая церковь и въ теченіе этого періода удержала свое привиллегированное, хотя нѣсколько и ограниченное, положеніе въ государствѣ, то относительно другихъ вѣроисповѣданій государство — по крайней мѣрѣ, въ первое время—стало въ другое правовое положеніе, чѣмъ при Ягеллонахъ. Во время перваго безкоролевья, въ такъ называемой „варшавской конфедераціи 1573 г.“, было, наконецъ, юридически признано доселѣ только фактическое равноправіе всѣхъ иновѣрцевъ (dissidentes de religione). Съ тѣхъ поръ христіанъ-некатоликовъ стали неточно называть „диссидентами“, включая въ это понятіе какъ протестантовъ, такъ и членовъ греко-восточной церкви, которые уже и ранѣе получили равноправіе. Несмотря на сопротивленіе клира, Генрихъ Валуа подтвердилъ эту конфедерацію присягой, подтверждали ее присягой и послѣдующіе государи. Съ тѣхъ поръ иновѣрцы юридически пользуются такою же свободой вѣроисповѣданія, какъ и католики, хотя они и не получили привиллегированнаго положенія католической церкви. Въ сенатъ не были допущены не только греко-восточные епископы, но и епископы-уніаты, послѣ заключенія такъ называемой „Брестской уніи“ (1595 г.). Однако на практикѣ осуществленіе принциповъ варшавской конфедераціи встрѣчало значительныя препятствія, и конституціи при Сигизмундѣ III неоднократно — обыкновенно безрезультатно — уполномочивали на исполненіе ея предписаній. Въ XVIII вѣкѣ начинаютъ постепенно — путемъ практики— ограничивать права диссидентовъ, устраняя ихъ отъ должностей, главнымъ образомъ изъ сената. Въ 1632 г. диссиденты были ограничены и законодательнымъ путемъ, именно въ видѣ воспрещенія строить новые молитвенные дома въ королевскихъ городахъ. А въ 1658 г. даже были изгнаны изъ Польши аріане, которыхъ не признали подходящими подъ понятіе диссидентовъ. Когда въ теченіе XVII вѣка фактически было отнято у диссидентовъ то равноправіе, какое было дано имъ варшавской конфедераціей, тогда потомъ было уже нетрудно утвердить это и юридически. Конституція 1717 года ограничила публичность богослуженія диссидентовъ, вообще запретила имъ строитъ новые молитвенные

дома, а въ 1733 г. конфедерація во время безкоролевья, потомъ подтвержденная сеймомъ 1736 года, лишила диссидентовъ права быть „послами“ сейма и депутатами Трибуналовъ и вообще занимать какія-либо должности. Эти распоряженія касались какъ немногочисленныхъ уже тогда протестантовъ, такъ и болѣе многочисленныхъ дизунитовъ (православныхъ).

Города. Въ городахъ продолжаютъ править Совѣты и лавы, въ важнѣйшихъ дѣлахъ — при участіи представителей „поспольства“, появляющихся все въ бóльшемъ и бóльшемъ числѣ городовъ. Но положеніе городовъ все ухудшается. Причины этого явленія, указанныя ранѣе, существовавшія уже въ XVI столѣтіи, все-таки при двухъ послѣднихъ Ягеллонахъ еще не выступали слишкомъ ясно, а сильное еще экономическое развитіе страны и благосостояніе, обусловленное экспортомъ хлѣба, повели къ тому, что города и не почувствовали, какъ исчезала та почва, на которой опиралось ихъ существованіе, а въ теченіе нѣкотораго времени — даже ихъ блескъ. Но причины эти продолжаютъ дѣйствовать. Все сильнѣе увеличивается разстройство внутренней организаціи, требовавшей рѣшительной реформы. Между тѣмъ города, вмѣсто проведенія реформы, стараются бороться со зломъ, относясь все нетерпимѣе и исключительнѣе къ чужимъ элементамъ, ведя борьбу съ евреями и т. д., т. е. усматривая причины упадка или въ совершенно постороннихъ обстоятельствахъ, или въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя сами были слѣдствіемъ уже указанныхъ болѣе глубокихъ причинъ упадка. Торговля переходитъ въ руки шляхты, которая теперь уже сама, непосредственно, вывозитъ свой скотъ, золу, хлѣбъ и т. д., и въ руки гданскихъ купцовъ, которые, пользуясь направленіемъ главныхъ торговыхъ путей къ устьямъ Вислы, эксплоатируютъ свое выгодное положеніе. Такъ какъ отъ транзитной торговли остались лишь слабые слѣды, то торговля польскихъ городовъ ограничивается посредничествомъ въ привозѣ товаровъ изъ-за границы, при необходимости соперничества особенно съ Гданскомъ. Отсутствіе охранительныхъ пошлинъ убиваетъ цеховую промышленность, иностранные товары заливаютъ рынки, цехи падаютъ все сильнѣе. Не могло уже помочь городамъ и возобновленіе распоряженій о „правѣ склада“ (конституціи 1609, 1611, 1629 гг.), старающихся воскресить уже мертвыя, несоотвѣтствующія

эпохѣ учрежденія. Всѣ эти причины, дѣйствуя сообща, имѣли особенное значеніе для большихъ городовъ. Но сильно падаютъ и небольшіе города, разсчитанные на небольшой мѣстный рынокъ. До сихъ поръ основой ихъ существованія была экономическая связь, соединявшая ихъ съ окрестными деревнями. Мало того, что на нихъ неблагопріятно дѣйствуютъ вліянія, указанныя выше; въ теченіе этого періода и деревня начинаетъ все сильнѣе замыкаться въ самой себѣ, а узы, связывающія ее съ ближайшимъ рынкомъ, разрываются. Въ деревняхъ начинаетъ появляться деревенская промышленность, конкуррирующая съ городскими цехами, появляются все въ бо̀льшемъ количествѣ винокурни, до сихъ поръ, главнымъ образомъ, находившіяся только въ городахъ; владѣлецъ деревни, пользуясь своей властью, начинаетъ становиться посредникомъ въ куплѣ-продажѣ товаровъ своей деревни; появляется еврей-корчмарь въ качествѣ другого посредника въ торговлѣ. Мѣстечко становится все менѣе нужнымъ для населенія. Горожане видятъ спасеніе въ изгнаніи евреевъ, въ увеличеніи числа ярмарокъ и базаровъ, какъ будто это могло устранить зло, увеличить сбытъ товаровъ и т. д. Формы ошибочно принимались за содержаніе; но онѣ не могли замѣнить это содержаніе.

Внутренняя слабость дѣлаетъ невозможной для городовъ и самозащиту противъ внѣшнихъ факторовъ, которые все болѣе стѣсняютъ ихъ. Владѣльцы „приватныхъ" городовъ, часто уже съ самаго начала имѣвшіе здѣсь широкія права, теперь распоряжаются въ городахъ такъ же, какъ въ своихъ деревняхъ: замѣщаютъ должности, издаютъ общеобязательныя постановленія, рѣшаютъ апелляціи и т. д. Автономія и самоуправленіе „приватныхъ" мѣстечекъ почти совершенно исчезаютъ, становятся формой безъ всякаго значенія. То же самое произошло и въ королевскихъ городахъ. Уже конституція 1565 г. постановила, что города обязаны отдавать старостѣ отчетъ въ своихъ доходахъ. Цѣль конституціи была правильна: контроль надъ финансами городовъ былъ нуженъ. Но эта конституція, неоднократно (въ 1566, 1567, 1620 и 1631 гг.) возобновляемая, проведенная въ жизнь, несмотря на сопротивленіе городовъ, въ концѣ концовъ повела къ тому, что всѣ города, за исключеніемъ самыхъ крупныхъ, попали въ зависимость отъ старостъ, которые

воспользовались ею своекорыстно совершенно не заботясь объ интересахъ города и государства. Обостряется и вліяніе воеводскихъ прейскурантовъ. По принципу, ихъ издаютъ воеводы. Только нѣсколько разъ въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣка сеймы издаютъ общіе прейскуранты. Въ 1593 и 1611 гг. сеймы установили таксу на вино, въ 1620 г.—общую таксу на заграничные товары, а въ 1621, 1623, 1627, 1633, 1643 и 1667 гг. были избраны особыя комиссіи, которымъ было поручено установить цѣны, но только для товаровъ, привозимыхъ въ Польшу. Не всѣ эти комиссіи исполнили свою задачу, а комиссія 1643 г., вмѣсто прейскуранта, приняла только общее правило — совершенно ошибочное и, конечно, вовсе не соблюдавшееся на практикѣ — что купецъ-полякъ можетъ брать съ товаровъ 7% прибыли, иностранный — 5%, а еврей — 3%. Но если значеніе этихъ комиссій, повидимому, было и невелико, то зато воеводскіе прейскуранты все учащаются: навязываемые властью, недостаточно знакомой съ условіями рынка, дѣйствующей въ интересѣ одной только стороны, т. е. шляхты, противъ лишенныхъ оборонительной силы горожанъ, эти прейскуранты точно также должны были оказаться очень неблагопріятными для промышленности и торговли.

Въ то время, какъ всѣ эти внѣшніе факторы — владѣлецъ города, староста, воевода — подрывали свободу городовъ, особенно мелкихъ, и внутренній строй городовъ, особенно большихъ, разрушался такъ называемыми „юридиками“. Уже при Сигизмундѣ начали появляться королевскія привиллегіи въ пользу отдѣльныхъ поселившихся въ городахъ лицъ, освобождающія этихъ лицъ, дома и лично ихъ самихъ, отъ судебной и всякой вообще городской власти, подчиняющія ихъ земскимъ или гродскимъ судамъ. Города боролись противъ этого, особенно Краковъ, который даже добился отмѣны такихъ уже изданныхъ привиллегій. Можетъ быть, болѣе широкое, планомѣрное развитіе такихъ привиллегій соотвѣтствующимъ образомъ преобразовало бы городской строй. Но никакой системы здѣсь не было — и экземпціи такого рода вносили только разстройство въ городскія учрежденія. Такія привиллегіи встрѣчаются и позднѣе, обыкновенно сопровождаясь такъ называемымъ „серviторіатомъ“, т. е. зачисленіемъ даннаго лица на королев-

скую службу. Но, на ряду съ этимъ, шляхта все чаще покупаетъ себѣ дома въ крупныхъ городахъ — о нихъ теперь и идетъ рѣчь,—уклоняется отъ исполненія городскихъ распоряженій, основываясь на своихъ общихъ „вольностяхъ". Кромѣ того, особенно съ XVII в., шляхта, а часто и духовенство, устраиваютъ около городовъ небольшіе поселки городского типа, часто пользующіеся спеціальными королевскими привиллегіями. Такія территоріи, расположенныя въ предѣлахъ или около города, изъятыя изъ-подъ власти городскихъ учрежденій, и назывались „юридиками". Онѣ разстраивали, дезорганизовывали городской строй. Городскія распоряженія здѣсь были необязательны; владѣльцы „юридикъ", не несшіе городского тягла, не стѣсняемые городскими распоряженіями, приносили городамъ значительный вредъ, либо пользуясь своимъ правомъ „пропинаціи" (продажи питей) въ ущербъ городской пропинаціи, либо покровительствуя поселившимся въ „юридикѣ" ремесленникамъ, (часто называемымъ „штурарями", т. е. не имѣющимъ квалификаціи для полученія правъ членовъ цеховъ) и т. д. Это создавало очень вредную для городовъ конкурренцію, подрывало ихъ, и города, въ виду могущества шляхты, не имѣли достаточно силъ для борьбы съ этимъ зломъ, для устраненія „юридикъ". Вредное вліяніе „юридикъ" особенно ощущается такими большими городами, какъ Краковъ, Варшава и т. д., которые, добившись сравнительно бо́льшей силы, имѣя нѣсколько болѣе привиллегій, сумѣли — по крайней мѣрѣ отчасти — защищаться отъ тѣхъ внѣшнихъ вліяній, которыя тяготѣли надъ мелкими городами, особенно отъ власти старостъ.

Это одностороннее общественное развитіе Польши, это возвышеніе одного сословія, отсутствіе условій, которыя помогли бы развитію и усиленію городовъ, ведутъ къ тому, что начинаетъ вырабатываться сознаніе низшаго значенія городского сословія, признаніе его неблагороднымъ (болѣе „подлымъ") сословіемъ. Если, въ видахъ сохраненія различія между сословіями, шляхтѣ уже и ранѣе запрещалось отдаваться городскимъ занятіямъ, то въ теченіе этого періода появляются уже конституціи, которыя прямо гласятъ, что шляхтичъ, занимающійся городскими профессіями, даже занимающій городскія должности, теряетъ свое

шляхетство (конституціи 1633 и 1677 гг.). Тотъ же самый характеръ имѣютъ и конституціи противъ роскоши горожанъ, воспрещающія имъ носить дорогія одежды, мѣха и т. д. (1613, 1620, 1655, 1659, 1683 и 1764 гг.). Это—выраженіе презрѣнія къ сословію, за которымъ, въ виду его низкаго положенія, не признается даже права роскошно одѣваться.

Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что болѣе сильныя личности изъ среды горожанъ, особенно болѣе богатыя, старались, при такихъ условіяхъ, переходить въ шляхту, даже не всегда легальнымъ путемъ,—старались изгладить слѣды своего плебейскаго происхожденія. Но убыль этихъ, сравнительно болѣе сильныхъ, болѣе выработанныхъ элементовъ, очевидно, еще больше ослабляетъ города и ихъ значеніе. А притока новыхъ силъ не было: изъ шляхты переходили въ города развѣ только самые слабые элементы; точно также не могло быть сильнаго движенія въ города и изъ крестьянскаго населенія.

Всѣ эти факторы ведутъ къ тому, что города начинаютъ падать. Въ видѣ исключенія, нѣкоторые города, благодаря спеціальнымъ условіямъ, извѣстное время еще пользуются лучшимъ существованіемъ. Когда же въ половинѣ XVII в. начались политическія смуты, когда приблизительно въ то же время произошелъ неблагопріятный переворотъ и въ общихъ экономическихъ отношеніяхъ, тогда города все быстрѣе клонятся къ упадку, изъ котораго имъ удалось подняться уже не скоро.

«Хлопы» (крестьяне).

„Хлопы“ уже раньше были связаны оковами права. „Генриховскіе артикулы“ 1573 года утвердили полную власть господъ надъ крестьянскимъ населеніемъ, живущимъ въ ихъ имѣніяхъ. Однако, если въ предыдущій періодъ судьба крестьянъ, при значительныхъ правовыхъ ограниченіяхъ, вовсе не была еще такъ тяжела, ибо еще не было условій, которыя вынуждали бы шляхту вполнѣ использовать для своихъ цѣлей всѣ эти новыя узаконенія, то теперь, въ теченіе разсматриваемаго періода, положеніе крестьянъ все ухудшается, несмотря на то, что почти совсѣмъ уже не появляется никакихъ новыхъ постановленій, которыя ухудшали бы правовое ихъ положеніе. При Сигизмундѣ III и Владиславѣ IV очень сильно растетъ экспортъ хлѣба; въ половинѣ XVII вѣка онъ достигаетъ своего зенита, пре-

вышаетъ 100,000 ластовъ въ годъ. Фольварки развиваются все сильнѣе; хотя осталось еще много земли, принадлежащей къ фольварку, но не воздѣланной, все-таки въ теченіе этого періода пахотная земля фольварковъ по своимъ размѣрамъ обычно равняется пахотной крестьянской землѣ. Поэтому все болѣе сказывается нужда въ работѣ крестьянина. Дворянство пользуется старыми узаконеніями, чтобы прикрѣпить крестьянина къ землѣ. Возникаетъ крѣпостное право на крестьянъ. Единственнымъ регулятивомъ оказывается возможность бѣгства, особенно на востокъ, гдѣ постоянно нуждаются въ рабочихъ рукахъ для обработки громадныхъ пространствъ, которыя стали воздѣлывать главнымъ образомъ только съ конца XVI столѣтія. И, наконецъ, еще можно было бѣжать къ казакамъ. Шляхта въ рядѣ конституцій (1578, 1581, 1611, 1613, 1626, 1635, 1638, 1641, 1661, 1685 гг.) выступаетъ противъ этихъ побѣговъ крестьянъ на востокъ, сокращая судебный процессъ о „бѣглыхъ подданныхъ“ (крѣпостныхъ), поднимая (1588, 1613 гг.) „таксу за бѣглыхъ подданныхъ“, т. е. вознагражденіе убытка отъ принятія бѣглаго кметя, до 500 гривенъ (въ 1523 г. только 10 гривенъ). Отпаденіе къ Москвѣ части казаковъ, уничтоженіе тѣхъ ихъ остатковъ, которые еще удержались при Польшѣ (1699 г.), ослабленіе въ XVIII вѣкѣ военныхъ бурь, способствовавшихъ побѣгу и умножавшихъ количество „гультаевъ“-„бездѣльниковъ“ и „лузьныхъ“-„вольныхъ“—все это окончательно приковало „хлоповъ“ къ землѣ. Владѣлецъ деревни, дѣйствительно, является въ ней „королемъ“, какъ часто самъ онъ любитъ называть себя. Гибнутъ остатки самоуправленія, владѣлецъ деревни издаетъ приказы, составляетъ какъ бы „своды законовъ“ для своихъ крѣпостныхъ, судитъ ихъ по своей волѣ, ибо на него нельзя ни апеллировать, ни жаловаться какой-нибудь власти. Владѣлецъ признаетъ въ своей деревнѣ какіе-либо обычаи и законы лишь постольку, поскольку является неизбѣжнымъ существованіе хотя какихъ-нибудь правовыхъ нормъ. Въ церковныхъ имѣніяхъ, гдѣ вообще хлопамъ жилось лучше, все-таки уже съ половины XVII вѣка исчезаетъ возможность жалобъ на управляющаго имѣніемъ. Только въ королевскихъ имѣніяхъ крестьяне попрежнему сохраняютъ право жалобы въ референдарскій

судъ на чинимыя имъ утѣсненія; но дѣятельность этого суда не простиралась на окраины, особенно на русскія земли, и само судопроизводство было очень медленно и слишкомъ дорого.

Очевидно, въ такихъ условіяхъ повинности „хлоповъ“ возрастаютъ; „панъ“ деревни, пользуясь полнотой своей власти, могъ произвольно назначать ихъ. Чинши увеличиваются, впрочемъ, не очень сильно; зато продолжаетъ расти барщина, составляющая—за извѣстными исключеніями, въ виду спеціальныхъ условій—главное бремя хлопа. Очевидно, общей нормы здѣсь нѣтъ. Различнымъ образомъ складывается отношеніе „тяглой барщины“, т. е. со скотомъ, къ барщинѣ „пѣшей“, т. е. безъ скота. Но, въ общемъ, эта барщина очень тяжела. Для XVIII вѣка можно, повидимому, считать средней тяглой „барщиной“ два рабочихъ дня въ недѣлю съ четверти лана, т. е. 8 дней съ лана, хотя въ исключительныхъ случаяхъ барщина иногда доходитъ до четырехъ дней съ четверти лана, т. е. до 16 дней съ лана. Сверхъ того, крестьянское населеніе часто уже „безъ дней“ доставляетъ пану тяжелыя подводы и цѣлый рядъ мелкихъ платежей хлѣбомъ, курицами, яйцами, пряжей и т. д. Рабочіе дни вычисляются точно; ими пользуются въ случаѣ особенной нужды; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ населеніе обычно обязано „безъ дня“ идти на шарварокъ (барщину) или толоку („гвалтъ“, „помочь“). Наконецъ въ теченіе этого періода, послѣ „скупки“ солтысствъ, съ которыми обыкновенно связано было владѣніе корчмой, „панъ“ развиваетъ и свое право „пропинаціи“. Только „панъ“ можетъ варить пиво, гнать водку, только онъ можетъ содержать шинокъ; ниоткуда больше нельзя доставать вино. „Панъ“ заставляетъ „хлопа“ покупать извѣстное количество водки или пива, въ случаѣ свадьбы, крестинъ и т. д. „Паны“ присваиваютъ себѣ и „мельничное право“, т. е. запрещаютъ молоть хлѣбъ помимо господской мельницы, а иногда хлопъ даже обязывается только въ панской усадьбѣ продавать то, что̀ имѣется у него на продажу, и покупать то, что̀ ему нужно. Деревня замыкается, идетъ въ своемъ развитіи назадъ, къ временамъ натуральнаго хозяйства. Она должна стать самодовлѣющей, начинаетъ превращаться въ отдѣльный, замкнутый мірокъ.

Но, несмотря на все это, хлопъ не перестаетъ быть лично свободнымъ. Онъ вовсе не рабъ, какъ это часто говорятъ. Онъ обладаетъ правоспособностью, у него есть движимость, которая принадлежитъ ему и никѣмъ не можетъ быть отнята у него по праву. Въ королевскихъ имѣніяхъ, а обычно и въ духовныхъ, признаются его права на землю, хотя земля и является собственностью господина—пана. Но въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ господинъ можетъ произвольно отнять у него землю, что нерѣдко и дѣлается съ цѣлью увеличенія фольварка. Однако иногда хлопъ можетъ „выкупить" участокъ, на которомъ сидитъ, и такимъ образомъ пріобрѣсти его въ наслѣдственную собственность. Ограниченія „хлопа" еще не отнимаютъ у него характера свободнаго человѣка. Однако такое ограниченіе его правъ, заключеніе его въ деревнѣ, подчиненіе волѣ и даже произволу пана—ослабляетъ у него охоту къ труду, предпріимчивость и самостоятельность. Его хозяйство идетъ не впередъ, а скорѣе назадъ. Поэтому-то, хотя повинности и барщина крестьянъ усилились, все-таки съ половины XVII вѣка экспортъ хлѣба уменьшается, а въ теченіе XVIII вѣка рѣдко доходитъ до 30,000 ластовъ въ годъ, въ чемъ, впрочемъ, повинно и отсутствіе хозяйственнаго прогресса у шляхты.

Однако печальное положеніе „хлопа" прежде всего обусловливается вліяніемъ двухъ факторовъ: раздѣломъ хозяйствъ и отсутствіемъ культуры. Если при Ягеллонахъ кмети сидятъ на ланахъ и полуланахъ, то въ теченіе этого періода хозяйства уменьшаются все сильнѣе. Населеніе увеличивается и только отчасти находитъ себѣ выходъ на востокъ, съ чѣмъ шляхта и безъ того старается бороться. А отсутствіе промышленности, застой и даже упадокъ городовъ ведутъ къ тому, что излишнее населеніе должно остаться въ деревнѣ и не убываетъ. Шляхта благосклонно смотритъ на увеличеніе населенія, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число рукъ для работы въ фольваркахъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчаются ограниченія дѣлежа хозяйствъ. Насколько можно судить теперь, въ концѣ этого періода уже почти нѣтъ лановыхъ хозяйствъ, а полулановыя—очень рѣдки; „хлопы" сидятъ на четвертушкахъ лана, а часто даже—всего на нѣсколькихъ моргахъ. Раньше, въ XIV и XV вѣкахъ, въ деревнѣ

почти вовсе не было безземельнаго населенія: „загродниковъ“, владѣющихъ, кромѣ избы („халупы“), только небольшимъ огородомъ, „халупниковъ“, имѣющихъ одну только избу—„хижину“ („халупу“), наконецъ „коморниковъ“, нанимающихъ „комору“ у другихъ крестьянъ. Въ XVI вѣкѣ это населеніе начинаетъ увеличиваться, его приростъ въ теченіе этого періода замѣтно усиливается. И оно подчиняется крѣпостной зависимости, несетъ рядъ повинностей въ пользу „пана“ деревни, особенно барщину. Это—собственно уже сельскіе рабочіе. Но въ то же время принципіально измѣняется хозяйственное положеніе и тѣхъ, кто владѣетъ землей. Въ то время какъ ранѣе селянинъ за обладаніе землей долженъ былъ платить опредѣленные чинши, оброки и пр., теперь онъ становится собственно работникомъ на фольварочной землѣ, что̀ является основой его отношеній къ „пану“, земля же начинаетъ получать лишь характеръ вознагражденія его за трудъ. Въ указанномъ раздробленіи участковъ, въ экономическомъ подчиненіи хлопа интересамъ фольварка и слѣдуетъ видѣть главную причину паденія деревни. Если бы хлопы могли сохранить свои хозяйства въ прежнихъ размѣрахъ, то, несмотря на значительно возросшія повинности, судьба ихъ не была бы такъ тяжела. Повинности уменьшались по направленію съ запада на востокъ; однако, чѣмъ далѣе на востокъ, чѣмъ, слѣдовательно, сравнительно лучше было экономическое положеніе хлопа въ силу и мѐньшихъ платежей „пану“ и владѣнія болѣе значительнымъ хозяйствомъ, тѣмъ ниже были здѣсь просвѣщеніе и культура, такъ что на западѣ крестьянину все-таки жилось сравнительно лучше. Однако не слѣдуетъ думать, что въ Польшѣ крестьянамъ жилось хуже, чѣмъ гдѣ-либо на западѣ или на востокѣ Европы. И тамъ существовало крѣпостничество, нерѣдко еще гораздо болѣе суровое. Крестьяне чаще бѣгутъ изъ-за границы въ Польшу, чѣмъ наоборотъ. Но такое положеніе дѣлъ въ Польшѣ тянулось черезчуръ долго: оно продолжалось почти до конца существованія государства, когда за границей уже давно начались реформы.

Евреи. Основой устройства евреевъ по прежнему остались тѣ же гмины (кагалы). При Стефанѣ Баторіи мѣсто исчезнувшаго еврейскаго сеніората занимаютъ постоянные еврейскіе съѣзды, такъ называемые „синоды четырехъ краевъ“ (т. е.

Великой Польши, Малой Польши, Руси съ Подоліей, Волыни съ Украйной), собиравшіеся обыкновенно во время ярмарокъ въ Люблинѣ и Ярославлѣ. Въ этихъ съѣздахъ участвуютъ представители гминъ и раввины. Съѣзды рѣшали дѣла внутренней автономіи еврейскихъ гминъ и въ то же время являлись посредникомъ между евреями и государствомъ. Одною изъ главныхъ задачъ съѣздовъ была раскладка податей, налагаемыхъ на евреевъ въ общей (валовой) суммѣ. Однако въ теченіе этого періода еврейская автономія слабѣетъ. Воевода, который до тѣхъ поръ только надзиралъ надъ гминами, теперь посредствомъ своихъ органовъ (подвоеводы) начинаетъ все болѣе вторгаться во внутреннія дѣла гминъ, пользоваться своими прерогативами для своей личной выгоды. Въ концѣ концовъ, евреи удержались подъ верховной властью воеводы только въ самыхъ крупныхъ городахъ. Эти евреи все-таки находили себѣ защиту въ королевскихъ привиллегіяхъ какъ общихъ, болѣе старыхъ, подтверждаемыхъ и позднѣе, такъ и въ изданныхъ позднѣе для отдѣльныхъ гминъ. Въ XVIII вѣкѣ евреи создаютъ, на основѣ этихъ привиллегій, какъ бы небольшія кондификаціи своихъ законовъ. И воеводы въ своихъ все умножающихся воеводскихъ „ординаціяхъ" юридически нормируютъ свое отношеніе къ еврейскимъ гминамъ, особенно же — права и прерогативы своихъ чиновниковъ. Однако въ небольшихъ городахъ евреи были подчинены власти старостъ, въ частныхъ же владѣніяхъ всецѣло зависѣли отъ господъ этихъ владѣній, которые могли произвольно, на опредѣляемыхъ ими условіяхъ, разрѣшать евреямъ пребываніе въ своихъ помѣстьяхъ.

Общій экономическій упадокъ отразился и на еврейскомъ населеніи. Оно росло, а мѣста для него недоставало. Евреи старались расширить свои занятія, но этому противодѣйствовали города, недоброжелательно смотрѣвшіе на такую конкурренцію и даже усматривавшіе въ ней причину паденія ремеслъ. Поэтому увеличивается число дорого стоющихъ евреямъ договоровъ ихъ съ городами, опредѣляющихъ права евреевъ. Въ городѣ евреямъ становится слишкомъ тѣсно; ихъ было тамъ уже слишкомъ много. И только въ XVII вѣкѣ евреи въ бо́льшемъ числѣ уходятъ въ деревни, разселяются по корчмамъ; съ той поры и появляется типъ „еврея-корч-

маря". Однако и это не помогло. Положенiе еврейскаго населенiя въ XVIII вѣкѣ очень печально, кагалы обременены большими долгами.

Государственный строй.

Государство состоитъ изъ двухъ равноправныхъ, соединенныхъ унiей частей: Польши, обычно называемой „Короной", и Литвы, однако съ фактическимъ перевѣсомъ Польши. Но нѣкоторыя составныя части Польши имѣютъ извѣстныя правовыя особенности, главнымъ образомъ—Пруссiя, несмотря на принятiе ею въ 1598 г. польскаго права (судебнаго), по крайней мѣрѣ, отчасти (такъ называемая „прусская корректура"). Основы отношенiй Польши къ Литвѣ, установленныя Люблинской унiей, все-таки удержались, несмотря на борьбу, которую Литва еще нѣкоторое время ведетъ противъ нихъ; оба государства были очень похожи по своему устройству; Литва имѣла только особое судебное право, основывавшееся съ 1588 г. на третьемъ (самомъ обширномъ) Литовскомъ Статутѣ. Точнѣе были урегулированы, наконецъ, отношенiя Инфлянтъ къ Польшѣ и Литвѣ. Уже въ 1582 г. Баторiй реорганизуетъ Инфлянты; но только конституцiя 1598 г. болѣе приспособила ихъ къ польско-литовскому строю, вводя и тамъ воеводства (венденское, дерптское, перновское), земскiя должности, сеймики и т. д., зачисляя воеводъ и каштеляновъ въ польскiй сенатъ. Исчезла обособленность „скарба", годичные доходы должны были поступать поочередно то въ польскiй, то въ литовскiй „скарбъ". И высшiе государственные чиновники (маршалки и т. д.) должны были исполнять здѣсь свою должность тоже поочередно: одинъ годъ—польскiе, другой—литовскiе. Однако уже въ 1617—1625 г г. Польша должна была уступить Швецiи значительную часть Инфлянтъ,—хотя формально эта уступка была сдѣлана только по Оливскому трактату 1660 г. Но и потомъ еще въ Инфлянты назначались воеводы, каштеляны и т. д., какъ будто Инфлянты все еще принадлежали Польшѣ. Только конституцiя 1677 г. устранила эти должности, образовавъ изъ Инфлянтъ одно воеводство—инфлянтское, съ одной земской iерархiей. Тогда же было введены тамъ и польское судебное устройство, равно какъ и литовскiй статутъ. Однако было сохранено подчиненiе Инфлянтъ обѣимъ половинамъ государства.

Изъ ленныхъ владѣній за Польшей осталось только Курляндское княжество (герцогство). Послѣ прекращенія династіи Кеттлера (1738 г.) княжество должно было соединиться съ Польшей, на основаніи конституціи 1583 года. Однако, несмотря на это, княжество было отдано, въ видѣ лена, Бирону и его потомкамъ (1739 г.). Условія зависимости остались тѣ же самыя, какія были установлены еще въ 1561 г.; только въ 1639 г. была прибавлена обязанность уплаты 10,000 флориновъ, въ случаѣ назначенія въ Польшѣ „побора". Княжеская Пруссія нѣкоторое время еще остается, какъ ленное Польское княжество, въ рукахъ Ансбахской линіи Гогенцоллерновъ. Однако курфюрстская линія добилась, при помощи актовъ 1578, 1589, 1605 и 1609 гг., подтвержденія правъ на этотъ ленъ, въ случаѣ прекращенія Ансбахской линіи, добилась даже временнаго правленія (регентства), когда послѣдній представитель этой линіи, вслѣдствіе душевной болѣзни, самъ не могъ править. Въ 1611 г. курфюрстская линія окончательно получила въ ленъ княжескую Пруссію. хотя былъ еще въ живыхъ послѣдній представитель Ансбахской линіи. По смерти послѣдняго (1618 г.), Янъ Сигизмундъ сразу же началъ править, въ качествѣ представителя курфюрстской линіи. Болѣе крупныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ ленной связи, не произошло. Только въ актахъ 1605—1611 гг. на князя Пруссіи были возложены извѣстныя болѣе значительныя повинности, именно: доставка, въ случаѣ войны, военныхъ судовъ (только четыре) и годичная дань въ 30,000 фл.; въ случаѣ же установленія въ Польшѣ „побора", еще 30,000 фл. Зато апелляціи къ королю на рѣшенія княжескаго суда были ограничены важнѣйшими дѣлами, выше 500 фл.; ограничено было и право короля выдавать „желѣзныя (охранныя) грамоты" прусскимъ подданнымъ. Однако на практикѣ, съ утвержденіемъ въ Пруссіи курфюрстской линіи, эта зависимость фактически стала скорѣе номинальной. Велявскій трактатъ 1657 г. окончательно развязалъ эти узы. Прусскій князь пересталъ быть ленникомъ Польши: ленныя отношенія должны были замѣниться союзомъ. Однако было оговорено, что, въ случаѣ прекращенія курфюрстской линіи, княжеская Пруссія будетъ возвращена Польшѣ.

Королевская власть. «Элекціи» и безкоролевья.

Во главѣ государства продолжаетъ стоять король. Польша въ эту эпоху является въ полной мѣрѣ монархіей избирательной. Если раньше принципъ „элекціи" юридически нѣсколько ослаблялся необходимостью считаться съ Литвой, гдѣ Ягеллоны сохранили свои наслѣдственныя права, такъ что и въ Польшѣ, въ предѣлахъ „элекціи", все-таки фактически удерживалось наслѣдованіе престола въ одномъ и томъ же родѣ, то теперь въ этомъ отношеніи уже не существуетъ никакихъ ограниченій. Въ „Генриховскихъ артикулахъ" 1573 г. даже оговорено, что при жизни короля нельзя выбирать наслѣдника, эта оговорка повторяется и въ многочисленныхъ послѣдующихъ конституціяхъ.

Способъ „элекціи" при Ягеллонахъ не былъ опредѣленъ. Онъ практически выработался во время двухъ первыхъ „элекцій", и принципы, одержавшіе тогда побѣду, стали основой на будущее время. Время со смерти одного короля до коронаціи другого носитъ названіе „безкоролевья" (interregnum). Во главѣ государства стоитъ тогда „примасъ",—какъ первый сановникъ государства, несмотря на попытки во время перваго безкоролевья передать эту власть „коронному маршалку". Въ качествѣ замѣстителя короля, примасъ носитъ титулъ „междукороля" (interrex). Во время перваго безкоролевья воеводства, для созданія временной власти, соединялись въ конфедераціи, въ такъ называемые „каптуры", главной цѣлью которыхъ было охраненіе безопасности. Позднѣе примасъ, извѣщая особыми посланіями (универсалами) о смерти короля, сразу же назначалъ и сроки сеймиковъ, которые образовывали „каптуры". Немногочисленныя распоряженія объ „элекціи" въ эпоху Ягеллоновъ не предвидѣли никакого другого съѣзда, кромѣ „элекціоннаго" (избирательнаго) сейма. Однако во время перваго безкоролевья, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ съѣздовъ, въ концѣ концовъ состоялся съѣздъ со всѣми чертами обыкновеннаго сейма. Впрочемъ, чтобы сгладить противорѣчіе между правомъ, не знавшимъ такого сейма, и фактомъ его созыва,—противорѣчіе, которое особенно сильно подчеркивалось Литвой,—назвали этотъ съѣздъ не сеймомъ, а „конвокаціей". Съ тѣхъ поръ и вошелъ въ обычай такой сеймъ, созываемый примасомъ сразу же послѣ смерти короля. Задача конвокаціи, всегда собирающейся въ Варшавѣ, состоитъ въ обезпеченіи безопасности государства

во время безкоролевья и въ подготовкѣ „элекціи". Постановленія такого сейма называются „конфедераціей", такъ какъ защищать ихъ обязывались лично всѣ присутствующіе на сеймѣ. Поэтому-то „конфедерація" осуществляется даже въ случаѣ „срыва" сейма. Въ особенности первая изъ этихъ „конфедерацій" — 1573 г.— заключаетъ важныя постановленія, среди нихъ — и „артикулъ о диссидентахъ". „Конвокація" назначала новые сеймики и „элекціонный сеймъ". На этотъ сеймъ избирали „пословъ" такъ же, какъ и на другіе сеймы, но избраніе пословъ иногда производилось не на сеймикахъ, а на полѣ, гдѣ происходила „элекція" собравшейся шляхтой отдѣльныхъ воеводствъ. Онъ отличается отъ обыкновенныхъ сеймовъ тѣмъ, что занимается главнымъ образомъ вопросомъ объ „элекціи" короля (выслушиваетъ иностранныхъ пословъ, постановляетъ „экзорбитанціи", т. е. распоряженія, имѣющія цѣлью исправленіе нарушеній закона королемъ, составляетъ pacta conventa и т. д.). Онъ засѣдаетъ въ полѣ: сенатъ располагается въ „шопѣ" („подъ навѣсомъ"), а около „шопы", въ обнесенномъ окопами „кругу" („kolo)—„посольская изба". Время продолжительности этого сейма обыкновенно устанавливается на „конвокаціи". Сеймъ собирается подъ Варшавой, обычно — около деревни Воли.

Сама „элекція" составляетъ отдѣльный актъ. Во время перваго безкоролевья одержалъ верхъ не новый, а признанный уже и раньше принципъ участія въ „элекціи" всей шляхты, или голосованія „viritim". Ко времени сейма съѣзжается шляхта со всего государства, хотя воеводства на сеймикахъ часто постановляютъ участвовать въ „элекціи" только черезъ депутатовъ. Шляхта на коняхъ, обычно въ вооруженіи, окружаетъ „коло". Въ день, назначенный сеймомъ, сенаторы и „послы" расходятся по своимъ воеводствамъ, такъ что въ „шопѣ" остается только „примасъ". Шляхта подаетъ голоса. Выборъ можетъ состояться только единогласно. Если ни одна партія не хочетъ уступить, то „элекція" считается неудавшейся — и каждая партія отдѣльно выбираетъ своего „электа" („electa"), и если одинъ изъ нихъ не сниметъ кандидатуры, то судьба „электовъ" рѣшается вооруженной борьбой. Послѣ объявленія — обычно примасомъ—о совершившемся избраніи, составляется „элекціонный дипломъ". „Элекціонный" сеймъ заканчивается назначеніемъ дня коронаціи.

Коронаціей и оканчивается безкоролевье. Она совершается въ Краковѣ, во время „коронаціоннаго“ сейма, который происходитъ по обыкновеннымъ формамъ. Только обрядъ торжественной коронаціи короля, имѣющій церковный характеръ, даетъ королю полноту правъ. Король послѣ коронаціи совершаетъ „подтвержденіе правъ“ (confirmatio generalis), лично свидѣтельствуетъ о принесеніи присяги (litterae iuramenti praestiti) и извѣщаетъ о совершеніи коронаціи (denuntiatio regis coronati).

Условіемъ занятія престола и самой власти короля является договоръ. Тѣ, кто избираютъ короля, имѣютъ право ставить этому королю и свои условія, могутъ заблаговременно опредѣлить въ точности его власть. Уже первое безкоролевье послѣ Ягеллоновъ сразу же вводитъ въ жизнь такіе юридическіе акты. Это — такъ называемые „Генриховскіе артикулы“ и „pacta conventa“ (1573 г.). Въ „артикулахъ“ заключено признаніе королемъ извѣстныхъ основныхъ законовъ строя Польши, отчасти выработавшихся уже ранѣе, отчасти только что установившихся; эти постановленія касаются вопросовъ о „сенаторахъ-резидентахъ“, о „посполитомъ рушеньи“, о сеймахъ, податяхъ и т. д. А въ „pacta conventa“ на короля возлагались извѣстныя спеціальныя обязательства „электа“, а именно: доставленіе государству денежной помощи, заключеніе союзовъ, воспитаніе извѣстнаго числа молодежи за границей и т. д. Однако это различіе между „артикулами“ и „пактами“ впослѣдствіи выступаетъ еще только одинъ разъ, именно въ примѣненіи къ Стефану Баторію. Въ послѣдующія безкоролевья всякія обязанности и ограниченія королевской власти помѣщались только въ „пактахъ“, которые, слѣдовательно, съ тѣхъ поръ заключали въ себѣ, кромѣ яснаго опредѣленія главныхъ принциповъ строя Польши, еще и спеціальныя обязательства „электа“. „Пакты“ приготовлялись „элекціоннымъ“ сеймомъ, отдѣльно для каждой „элекціи“. Однако на практикѣ позднѣйшіе пакты основываются на предыдущихъ, вводя въ нихъ обыкновенно лишь небольшія модификаціи.

Вслѣдствіе того, что основою королевской власти сталъ контрактъ, заключаемый съ „электомъ“, появился вопросъ о томъ, какое же положеніе должны занять сословія относительно государя, если онъ не исполняетъ своихъ обяза-

тельствъ, нарушаетъ государственные законы. Въ первый разъ этотъ вопросъ разрѣшаютъ „Генриховскіе артикулы“, выставляющіе принципомъ, что въ такомъ случаѣ шляхта имѣетъ право отказать монарху въ повиновеніи. Это — вовсе не польское только постановленіе. Отвѣтственность короля передъ народомъ давно появилась въ законодательствахъ средневѣковой Европы. Въ Польшѣ вопросъ этотъ неоднократно возникалъ и ранѣе; однако разрѣшеніе его въ жизни въ 1573 г., въ договорѣ, заключенномъ съ королемъ, дѣйствительно, послѣдній такого рода примѣръ въ Европѣ. Принципъ этотъ удерживается и потомъ; тогда точнѣе опредѣляютъ его, прежде всего въ конституціи 1578 г.— относительно тѣхъ дѣйствій, какими король нарушаетъ государственные законы (сознательно, произвольно и завѣдомо), и въ конституціяхъ 1607 и 1609 гг.— относительно тѣхъ дѣйствій, которыя должны предшествовать окончательному отказу въ повиновеніи королю (троекратное увѣщаніе: черезъ примаса,—сенатъ и цѣлый сеймъ, по конституціи 1607 г.; черезъ котораго-нибудь изъ сенаторовъ, — сеймикъ при посредствѣ депутатовъ и, наконецъ, сеймъ, по конституціи 1609 г.). Право отказа въ повиновеніи обычно опредѣляется какъ „articulus de non praestanda oboedientia“.

Сеймы. Въ виду ограниченія власти короля, все больше значенія пріобрѣтаютъ сеймъ, и безъ того уже сильно развившійся, равно и сеймики. Сеймъ, прежде всего, держитъ въ своихъ рукахъ законодательство, впрочемъ, только въ предѣлахъ интересовъ того сословія, которое правитъ въ сеймѣ, т. е. шляхты, такъ что, напримѣръ, вопросы городского устройства, внутреннихъ отношеній евреевъ, дѣла крестьянскаго населенія въ королевскихъ имѣніяхъ и т. д., не касаясь дворянъ, и далѣе остаются за предѣлами постановляемыхъ на сеймахъ конституцій. Зато сеймы рѣшаютъ и многіе вопросы, относящіеся къ администраціи, какъ-то: о нобилитаціи, индигенатѣ и т. д. Они имѣютъ также и полное право контроля надъ управленіемъ государствомъ, какъ надъ внѣшней, такъ и надъ внутренней политикой. Сейму продолжаетъ принадлежать право устанавливать, въ случаѣ нужды, и подати; но постоянные налоги были установлены только въ 1717 г.

Въ связи съ пріобрѣтеніемъ сеймомъ власти стояло и опредѣленіе срока, когда сеймъ долженъ собираться, равно какъ и періодичность его засѣданій, чего не было до сихъ поръ. Опредѣленныя постановленія относительно всего этого были даны только „Генриховскими артикулами“: сеймъ долженъ собираться разъ въ два года; однако, въ случаѣ надобности, король можетъ созвать сеймъ и ранѣе. Такимъ образомъ возникло дѣленіе сеймовъ на „ординарные“ (черезъ каждые два года) и „экстраординарные“. Первые должны были продолжаться шесть недѣль. Конституціи ординарныхъ сеймовъ обычно заблаговременно разрѣшали королю въ извѣстномъ случаѣ созвать и экстраординарный сеймъ. Но, въ случаѣ необходимости, король созывалъ сеймы и безъ такого позволенія, лишь послѣ совѣта съ сенатомъ. Такіе экстраординарные сеймы были короче, ибо занимались только извѣстными вопросами, и происходили съ нѣсколько мéньшими формальностями. Для нихъ назначался двух-или трехнедѣльный срокъ; позднѣе ихъ собирали обычно на двухнедѣльный срокъ и потому называли „двухнедѣльными“, хотя бы засѣданія ихъ продолжались и дольше. Уже при заключеніи Люблинской уніи 1569 г. установили обыкновеннымъ мѣстомъ сеймовъ Варшаву; и, дѣйствительно, въ другихъ мѣстахъ сеймы собираются только въ исключительныхъ случаяхъ и по серьезнымъ причинамъ. Только конституція 1673 г. устанавливаетъ, что каждый третій сеймъ долженъ происходить въ Гроднѣ. Однако „конвокаціонные“ и „элекціонные“ сеймы собирались постоянно въ Варшавѣ, а „коронаціонный“ — въ Краковѣ.

Сеймъ попрежнему состоялъ изъ сената и „пословъ“. Составъ сената увеличился до 150 членовъ (это—самое большое число, при Владиславѣ IV и Янѣ-Казимірѣ) путемъ включенія въ него инфлянтскихъ сенаторовъ (1598 г.), вновь поставленныхъ епископовъ, равно какъ и сенаторовъ вновь образованнаго Черниговскаго воеводства. Однако, послѣ потери Инфлянтъ (точнѣе—послѣ урегулированія этого вопроса въ 1677 г.), составъ сената уменьшился до 146 членовъ. Сенатъ состоялъ, какъ и прежде, изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ. „Послы“ избирались на каждый сеймъ особо. Число ихъ въ XVII в., вслѣдствіе появленія инфлянтскихъ и черниговскихъ „пословъ“, равно какъ и

увеличенія числа „пословъ“ отъ нѣкоторыхъ сеймиковъ, доходитъ до 172; при Саксонской династіи оно достигаетъ высшей цифры — 182 (т. е. 128 изъ Короны, 48 изъ Литвы и 6 изъ Инфлянтъ), не считая „пословъ“ прусскихъ, число которыхъ было непостоянно, при томъ часто очень значительно. На „конвокаціонные“ сеймы послы избирались обычно въ большемъ количествѣ. Городскихъ „пословъ“ почти уже вовсе не встрѣчается на сеймахъ, за исключеніемъ сеймовъ во время безкоролевья, гдѣ, впрочемъ, ихъ появленіе не имѣетъ значенія, является только формальностью, отголоскомъ прежнихъ, болѣе значительныхъ правъ городовъ.

Порядокъ засѣданій — обычное дѣлопроизводство сейма— въ принципѣ остается такимъ же, какимъ былъ и ранѣе. Въ конституціяхъ встрѣчается очень немного указаній, касающихся порядка засѣданій сейма; нѣсколько строкъ въ конституціи 1690 г., обнимающихъ всѣ стадіи сеймоваго дѣлопроизводства, ограничиваются суммарнымъ перечисленіемъ. Точнѣе была опредѣлена въ это время только послѣдовательность отдѣльныхъ дѣйствій сейма, главнымъ образомъ—второстепенныхъ. Хотя теперь перевѣсъ вполнѣ перешелъ къ засѣданіямъ „посольской избы“, все-таки и потомъ сохранились совершенно уже лишніе въ это время „воты“ сенаторовъ. Единственнымъ сравнительно болѣе значительнымъ новшествомъ было постановленіе конституціи 1633 г.—позднѣе неразъ еще возобновляемое — о томъ, что обѣ избы обязаны сойтись вмѣстѣ за пять дней до окончанія сейма для подтвержденія согласованности конституціи съ тѣмъ, что̀ было постановлено уже ранѣе. Но всѣ эти постановленія о дѣлопроизводствѣ были недостаточны. Отсутствіе порядка въ засѣданіяхъ сильно давало чувствовать себя, особенно потому, что у маршалка (для каждаго третьяго сейма избираемаго и изъ среды литовскихъ „пословъ“) не было достаточно власти для руководства засѣданіями. Появлявшіеся проекты все-таки не привели къ улучшенію дѣла.

Какъ составъ сейма и порядокъ его засѣданій удержались въ рамкахъ, выработанныхъ для нихъ въ теченіе предыдущаго періода, такъ точно вполнѣ сохранился и прежній сословный характеръ сейма, средневѣковый его типъ. Засѣдавшіе въ сеймѣ представляютъ интересы со-

словія, а не государства,—государственные же интересы лишь постольку, поскольку они совпадають съ сословными. Замѣчается даже извѣстный шагъ назадъ въ сравненіи съ сеймами временъ Сигизмунда-Августа. Результатомъ указаннаго характера сейма были и инструкціи и „единогласіе“ (единомысліе). Послы представляють только выбравшій ихъ сеймикъ: они не могутъ выйти за предѣлы инструкцій, данныхъ имъ сеймикомъ. А инструкціи становятся все многочисленнѣе и детальнѣе. Развитіе же сеймиковъ, особенно „реляціонныхъ“, еще болѣе связываетъ свободу „пословъ“. Удерживается и принципъ „единогласія“, выросшій на указанной основѣ представительства сословій. Всѣ должны прійти къ единодушному согласію. Только единогласное постановленіе „пословъ“ и сената, на которое согласится и король, дѣлается конституціей. Сопротивленіе одного можетъ помѣшать принятію извѣстнаго постановленія: въ этомъ заключается принципъ единогласія (единомыслія); но такое сопротивленіе можетъ „сорвать“ весь сеймъ. „Liberum veto“ впервые возникло не въ 1652 г.; можно, пожалуй, только сказать, что тогда, на сеймѣ 1652 г., этотъ принципъ проявился особенно ярко. „Liberum veto“, т. е. право сорвать сеймъ и уничтожить такимъ образомъ и всѣ предыдущія, единогласно принятыя постановленія, „сопротивленіемъ одного посла“, — только результатъ естественнаго и, можно сказать, послѣдовательнаго развитія принципа единогласія, соединеннаго со взглядомъ—уже съ XVI в.—на всѣ постановленія сейма, какъ на одно цѣлое. Если въ предыдущую эпоху еще не считались съ такими, пока рѣдкими, протестами отдѣльныхъ депутатовъ, то въ настоящую эпоху такое право „посла“ уже легализируется; вырабатывается какое-то суевѣрное чувство правоты veto, которое называютъ „зѣницей свободы“. Польскій парламентаризмъ не смогъ развиться, превратиться въ парламентаризмъ новаго времени; оставшись, по своимъ основамъ, парламентаризмомъ сословнымъ, онъ только перерабатывалъ эти основы, въ смыслѣ ихъ вырожденія. А взглядъ на liberum veto, какъ на одинъ изъ основныхъ институтовъ парламентарнаго строя, былъ такъ силенъ, что ни одна изъ появляющихся въ XVII и XVIII в. (вплоть до конца этого періода) реформъ сейма не осмѣливается кос-

нуться этого института; требуя реформъ дѣлопроизводства польскихъ сеймовъ, все-таки никогда не выходятъ за предѣлы этого права liberum veto.

Сеймики. Характеръ представительства сословныхъ интересовъ, сохраняющійся и даже еще сильнѣе обозначающійся въ устройствѣ сейма, оказывающійся результатомъ односторонняго развитія всей государственной жизни Польши, отражается и на отношеніяхъ сейма къ сеймикамъ. Сеймики, которые при Ягеллонахъ, въ виду перевѣса сейма, уже начинаютъ утрачивать свое прежнее большое значеніе, теперь снова поднимаются, начинаютъ пріобрѣтать все больше правъ, подрывая тѣмъ значеніе сеймовъ. До сихъ поръ было только два рода этихъ сеймиковъ. Предсеймовые сеймики („элекціонные") созывались королемъ для избранія „пословъ" въ сеймъ, — слѣдовательно, передъ каждымъ сеймомъ. Очевидно, такіе сеймики остались и потомъ. Король созываетъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они собирались уже по старому обычаю; во всемъ государствѣ такихъ сеймиковъ насчитывается болѣе 70. Задача ихъ — выборъ „пословъ", которые до половины XVII в. попрежнему собираются, прежде всего, вмѣстѣ съ сенаторами на такъ называемые „генеральные" сеймики, или „генералы" (въ Корчинѣ—для Малой Польши и русскихъ земель, въ Колѣ—для Великопольскихъ земель, въ Варшавѣ — для Мазовіи и въ Волковискахъ, а позднѣе въ Слонимѣ—для Литвы), гдѣ совѣщаются о своемъ поведеніи на сеймѣ. На ряду съ выслушиваніемъ королевской „легаціи" и съ выборомъ „пословъ", эти сеймики занимаются составленіемъ для нихъ инструкцій, которыя въ этомъ періодѣ уже становятся писанными, между тѣмъ какъ прежде онѣ были обычно устными. Кромѣ предсеймовыхъ сеймиковъ, въ концѣ предыдущей эпохи существовали только такъ называемые „элекціонные" сеймики, которые созывались воеводами для избранія кандидатовъ въ земскіе чиновники (подкоморій, судья и т. д.). Число ихъ было больше, чѣмъ „элекціонныхъ". Своихъ собственныхъ выборныхъ чиновниковъ часто имѣли и такія воеводства или земли, которыя передъ сеймомъ совѣщались сообща съ другими. Эти сеймики собирались довольно рѣдко, только въ случаѣ надобности: земскія должности были пожизненными, и, слѣдовательно,

рѣдко вакантными. Первое безкоролевье приноситъ новый типъ сеймиковъ: „каптуры“, т. е. сеймики, устраиваемые во время безкоролевья, въ видѣ конфедерацій; ихъ задача—безопасность воеводства или земли. Съ этихъ поръ такіе сеймики появляются во время каждаго безкоролевья и значительно содѣйствуютъ поднятію значенія сеймиковъ вообще, ибо во время безкоролевья имъ принадлежитъ высшая власть. Они издаютъ обширные „lauda“, гдѣ устанавливаютъ правила обороны, организуютъ судебную власть на время безкоролевья и т. д. Образованіе „Короннаго Трибунала“ въ 1578 г., составляемаго изъ депутатовъ шляхты, вызвало къ жизни новый видъ сеймиковъ, такъ называемыхъ „депутатскихъ“, которые и должны были выбирать этихъ депутатовъ. Они собираются ежегодно, въ опредѣленный срокъ, такъ какъ надо было ежегодно же высылать въ Трибуналъ новыхъ судей. Однако самое важное значеніе для развитія сеймиковъ вообще имѣли сеймики „реляціонные“. Сеймики—или всѣ или только сеймики отдѣльныхъ земель—нерѣдко созывались послѣ сейма для восполненія его дѣятельности, а именно для вотированья дополнительныхъ податей или для выбора „шафарей“ либо сборщиковъ податей. Въ 1591 г. съ такими послѣсеймовыми сеймиками былъ соединенъ отчетъ пословъ въ ихъ дѣятельности на сеймѣ (ранѣе этотъ отчетъ давался на какомъ угодно сеймикѣ, даже и на „рокахъ“). Скоро такіе сеймики вошли въ обычай и отъ „реляціи“ пословъ получили названіе „реляціонныхъ“; время ихъ созыва опредѣлялось либо конституціями сейма, либо королемъ, либо, по порученію сейма, воеводами. Обычно на этихъ сеймикахъ происходилъ и выборъ депутатовъ въ „скарбовый трибуналъ“ (съ 1613 г.). Когда въ половинѣ XVII вѣка увеличился кругъ дѣятельности сеймиковъ, тогда стали созывать ихъ въ различное время, даже въ промежутки между сеймами: тогда ихъ называли „господарскими“ (хозяйственными), поскольку они занимались дѣлами воеводства, его финансами, войскомъ и т. д. Въ 1717 г., при реформѣ компетенціи сеймиковъ, были установлены постоянные сроки „депутатскихъ“ сеймиковъ, равно какъ и начинающихся на другой день послѣ нихъ сеймиковъ „господарскихъ“, которые должны были выбирать и коммиссаровъ на „радом-

скій трибуналъ“.— Таковы были типы сеймиковъ. А когда сеймиковая жизнь сильно укоренилась въ обществѣ, тогда шляхта часто собирается уже самочинно, безъ созыва властью—и въ военное и въ мирное время, если только появляется какой-нибудь важный поводъ, шляхта „сеймикуетъ“. На сеймикѣ предсѣдательствуетъ маршалокъ, по правилу избираемый только на одинъ сеймикъ. На „элекціонныхъ“ сеймикахъ предсѣдательствуетъ, въ силу своей должности, воевода или, въ качествѣ его замѣстителя, старѣйшій каштелянъ, а на сеймикахъ конфедератскихъ — маршалокъ конфедераціи воеводства. Постановленія сеймиковъ носили названіе „lauda“; уже въ концѣ XVI в. они записываются, какъ отдѣльные акты, и обычно вносятся въ судебныя книги.

Ростъ значенія сеймиковъ начинается особенно съ конца XVI вѣка. „Послы“ на сеймахъ начинаютъ передавать „братіи“, т. е. сеймикамъ, выборъ податныхъ „шафарей“, а потомъ—и сборщиковъ этихъ податей. Вскорѣ дѣло идетъ далѣе. Уже и раньше, при послѣднихъ Ягеллонахъ нерѣдко случалось, что, въ случаѣ несогласія „пословъ“ котораго-нибудь воеводства на какія-либо постановленія сейма, особенно на установленіе податей, со ссылкой на полученную инструкцію, короли тотчасъ послѣ сейма созывали сеймикъ этого воеводства, чтобы онъ все-таки либо принялъ рѣшенія сейма либо, дополнительно согласился на подати, назначенныя сеймомъ. Это было вполнѣ естественно: это была апелляція отъ уполномоченныхъ къ носителямъ власти, которые могли измѣнить свою волю. Теперь этотъ порядокъ начинаетъ все учащаться. Послы передаютъ „братіи“, на „реляціонные сеймики“, не только выборъ сборщика податей или „шафаря“, но и само установленіе податей. Сеймики начинаютъ пользоваться этимъ обычаемъ такимъ образомъ, что на сеймѣ опредѣляется лишь извѣстная общая сумма податей, а покрытіе этой суммы предоставляется на волю сеймиковъ. Начинаютъ вырабатываться особыя воеводскія подати, возникаетъ воеводскій „скарбъ“, въ который и поступаютъ излишки податей. Но сеймикъ начинаетъ распространять свою власть и на расходованіе денегъ: онъ не сдаетъ ихъ въ „скарбъ“, начинаетъ самъ выбирать „шафарей“ воеводства, создавать особыя

коммиссіи для контроля надъ ними. Наконецъ, сеймикъ самъ нанимаетъ солдатъ, на содержаніе которыхъ должны идти подати, самъ же выплачиваетъ имъ и жалованіе. Это— такъ называемые „повѣтовые жолнеры". Такъ расширялась власть сеймиковъ. Въ половинѣ XVII вѣка они стоятъ на вершинѣ своего блеска и удерживаются на такой высотѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

Однако, вслѣдствіе этого развитія, страдала цѣльность государства. Сеймики подчиняли себѣ сеймъ, не только связывая „пословъ" своими „инструкціями" и требованіемъ отчета послѣ сейма, но и вторгаясь въ финансовыя и военныя прерогативы государства. Самъ же сеймикъ вырождался потому, что, вслѣдствіе ухудшенія отношеній въ распредѣленіи общественнаго богатства, „можные" (вельможи) захватывали въ свои руки всю власть на сеймикахъ, подчинивъ себѣ многочисленную массу мелкой безземельной шляхты. А въ сеймикѣ участвовалъ каждый, принадлежавшій къ шляхтѣ, хотя бы и не possessionatus. Сверхъ того, какъ въ сеймахъ, такъ и въ сеймикахъ царилъ принципъ единогласія. Уже въ XVI и XVII вѣкѣ мы замѣчаемъ попытки, притомъ многочисленныя, провести въ жизнь принципъ большинства голосовъ, хотя бы при выборахъ: въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, воеводствахъ замѣчаются—но уже рѣже— и попытки устраненія изъ сеймиковъ шляхты — „голоты". Реформы эти отчасти были даже осуществлены; рѣшенія многихъ сеймиковъ въ этомъ духѣ были подтверждены конституціями сеймовъ (1598, 1611, 1613, 1631, 1685 гг.). Но на практикѣ эти реформы вскорѣ были уничтожены. Сеймики представляли картину такой же анархіи, какъ и сеймы. Они тоже не имѣли никакого устава своего дѣлопроизводства, а власть сеймиковыхъ маршалковъ была также слишкомъ слаба.

Конецъ этой гипертрофіи власти сеймиковъ („rządy sejmikowe") положила конституція 1717 г., которая отняла у нихъ значительную часть прерогативъ, особенно финансовыхъ, и цѣликомъ,—военныя, которая, такимъ образомъ, снова свела сеймики почти къ тому же положенію, какое они занимали въ началѣ разсматриваемаго періода.

Конфедераціи.

Государственный строй дополняется конфедераціями. Онѣ появляются вновь послѣ значительнаго промежутка вре-

мени,—ихъ вызвало къ жизни безкоролевье послѣ Сигизмунда-Августа, необходимость создать какія-нибудь формы, которыя замѣнили бы отсутствующую верховную власть въ странѣ. Конфедераціи и удержались, какъ принципіальная основа государственнаго строя страны во время безкоролевья. Къ нимъ-то именно и примѣнялось названіе „каптуровъ", первоначально обозначающее всякую вообще конфедерацію. Но, на ряду съ ними, уже въ началѣ XVII вѣка появляются конфедераціи и при жизни короля. Онѣ либо попрежнему являются союзами, которые призваны замѣнить государственую власть въ томъ случаѣ, если она неспособна выполнить свои задачи (напримѣръ, во время нападенія шведовъ, когда не было короля), либо обращаются и противъ самого короля. Конфедераціи послѣдняго рода основаны на идеѣ полновластія шляхты. Едва только появились такія конфедераціи, какъ политическая литература уже сформулировала ихъ правовую основу, опредѣлила ихъ прерогативы. Конфедерація, какъ представительство совокупности шляхты, охватывая все государство (генеральная конфедерація), стоитъ даже выше короля: король, согласно конституціямъ государства, отвѣтственъ за свои поступки передъ шляхтой. Поэтому конфедераціи хотятъ привлекать къ своему суду даже самого короля. Очевидно, значеніе конфедерацій зависѣло отъ ихъ силы. Иногда короли заключаютъ противъ нихъ и свои собственныя конфедераціи. Отъ силъ обѣихъ конфедерацій зависѣлъ результатъ этой борьбы, т. е. останется ли конфедерація только преступнымъ, направленнымъ противъ государства „рокошемъ", или самъ король примкнетъ къ ней, соединится съ нею и, такимъ образомъ, легализируетъ ее. Конфедераціи дополняютъ парламентарный строй, онѣ — результатъ недостатковъ этого строя.

Обыкновенно конфедераціи возникаютъ сперва въ одномъ воеводствѣ, потомъ къ нему присоединяются и другія воеводства, такъ что иногда, такимъ образомъ, въ конфедераціи объединяется все государство. Во главѣ генеральной конфедераціи обыкновенно стоитъ маршалокъ (одинъ разъ предводительство было вручено гетманамъ). Воеводскія конфедераціи выбираютъ себѣ особыхъ маршалковъ. Позднѣе къ маршалку присоединяли „консиліаріевъ" (совѣтниковъ). Верховнымъ

органомъ конфедераціи была „Вальная Рада", которая, однако, не всегда собирается. Составъ ея соотвѣтствуетъ составу сейма: воеводства выбираютъ въ нее, какъ въ сеймъ, своихъ пословъ. Представляя высшую власть въ государствѣ, Рада признаетъ себя даже сеймомъ — впрочемъ, это бываетъ въ исключительныхъ случаяхъ—и засѣдаетъ, какъ сеймъ. Сила конфедераціи основывается на болѣе тѣсномъ сплоченіи „конфедератовъ", нерѣдко подтверждаемомъ присягой. Конфедерація рѣшаетъ дѣла большинствомъ голосовъ, не признавая единогласія. Хотя конфедераціи часто бывали неизбѣжны, возникали по необходимости и поэтому являлись легальными, все же, въ общемъ, онѣ приносили государству больше вреда, чѣмъ пользы, разбивая и безъ того слабыя узы публичнаго права.

Совѣтники Сената—резиденты

Но королевская власть ограничивалась, особенно въ законодательныхъ вопросахъ, не однимъ только сеймомъ. Кромѣ него, такими же ограничивающими королевскую власть органами являются еще сенатъ и резиденты. Сенатъ, ставшій, послѣ возникновенія сейма, составной частью его, фактически имѣющею меньше значенія, чѣмъ „посольская изба", все-таки продолжалъ сохранять и прежній свой характеръ королевскаго Совѣта. Король не разъ созываетъ сенатъ на „раду" (на „совѣтъ"), чтобы узнать его мнѣніе въ важнѣйшихъ вопросахъ, особенно въ вопросахъ политики. Иногда король, и не собирая Совѣта, письменно сносится съ сенаторами. Однако чаще всего совѣщанія сената происходятъ тотчасъ же послѣ сейма, получая особенно важное значеніе въ томъ случаѣ, если сеймъ былъ „сорванъ". Но эти „паны-рады" (совѣтники) не связываютъ короля. Обыкновенно онъ слѣдуетъ ихъ мнѣніямъ, хотя и не обязанъ слѣдовать. Слѣдовательно, это, дѣйствительно, только „Рада" (Совѣтъ).

Когда же не было ни сейма, ни совѣщанія сената, тогда руководство по всѣмъ вопросамъ оставалось исключительно въ рукахъ короля. Не было органа, который представлялъ бы волю сейма въ промежуткахъ между сеймами. Только „Генриховскіе артикулы" 1573 г. предусматривали такое представительство; нѣсколько лѣтъ спустя (1576 г.), оно было осуществлено и въ жизни. Это—„сенаторы-резиденты". При королѣ было установлено нѣсколько сенаторовъ, которые были обязаны непрерывно пребывать при дворѣ; обя-

занность эта неразъ подчеркивалась конституціями. Въ то время, когда нѣтъ сейма, эти сенаторы должны составлять Совѣтъ короля по всѣмъ вопросамъ. Однако резидентовъ выбирали только изъ состава сената; посольская изба не пріобрѣла въ этомъ отношеніи никакихъ правъ. Резидентовъ первоначально было 16, а съ 1641 г.—28. Обязанности ихъ продолжались два года, т. е. отъ одного ординарнаго сейма до другого; однако они мѣнялись каждые полгода, такъ что постоянно при королѣ находилось сначала—4, а позднѣе—7 резидентовъ. Сенаторы входили въ составъ коллегіи резидентовъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ ней всегда были представлены епископы, воеводы и каштеляны. Однако постановленія ихъ не имѣли обязательной силы для короля: король былъ обязанъ освѣдомляться объ ихъ мнѣніяхъ, но не обязанъ слѣдовать имъ. Зато уже въ 1607 г. было постановлено, что рѣшенія резидентовъ (senatus consulta) должны получать письменную редакцію и прочитываться потомъ въ сеймѣ, что̀, конечно, могло усилить ихъ вліяніе. Только конституція 1717 г. подчинила короля рѣшенію большинства „резидентовъ", если, впрочемъ, ихъ рѣшеніе не противорѣчило закону. Фактически вліяніе короля въ совѣтѣ „резидентовъ" брало верхъ, такъ что въ дѣйствительности они немного стѣсняли его. Гораздо болѣе стѣсняла короля самостоятельность должностныхъ лицъ, которые столь мало зависѣли отъ него.

Должности.

Застой въ развитіи государственныхъ формъ Польши разсматриваемаго періода всего ярче проявляется въ организаціи властей, т. е. именно въ той сторонѣ строя, которая въ то время, подъ вліяніемъ развивающагося абсолютнаго государства, всего сильнѣе выработалась на Западѣ. Должности до XVIII вѣка сохранились въ томъ же самомъ видѣ, какъ онѣ сложились ранѣе, еще при Ягеллонахъ; можно указать развѣ самыя ничтожныя измѣненія. Въ принципѣ, онѣ удержали свой прежній средневѣковой характеръ. А сохранявшій свою силу пунктъ конституціи 1538 г., который говорилъ, что король можетъ устранить чиновника только въ случаѣ преступленій, предусмотрѣнныхъ закономъ, обезпечивалъ должностнымъ лицамъ неприкосновенность, мощное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, нерѣдко вопреки волѣ короля.

Первое мѣсто занимаютъ коронныя и придворныя должности. И въ теченіе этого періода еще нѣтъ такого раздѣленія компетенцій, которое строго отличало бы государственныя дѣла отъ королевскихъ. Важнѣйшими изъ должностныхъ лицъ продолжали быть министры, т. е. тѣ чины, которые входили въ составъ сената, а именно: великіе и придворные маршалки, великіе канцлеры, великіе подканцлеры, равно какъ и подскарбіи—отдѣльные для Короны и отдѣльные для Литвы. Прерогативы ихъ были тѣ же, что̀ и прежде. Маршалокъ расширилъ только свою полицейско-уголовную власть, простирающуюся на мѣстопребываніе короля и окрестности, съ цѣлью устраненія и наказанія всякаго нарушенія порядка. Власть эта особенно усиливается во время сейма. Уже при Сигизмундѣ-Августѣ во время сейма объявлялись такъ называемые „маршалковскіе артикулы“, т. е. полицейско-уголовныя распоряженія въ предѣлахъ власти маршалка. Позднѣе они постоянно прочитывались въ началѣ сейма, а въ 1678 г. даже были напечатаны и помѣщены въ конституціяхъ. Маршалокъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи вооруженную маршалковскую стражу. Власть канцлера тоже не измѣняется, растетъ только количество дѣлъ, которыя переходятъ въ его руки. Вслѣдствіе этого увеличивается его канцелярія, которая ведетъ канцлерскія, event. подканцлерскія книги („метрика“). Въ началѣ этого періода канцлеръ получаетъ постоянное предсѣдательство въ ассессорскихъ судахъ. „Подскарбій“ управляетъ скарбомъ, но съ 1589—1590 гг. уже однимъ только государственнымъ. Однако его значеніе слабѣетъ вслѣдствіе расширенія финансовыхъ прерогативъ сеймовъ, въ связи съ выборомъ „шафарей“, и, наконецъ, вслѣдствіе сильнаго развитія финансовъ воеводствъ. Подканцлеръ замѣщаетъ канцлера, придворный маршалокъ, имѣющій небольшія собственныя функціи, замѣщаетъ великаго. Замѣстителемъ короннаго подскарбія является не состоящій министромъ придворный подскарбій, который, со времени раздѣла скарба (1589—1590 г.), управляетъ уже однимъ только королевскимъ скарбомъ. Однако въ эпоху Саксонской династіи его прерогативы были переданы особой власти, называвшейся „камерой“.

Затѣмъ шли равные министрамъ по вліянію и значенію и даже болѣе ихъ могущественные гетманы, которые, соб-

ственно, не причислялись ни къ коронным, ни къ придворным должностнымъ лицамъ. Въ Коронѣ эти должности окончательно сформировались только въ началѣ разсматриваемаго періода. Послѣ Сигизмунда-Августа вовсе не оказалось гетмановъ, такъ какъ оба они умерли. Въ первый моментъ Великая Польша, Малая Польша и Русь избрали себѣ временныхъ гетмановъ, власть которыхъ, однако, прекратилась послѣ вступленія на престолъ Баторія. Баторій первоначально установилъ гетмана лишь для одного похода, но въ 1581 г.—уже пожизненнаго гетмана; съ тѣхъ поръ и идетъ непрерывный рядъ „великихъ гетмановъ". Должность „польнаго" (полевого) гетмана была возстановлена, лишь нѣсколько лѣтъ спустя, при Сигизмундѣ III. При Сигизмундѣ III окончательно исчезъ и появляющійся въ теченіе всего XVI вѣка особый предводитель придворныхъ „ротъ", называемый „придворнымъ гетманомъ". Гетманы командовали вооруженными силами государства; „польный гетманъ" былъ заместителемъ „великаго". Въ Литвѣ не было перерыва въ существованіи должности гетмана. Если гетмановъ не было, то король назначалъ временныхъ ихъ замѣстителей, которые съ XVII вѣка назывались „региментарями".

Среди другихъ коронныхъ и придворныхъ должностей — всегда особыхъ и для Короны и для Литвы—больше значенія имѣли: великій секретарь, нерѣдко замѣняющій канцлера,—всегда духовное лицо; „референдари", участвовавшіе въ королевскихъ судахъ, въ качествѣ докладчиковъ, позднѣе ставшіе и самостоятельными судьями по дѣламъ королевскихъ крестьянъ; среди военныхъ должностей: „польный писарь", „великій стражникъ", „великій обозный", генералы артиллеріи, установленные съ 1637 г. Почетное значеніе имѣли: подкоморій, хорунжій, мечникъ, конюшій, кухмистръ, подчашій, кравчій, стольникъ и т. д.

Изъ земскихъ должностныхъ лицъ свое сенаторское достоинство удержали воеводы и каштеляны, хотя ихъ прерогативы, попрежнему, были очень невелики. Съ прежними прерогативами остаются и подкоморіи, судьи, подсудки, войскіе, на которыхъ лежитъ попеченіе о женщинахъ во время „посполитаго рушенья", и безъ всякихъ, собственно, прерогативъ—стольники, чашники, мечники и т. д. Все это—потерявшій значеніе пережитокъ старой эпохи. Но при

всемъ томъ, въ теченіе разсматриваемаго періода возникаютъ еще новыя должности. Является одинъ новый воевода и одинъ каштелянъ, именно Черниговскіе (съ 1635 г.), съ тѣхъ поръ какъ черниговская земля досталась Польшѣ отъ Москвы; объ инфлянтскихъ воеводахъ и каштелянахъ рѣчь была уже ранѣе. Но, сверхъ того, сеймовыя конституціи, особенно съ XVII вѣка, создаютъ вновь низшія земскія должности, учреждая ихъ даже въ „повѣтахъ", такъ что въ концѣ этого періода почти каждый „повѣтъ" имѣетъ свою собственную земскую іерархію, особенно же—судью, подсудка, стольника и другихъ низшихъ чиновниковъ.

Дѣйствительнымъ органомъ королевской власти въ воеводствахъ и земляхъ остались старосты. Въ теченіе этого періода они теряютъ прежнее положеніе „королевскихъ раменъ". Старосты не сумѣли превратиться въ настоящіе органы администраціи; наоборотъ, выходя изъ шляхетской среды и будучи солидарными съ нею, они постепенно приняли характеръ какъ бы земскихъ должностей, такъ что конституція 1611 г., установившая послѣдовательный порядокъ земскихъ должностей, включила въ число ихъ и старостъ, помѣстивъ ихъ послѣ подкоморіевъ. Свои судебныя функціи старосты почти сполна передавали подвластнымъ имъ подстаростамъ, гродскимъ судьямъ, писарямъ и т. д. Въ области администраціи старосты, собственно, ограничивались почти только объявленіемъ королевскихъ универсаловъ и исполненіемъ полицейскихъ функцій, притомъ въ небольшихъ размѣрахъ. Финансовой и военной администраціей занимались,— по крайней мѣрѣ, съ XVII вѣка — и сеймики.— Понятіе администраціи въ болѣе широкомъ смыслѣ слова до конца этого періода, да и позднѣе, осталось почти совершенно чуждымъ Польшѣ. Что касается назначенія на должности, то сохраняли свою силу давно уже существовавшія узаконенія по этой части. Удержалось и правило объ „incompatibilitas" должностей, которая въ эпоху Саксонской династіи была расширена въ томъ смыслѣ, что представители одной семьи (фамиліи) не могли занимать двухъ министерскихъ должностей. Должностныя лица отчасти сохранили свое земельное обезпеченіе, отчасти же король давалъ чиновникамъ, вмѣсто постояннаго обезпеченія, и „негродскія староства" (тенуты). Только въ видѣ исключенія, нѣкоторымъ должностямъ было присвоено денежное жалованіе.

Финансы. Въ началѣ разсматриваемаго періода окончательно былъ проведенъ раздѣлъ единаго „скарба“ на два „скарба“. Одни опредѣленные доходы были назначены въ пользу короля, другіе—въ пользу государства. Этотъ раздѣлъ былъ произведенъ сеймами 1589 и 1590 гг. Королю были назначены: часть имѣній, называемыхъ съ тѣхъ поръ „экономіями“, „жупы“ (соляныя копи), олькушская „ольбора“, нѣкоторыя таможенныя пошлины, платежи съ подводъ, наконецъ, доходы съ монетнаго двора. Сигизмундъ III въ 1632 году отказался отъ этого послѣдняго дохода. За государственнымъ „скарбомъ“ осталась вторая часть имѣній—староства и „тенуты“ („королевщины“), которыя частью шли на вознагражденіе чиновниковъ, частью же раздавались въ пожизненное владѣніе, какъ „panis bene merentium“ („хлѣбъ хорошо заслуженныхъ“); какъ съ однихъ, такъ и съ другихъ имѣній тогда платили только „кварту“ (т. е. собственно $^1/_5$ часть доходовъ, сообразно оцѣнкѣ), которая и поступала въ „равскій скарбъ“. Это былъ главный постоянный доходъ государства. Слѣдующій доходъ составляютъ таможенныя пошлины, которыя, при раздѣлѣ „скарба“, отчасти тоже были оставлены въ пользу государства. Хотя пошлины въ теченіе этого періода повышаются и модифицируются, однако онѣ сохранили прежній характеръ транзитныхъ (т. е. какъ отъ вывоза, такъ и отъ привоза) пошлинъ, притомъ исключительно фискальныхъ. Съ 1649 г. появился еще третій источникъ постояннаго дохода. До тѣхъ поръ королевскія и духовныя имѣнія были обязаны давать постой (stacya) войскамъ Речи Посполитой, особенно зимой. Съ 1649 г. эта повинность была замѣнена денежнымъ платежемъ съ лановъ, называемымъ „гиберной“ (зимній хлѣбъ). Однако духовенство взносило эту „гиберну“ въ видѣ опредѣленной валовой суммы. Кромѣ того, источникомъ постояннаго дохода являются: поголовная подать христіанъ и евреевъ, равно какъ и „subsidium charitativum“ духовенства, но лишь съ 1717 г. (см. ниже). Остальные доходы—непостоянны; они идутъ отъ податей, которыя, въ случаѣ нужды, устанавливаются сеймомъ на одинъ годъ, event.—самое большое—на нѣсколько лѣтъ. Главною изъ такихъ податей является, попрежнему, „лановый поборъ“, собираемый съ лановъ, event. и съ сельскихъ предпріятій. Возвышается только размѣръ этого „побора“. Уже при Сте-

фанѣ Баторіи установился нормальный „поборъ“ по 30 грошей съ лана. Такой „поборъ“ считается единицей обложенія и носитъ названіе „симпли“. Однако, въ случаѣ нужды, назначали и двойной „поборъ“ (дуплю), тройной (триплю) и т. д., даже 50-кратный „поборъ“. Этотъ налогъ платятъ только крестьянскіе ланы; шляхтичи платятъ его лишь въ случаѣ обработки земли своими руками („загродовая шляхта“). Этотъ „поборъ“ собирался по особымъ вѣдомостямъ, или тарифамъ. Разъ составленные эти тарифы обычно на долгое время, даже на десятки лѣтъ, служили основой „побора“ (эти тарифы относятся къ 1578, 1629 и 1661—2 гг.). Иногда устанавливался „поборъ съ абъюратами“, т. е. позволялось подтверждать присягой уменьшеніе числа лановъ. Это происходило особенно часто послѣ шведскихъ войнъ. Но тогда увеличивали и размѣръ налога. Съ 1629 г. „поборъ“ замѣняется „подымнымъ“, представляющимъ собой только его модификацію: различіе заключалось въ томъ, что налогъ собирался не съ лановъ, а съ „дымовъ“ („халупъ“, дворовъ — „хижинъ“). И этотъ налогъ собирался по тарифамъ (1629, 1661—1662 и 1681—2 гг.). Но „поборъ“, вытѣсненный „подымнымъ“, позднѣе снова появляется. Съ „поборомъ“ соединялся „шосъ“,— въ качествѣ налога съ городовъ; вмѣстѣ нимъ шосъ и исчезаетъ, уступая мѣсто „подымному“. На евреевъ падала „поголовная“ подать, часто въ общей суммѣ, которую евреи впослѣдствіи сами распредѣляли между собой. Продолжаетъ держаться „чоповое“ (питейный налогъ), какъ косвенный налогъ на потребленіе питей. Съ половины XVII вѣка „чоповое“ отходитъ въ распоряженіе сеймиковъ. Во второй половинѣ XVII вѣка появляется „акцизъ“, установленный, впрочемъ, всего только нѣсколько разъ (1658, 1659 и 1673 гг.), какъ налогъ на торговой оборотъ (драгоцѣнности, хлѣбъ, мѣха и т. д.). „Акцизъ“ былъ дополненъ „шеленжнымъ“ налогомъ (1673 г.), который, собственно, не что иное, какъ прежнее „чоповое“. „Шеленжный“ налогъ удержался до 1717 г. Въ XVI вѣкѣ одинъ разъ появляется „поголовная подать“ („pogłówne“), которую по опредѣленной таксѣ платятъ всѣ, слѣдовательно, и духовенство и шляхта (1590 г.). Но эта подать была отмѣнена тотчасъ же послѣ ея установленія. Съ 1662 г. „поголовная подать“ появляется вновь, часто устанавливается сеймами и, наконецъ, съ 1717 г. становится

постоянной, при чемъ для шляхты она носитъ названіе subsidium charitativum, такъ какъ старались избѣгать названія „поголовная подать“, въ виду оскорбительности его для шляхты. Въ видѣ исключенія, появляются и другія подати, какъ, напримѣръ: мыто съ бойни (1605 г.) и мельничный налогъ (1710 г.) съ мельничныхъ колесъ. Духовенство, въ случаѣ установленія налоговъ, платитъ валовыя суммы, какъ subsidium charitativum. Раскладка этой суммы была дѣломъ самого духовенства.

Въ XVII вѣкѣ сеймики начали заявлять на сеймахъ такъ называемыя „деклараціи“, въ которыхъ они обязывались выплатить извѣстную сумму подати, вычисленную въ соотвѣтствіи съ „поборомъ“ или поголовной податью; съ этого же момента они начинаютъ забирать въ свою пользу и государственные налоги, а именно „чоповое“, и создавать свои новые налоги. Дѣло въ томъ, что сеймики покрывали „заявленную“ ими сумму уже вполнѣ свободно, безотносительно къ источнику дохода. Возникаетъ цѣлая система воеводскихъ податей, какъ-то: различные виды „чоповаго“ (goździowe, czopowe ultimi consumentis), поголовная нешляхетская подать, личная (также поголовная), овчарная (съ овецъ), мельничная (съ мельницъ), поплужная, наемная, процессуальная и т. д. Такимъ образомъ образуется и особый воеводскій „скарбъ“, остающійся въ завѣдываніи сеймика. Сеймикъ выплачиваетъ изъ него деньги на свои собственные расходы, на суточное довольствіе („діэты“) сеймовыхъ „пословъ“, на пожертвованія въ пользу костеловъ и т. д.

Въ 1717 г. была проведена реформа и въ этой области. „Скарбамъ“ воеводствъ, для покрытія ихъ расходовъ, были оставлены только „чоповый“ и „шеленжный“ налоги. Государственные налоги, равно какъ и расходы, были точно опредѣлены (что-то въ родѣ бюджета). Съ той поры изъ податей въ государственную казну постоянно поступаютъ: поголовная подать съ христіанъ и евреевъ, subsidium charitativum отъ духовенства и „гиберна“; всѣ эти подати были предназначены на содержаніе войска, которое должно было само собирать соотвѣтствующія суммы прямо по воеводствамъ, выдавая квитанціи въ полученіи денегъ. Доходы государственнаго „скарба“ съ 1717 г. до конца пе-

ріода остаются неизмѣнными, ибо при саксонской династіи ни одинъ сеймъ уже не установилъ податей.

Управленіе королевскимъ „скарбомъ" съ 1589—1590 гг. принадлежало „придворному подскарбію"; при Саксонской династіи была устроена особая „скарбовая изба" (палата), предсѣдателемъ которой только и былъ этотъ „подскарбій". Государственный скарбъ распался на скарбы: равскій и собственно государственный, подъ управленіемъ короннаго подскарбія. Но „равскій скарбъ" продолжалъ существовать. Изъ государственныхъ доходовъ покрывались главнымъ образомъ расходы на войско и жалованье чиновниковъ, поскольку оно вообще существовало, расходы на посольства и на содержаніе иностранныхъ посольствъ и т. д. Но уже съ 1578 г., на ряду съ подскарбіемъ, появляются особые „шафари", избираемые сеймомъ или сеймиками для выдачи денегъ изъ суммъ, полученныхъ отъ податей. Какъ уже было сказано выше, въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ воеводства начинаютъ удерживать деньги у себя и самостоятельно распоряжаться ими. Контроль надъ „скарбомъ", особенно же надъ расходованіемъ денегъ, поступающихъ отъ податей, принадлежитъ сейму; съ этой цѣлью съ 1613 г. сеймомъ избиралась особая коммиссія, которая, по обычному мѣсту своихъ засѣданій, называлась „радомскимъ трибуналомъ" (финансовымъ). Контроль по воеводствамъ съ половины XVII вѣка производится особыми властями, которыя называются „скарбовыми коммиссіями" (избами, судами). Въ 1717 г., въ связи съ тогдашней реформой воеводскихъ финансовъ, эти коммиссіи были уничтожены; но онѣ появляются еще и позднѣе, хотя и подъ другими названіями.

Суды. Земскіе, гродскіе и подкоморскіе суды продолжали быть шляхетскими судами первой инстанціи. Однако земскіе суды функціонируютъ—особенно съ половины XVII вѣка—очень неудовлетворительно, въ нѣкоторыхъ воеводствахъ не собираются на „роки" даже по сту лѣтъ. Вслѣдствіе этого расширилась дѣятельность гродскихъ судовъ, насколько они могли замѣнить суды земскіе, особенно въ дѣлахъ неспорныхъ. Зато была произведена очень важная реформа высшихъ судовъ. Еще во время двухъ первыхъ безкоролевій, для борьбы съ недостатками королевскихъ судовъ, особенно же съ неспособностью ихъ рѣшать дѣла, по воеводствамъ

были учреждены воеводскіе суды, какъ апелляціонные суды высшей инстанціи, по образцу судовъ 1563 г. Но это было лишь временное средство борьбы со зломъ. Зло было устранено только въ 1578 г., когда былъ созданъ, въ качествѣ высшаго суда, „Коронный Трибуналъ“, производившій судъ поочередно въ Петроковѣ и въ Люблинѣ. Для русскихъ воеводствъ, гдѣ дѣйствовалъ второй Литовскій Статутъ, былъ учрежденъ особый „Луцкій Трибуналъ“, который, впрочемъ, замеръ почти тотчасъ же послѣ начала своей дѣятельности. Въ 1589 и 1590 гг. эти воеводства были отнесены къ Коронному Трибуналу. Въ 1589 г. этому Трибуналу была подчинена и Пруссія. Въ Литвѣ былъ свой особый Трибуналъ, устроенный въ 1581 г. по образцу Короннаго, съ сессіями попеременно въ Новгородѣ-Сѣверскомъ (или Минскѣ) и въ Вильнѣ. Въ составъ трибуналовъ входили депутаты, ежегодно избираемые воеводствами, event. землями, по одному или по два на каждое; выборъ производился на особыхъ сеймикахъ, называемыхъ „Депутатскими“. Сверхъ того, въ составъ Трибунала входили духовныя лица, избираемыя нѣкоторыми капитулами; но они засѣдали на судѣ только по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ одною изъ сторонъ было духовное лицо (тогда они засѣдали въ томъ же числѣ, что̀ и свѣтскіе делегаты). Трибуналъ прежде всего былъ апелляціоннымъ судомъ для низшихъ судовъ. А такъ какъ въ Трибуналъ можно было апеллировать на суды земскіе и гродскіе прямо, минуя посредствующую дистанцію, т. е. вѣча, то эти вѣча, формально и не уничтоженныя, сразу же совершенно исчезли, ставъ лишними. Во второй инстанціи Трибуналъ рѣшаетъ дѣла окончательно; только дѣла духовныхъ лицъ отсылались въ сеймъ, въ случаѣ отсутствія въ Трибуналѣ большинства голосовъ (paritas votorum). Такимъ образомъ образованіе Трибунала уничтожило сохранявшійся до тѣхъ поръ принципъ, что верховнымъ судьей является только король. Однако, на ряду съ этимъ, Трибуналъ рѣшалъ нѣкоторыя дѣла и въ качествѣ суда первой инстанціи; это дѣла о нарушеніи или небрежномъ исполненіи старостами и гродскими чиновниками своихъ обязанностей при отправленіи правосудія. Литовскій Трибуналъ имѣлъ больше такихъ дѣлъ, которыя онъ рѣшалъ въ качествѣ суда первой инстанціи (особенно дѣла, касающіяся религіи).

Трибуналы должны были разрѣшать дѣла на основанiи писаннаго и обычнаго права; въ случаѣ неясности права, они должны были направлять дѣла въ сеймы.

Учрежденiемъ Коронпаго Трибунала была удовлетворена важная нужда: съ той поры онъ, вмѣстѣ съ земскими и гродскими судами, является главной основой отправленiя правосудiя въ Польшѣ. Теперь для сеймовыхъ судовъ осталось сравнительно немного дѣлъ: дѣла публичнаго права (causae iuris communis), собственно уголовныя дѣла (causae mere criminales), наконецъ, нѣкоторыя финансовыя дѣла. Въ составъ этого суда, кромѣ короля, входилъ сенатъ; но уже съ 1578 г. и „послы“ по нѣкоторымъ дѣламъ засѣдаютъ въ сеймовомъ судѣ. Съ теченiемъ времени „послы“ стали принимать участiе вообще во всѣхъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ сеймовымъ судомъ. Измѣнилась компетенцiя и ассессорскаго суда, предсѣдателемъ котораго сталъ канцлеръ. Относительно шляхты этотъ судъ рѣшалъ только нѣкоторыя финансовыя дѣла (менѣе важныя). Рядомъ съ канцлерами, въ ассессорскихъ судахъ засѣдаютъ секретари, референдари и „писаря“, а также сенаторы. Король лично засѣдаетъ въ этихъ судахъ только для рѣшенiя апелляцiонныхъ курляндскихъ дѣлъ. Тогда эти суды называются „реляцiонными“. Жалобы крестьянъ королевскихъ имѣнiй на притѣсненiя старостъ уже въ концѣ XVI вѣка были выдѣлены изъ ассессорскихъ судовъ и переданы на самостоятельное рѣшенiе референдарямъ. Эти суды называются „референдарскими“. Въ эпоху послѣднихъ Ягеллоновъ маршалокъ, замѣщая короля, сталъ исполнять уголовную юрисдикцiю въ мѣстѣ пребыванiя короля, а именно по дѣламъ о нарушенiи общественной безопасности. Такiя дѣла этотъ такъ называемый „маршалковскiй судъ“ разбираетъ и потомъ. Судьями были маршалокъ вмѣстѣ съ избранными имъ же самимъ ассессорами.

Однако во время безкоролевья всѣ суды прекращали свою дѣятельность: они выполняли свои функцiи отъ имени королевской власти, а короля въ этотъ моментъ не было. Правило это было модифицировано только въ томъ отношенiи, что и во время безкролевья въ гродскiя книги позволялось вносить неспорныя дѣла. Но ни одинъ судъ не разбиралъ спорныхъ дѣлъ. Впрочемъ, для поддержанiя общественной безопасности оказалось нужнымъ создать хотя какую-нибудь

судебную власть. Такой властью являются „каптуровые“ суды, учрежденные уже во время перваго безкрулевья. Приговоры этихъ судовъ основывались на той высшей власти, какую имѣли „каптуры“, въ качествѣ конфедерацій. Составъ суда зависѣлъ отъ постановленія „каптура“. Во время первыхъ безкролевій суды эти состояли изъ старостъ и избранныхъ сеймикомъ судей. Во время послѣдующихъ безкоролевій эти суды состояли только изъ избираемыхъ судей, называемыхъ „каптуровыми“, къ которымъ присоединялся земскій судъ (т. е. судья, подсудокъ и писарь), чтобы помогать имъ въ дѣлопроизводствѣ. Число „каптуровыхъ“ судей различается по воеводствамъ, обычно оно увеличивается (хотя и не повсюду), доходя иногда до сотни. „Каптуровымъ“ судамъ передавались почти только дѣла о нарушеніи безопасности во время безкролевья, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ—также и другія дѣла, въ виду ихъ спѣшности (экземпціи имѣній, дѣла о крестьянахъ и т. д.). Эти суды, возникающіе по воеводствамъ и землямъ, дополнялись „генеральнымъ каптуровымъ судомъ“, учреждавшимся во время „элекцій“ для обезпеченія спокойствія и безопасности въ сеймѣ. Этотъ судъ имѣлъ приблизительно такую же компетенцію, какъ и обыкновенные „каптуровые“ суды воеводствъ. „Каптуровые“ судьи избирались сеймомъ.

Во второй половинѣ XVII вѣка появляются неизвѣстные ранѣе „конфедератскіе суды“. Конфедераціи вообще тоже стали предъявлять притязанія на высшую судебную власть; въ частности же, практически осуществила эту претензію во всей странѣ конфедерація 1673 г. Обыкновенные суды прекратились и стали дѣйствовать только „конфедератскіе суды“, образовываемые въ воеводствахъ совершенно точно по образцу „каптуровыхъ“, только съ нѣсколько болѣе широкой компетенціей. „Генеральный“ конфедератскій судъ не былъ учрежденъ, хотя и былъ задуманъ. Однако позднѣйшія конфедераціи уже создавали особые конфедератскіе суды.

Судебный строй въ городахъ и селахъ остался въ своихъ прежнихъ границахъ. Именно, въ городахъ судятъ лава, event. и Совѣтъ. Но ленные и высшіе суды совершенно

исчезли уже въ началѣ этого періода; исключеніе составляютъ судъ высшаго нѣмецкаго права въ Краковскомъ замкѣ, а также судъ шести городовъ. Послѣдній перестaлъ существовать въ началѣ XVIII вѣка, а первый пережилъ и эту эпоху, впрочемъ, рѣшая все меньше дѣлъ, наконецъ, почти ограничившись рѣшеніемъ апелляцій на городскіе краковскіе суды. Апелляціоннымъ судомъ для „приватныхъ" и небольшихъ королевскихъ городовъ сполна стали—часто еще съ XVI вѣка—суды владѣльцевъ городовъ, event. старостъ. Болѣе крупные королевскіе города, сумѣвшіе сохранить бо́льшую независимость, апеллировали прямо въ ассесорскіе суды, главной задачей которыхъ въ разсматриваемый періодъ и является, собственно, рѣшеніе апелляціонныхъ дѣлъ.

Въ деревняхъ, которыя когда-то возникли путемъ локаціи, основой судебнаго строя все еще оставалось нѣмецкое право. Но право это стало, собственно, особымъ обычнымъ польскимъ правомъ, сохранившимъ извѣстныя черты нѣмецкаго права. Лава окончательно утратила свое значеніе; солтысъ, уже не наслѣдственный, а назначаемый паномъ, сталъ представителемъ интересовъ послѣдняго. Апелляціи направлялись къ пану деревни. Вообще эти суды пріобрѣтаютъ характеръ судовъ патримоніальныхъ (Волошское право въ волошскихъ деревняхъ совершенно исчезло). Уже совершенно патримоніальными являются суды въ тѣхъ деревняхъ, которыя не были основаны путемъ локаціи. Крестьяне духовныхъ деревень еще до половины XVII вѣка могутъ обращаться въ епископскіе суды. Въ королевскихъ деревняхъ крестьяне могли жаловаться на старосту и арендаторовъ въ референдарскіе суды.

Еврейскіе суды удержались въ томъ же видѣ, какъ выработались уже ранѣе; это были: по дѣламъ между евреями—суды дайановъ, по дѣламъ христіанъ противъ евреевъ—воеводскіе суды, состоящіе изъ подвоеводы, судьи и писаря. Апелляціи разсматривались воеводой. Въ небольшомъ числѣ сохранились и армянскіе суды.

Войско.

„Посполитое рушеніе" въ принципѣ все еще остается обязательнымъ. Даже повторяются еще постановленія о вознагражденіи за заграничные походы. Сеймъ 1621 г. соста-

вилъ обширную „ординацію“ посполитаго рушенія, на которую потомъ не разъ ссылались. Въ теченіе этой эпохи „посполитое рушеніе“ было созвано всего лишь нѣсколько разъ: оно утратило уже всякое значеніе. Конституціи довольно часто упоминаютъ и о „явкахъ“, но онѣ немного приносили пользы и потому уже во второй половинѣ XVII столѣтія совершенно исчезли.

Вся сила теперь въ наемныхъ войскахъ. Основой ихъ является „кварцяное войско“. Въ случаѣ нужды, наемное войско набирается въ бо́льшемъ количествѣ, ибо обычное количество „кварцяного“ войска было очень незначительно. Наборъ войскъ производится такимъ образомъ: король даетъ ротмистру „позывную грамоту“ (патенты), а онъ старается набирать людей. Главнокомандующими войска были гетманы.

Въ началѣ разсматриваемаго періода пытались еще инымъ способомъ увеличить вооруженную силу, именно, создавая такъ называемую „лановую пѣхоту“ и преобразовывая казаковъ въ военную силу. „Рекрутскую (wybraniecka) пѣхоту“ создаетъ сеймъ 1578 г., постановляя, что королевскіе города и деревни должны отправлять на войну пѣхотинцевъ, смотря по количеству лановъ. Но только конституція 1590 г. точнѣе опредѣлила, что съ каждыхъ 20 лановъ долженъ идти одинъ рекрутъ. Эти отряды назывались „лановой пѣхотой“. Рекрутъ освобождался отъ всякихъ повинностей, которыя должны были платить за него остальные владѣльцы двадцати лановъ. Непріязненное отношеніе старостъ и тенутаріевъ къ этимъ мѣропріятіямъ погубило хорошее учрежденіе. Уже въ 1649 г. было постановлено, что, вмѣсто поставки рекрута, староста обязанъ платить, одновременно съ „квартой“, опредѣленную денежную сумму, потомъ еще повышенную. Такимъ образомъ возникла новая небольшая подать, „лановая“, которая уплачивалась вмѣстѣ съ „квартой“, а рекрутская пѣхота исчезла.

Организація казаковъ началась еще тогда, когда Запорожье принадлежало Литвѣ. Въ Запорожье стекались безпокойные элементы, авантюристы, часто и бѣглецы изъ Польши,—все хорошій и привычный къ войнѣ военный матеріалъ. Уже въ 1528 г. Сигизмундъ I приказалъ образовать изъ казаковъ вооруженный отрядъ для постоянной

стражи на Днѣпрѣ. Этотъ приказъ не былъ исполненъ, какъ не было исполнено и распоряженіе 1541 г. составить реестръ кіевскихъ казаковъ. Только послѣ присоединенія этихъ областей къ Польшѣ Сигизмундъ-Августъ въ 1572 г. далъ казакамъ извѣстную организацію; болѣе подходящіе къ службѣ казаки должны были получать королевское жалованье; всѣхъ же вообще „низовыхъ" казаковъ изъяли изъ-подъ власти старостъ и подчинили „старшему". На этихъ мѣропріятіяхъ основывалось „постановленіе съ Низовья", изданное Баторіемъ въ 1578 г. Король обѣщалъ жалованье сперва 500 казакамъ, затѣмъ 300. Тогда казаки уже имѣли своего выборнаго гетмана, котораго Баторій подчинилъ власти черкасскаго старосты. Въ 1583 г. Баторій измѣнилъ свою ординацію, распорядившись включить въ королевское войско 600 казаковъ. Съ тѣхъ поръ и держится раздѣленіе казаковъ на получающихъ государственное жалованье и не получающихъ его; поэтому первыхъ звали „реестровыми". Иногда къ казачьему вопросу внимательно относятся и конституціи сейма, особенно конституція 1590 г.: „Порядокъ Низовыхъ казаковъ". Однако, когда стали ограничивать свободу казаковъ, начались долгія войны, которыя окончились отпаденіемъ значительной части казаковъ къ Москвѣ. Не помогъ—невыполненный, впрочемъ — гадяцкій договоръ 1658 года, который признавалъ за казаками значительныя права. За Польшей осталась только часть казаковъ, подъ начальствомъ особаго гетмана, или атамана. Въ 1699 г. казачество было окончательно уничтожено.

Слѣдовательно, въ теченіе всего разсматриваемаго періода только рекрутское войско и составляло основу вооруженной силы Польши. Количество его не было постояннымъ, зависѣло отъ потребности, отъ высоты податей, предназначенныхъ на войско. Нерѣдко это войско, за недостаткомъ денегъ не получая жалованья, уже съ конца XVI вѣка соединялось въ военныя конфедераціи, цѣлью которыхъ было принудить правительство къ уплатѣ жалованья. Въ половинѣ XVII вѣка развитіе сеймиковъ ведетъ къ тому, что они начинаютъ самостоятельно нанимать солдатъ, отъ себя назначаютъ ротмистровъ и выдаютъ имъ „позывныя грамоты" (патенты). Это—„повѣтовые солдаты (жолнеры)". Вопросъ о жа-

лованьи былъ урегулированъ только въ 1717 г., когда
войскъ были назначены постоянныя подати, собиравші
по веводствамъ самимъ же войскомъ, съ распиской въ
лученіи денегъ. Подъ вліяніемъ иностранныхъ державъ, та
конституція 1717 г. уменьшила количество войскъ всег
24,000 (16,000—для Короны и 8,000—для Литвы). Но вос
женная сила государства въ концѣ періода не достигал
этой высоты.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ.

Характеристика. Реформы.

Формы, въ которыхъ общество и государство могли жить и развиваться, были изжиты; нужны были реформы, притомъ крупныя. Слѣдовало разбить окостенѣвшія сословныя узы, стѣсняющія свободное развитіе общества, слѣдовало преобразовать государственный строй, въ принципѣ еще сохранявшій всѣ черты среднихъ вѣковъ. Реформы начинаются уже во время послѣдняго безкоролевья, по смерти Августа III. Но онѣ исходятъ не изъ общества, а навязаны ему одной только партіей, при томъ не имѣвшей достаточно силъ для того, чтобы взять на себя столь великую задачу. Въ первое время результаты получались не особенно большіе. Для успѣха реформъ была нужна болѣе глубокая основа, выработавшееся уже сознаніе необходимости этихъ реформъ. Эту задачу выполняетъ просвѣщеніе. Умственныя теченія все сильнѣе дѣйствуютъ на застывшее и сонливое польское общество. Въ борьбу съ укоренившимися понятіями вступаетъ морализирующее теченіе, имѣющее своимъ духовнымъ родоначальникомъ еще Скаргу и поддержанное въ этомъ періодѣ воззрѣніями какъ современной философіи, такъ и новаго экономическаго направленія — физіократизма. Это теченіе стремилось къ поднятію общества, разрушало популярную идею о раздѣленіи общества на замкнутые и сильно отгороженные другъ отъ друга слои, поднимало значеніе труда. Рядомъ съ этимъ теченіемъ шло другое, имѣвшее въ виду уже прямо практическія цѣли переустройства государства. Оно беретъ свое начало въ старыхъ произведеніяхъ польскихъ „статистовъ“ (полити-

ковъ): Карвицкій, Лещинскій, Конарскій—вотъ главные представители его въ XVIII вѣкѣ. Съ этимъ теченіемъ соединяется, поддерживая его, и „камералистическое“ направленіе, которое начинаетъ проникать изъ Германіи и приноситъ выработанныя тамъ понятія о значеніи финансовъ и войска для государства и его могущества. Новыя понятія приносятъ теоріи англійскія (Локкъ) и французскія (Руссо, Монтескье), благодаря которымъ Польша знакомится съ стремленіями къ преобразованію государства въ духѣ полновластія народа и парламентаризма новаго времени. И, наконецъ, въ послѣдніе годы этого періода появляются два великихъ писателя, которые охватываютъ своей мыслью широкіе горизонты, выставляютъ уже всестороннюю программу возрожденія Польши: это—Сташицъ и Коллонтай. Постепенно развивается политическая и памфлетная литература; она все сильнѣе растетъ, врывается въ понятія общества, даетъ новыя воззрѣнія, новыя мысли, новые принципы.

Основные законы. („Кардинальныя права“).

Эти новыя мысли не сразу нашли себѣ выраженіе въ законодательствѣ, какъ не сразу же овладѣли и умами. Идеи сталкиваются, однѣ существуютъ на ряду съ другими. То же самое—и въ правѣ. Эти различія идей отражаются всего ярче въ такъ называемыхъ „кардинальныхъ правахъ“, (основныхъ законахъ) появляющихся въ теченіе этого періода. Подъ именемъ „кардинальныхъ правъ“ разумѣли основные, главные принципы строя, которыхъ нельзя было нарушать или измѣнять иначе, какъ только при извѣстныхъ, очень точно опредѣленныхъ условіяхъ. Впервые такіе законы (права), признанные ненарушимыми, были приняты въ трактатѣ съ Россіей и включены въ конституцію сейма 1768 г.; дополнены же они были въ трактатѣ о раздѣлѣ съ Россіей, подтвержденномъ конституціей 1775 г. Въ этихъ „кардинальныхъ правахъ“ были кодифицированы всѣ основы анархіи, всѣ отжившія учрежденія, препятствовавшія развитію государства: „элекціи“, liberum veto, господство шляхты, крѣпостное право и т. д.

Совершенно противоположный характеръ носятъ „кардинальныя права“, установленныя (нѣсколько разъ) четырехлѣтнимъ сеймомъ. Въ концѣ 1789 г. сеймъ установилъ „основы усовершенствованія формы правленія“. Эти основы,

значеніе которыхъ было чисто теоретическое, должны были составлять опору для послѣдующаго труда надъ преобразованіемъ государственнаго строя. Въ 1790 г. сеймъ принимаетъ „ненарушимыя кардинальныя права“, внесенныя въ городскія книги лишь въ началѣ 1791 года. Они не отличаются полнотой, да и не всѣ они были приняты. Но прежде чѣмъ закончили ихъ выработку, появляется новая „правительственная конституція“, принятая 3 мая 1791 г. и потомъ извѣстная подъ названіемъ „конституціи третьяго мая“. Эта конституція даетъ основныя линіи устройства общества и государства съ его органами. Но онѣ уже не отличаются характеромъ неприкосновенности; правда, сама конституція хочетъ обезпечить имъ длительное существованіе, но она предвидитъ и возможность измѣненій, которыя долженъ произвести, впрочемъ, лишь черезъ 25 лѣтъ, экстраординарный „конституціонный сеймъ“, созванный спеціально для пересмотра этихъ принциповъ государственнаго строя. Составными частями „правительственной конституціи“ были признаны уже ранѣе принятые законы: о сеймикахъ (24 марта 1791 г.) и о городахъ (18 апрѣля 1791 г.). Эти „кардинальныя права“ и особенно конституція 3 мая носятъ характеръ настоящей реформы, видоизмѣняютъ уже не только частности строя, но и весь строй цѣликомъ. Хотя и конституція 3 мая не порываетъ съ прошлымъ, хотя старается, насколько возможно, поддержать связь съ нимъ, особенно во внѣшнихъ формахъ, все-таки самимъ своимъ содержаніемъ она производитъ коренную реформу, преобразовываетъ весь средневѣковой строй Польши въ строй современный. Вотъ характерная черта этой конституціи, и въ этомъ состоитъ ея громадное значеніе въ исторіи правового строя Польши, хотя даже не всѣ ея постановленія могли войти въ жизнь.

Шляхта.

Реформы общественнаго строя должны были начаться ограниченіемъ привиллегій шляхты, стремленіемъ устранить ея безусловное господство. Однако понятіе „шляхетства“ въ принципѣ было удержано. Въ „кардинальныхъ правахъ“ 1768 г. шляхтѣ гарантировались ея привиллегіи, и оговорено было, что шляхетство можетъ быть пожаловано только единогласнымъ рѣшеніемъ сейма. Въ 1775 г. было прибавлено новое условіе: нобилитованные и получающіе индигенатъ обязаны пріобрѣсти земельныя имуще-

ства и при томъ значительной стоимости. Но несмотря на эти ограниченія, число нобилитацій сильно возрастаетъ. Шляхта начинаетъ утрачивать свои исключительныя права. Теперь и она начинаетъ платить таможенныя пошлины. Въ 1775 г. въ Литвѣ было позволено покупать земли и нешляхтичамъ. Въ томъ же году было уничтожено постановленіе о томъ, что шляхтичъ, поселяясь въ городѣ, теряетъ шляхетство. Не-шляхтичей начинаютъ допускать къ должностямъ, впрочемъ, пока только къ нѣкоторымъ (1768 г.). Но лишь постановленія четырехлѣтняго сейма окончательно отмѣнили свободу шляхты отъ податей, отняли у нея исключительность привиллегій. Законъ 1791 г. о городахъ обѣщаетъ нобилитацію тѣмъ изъ горожанъ, которые будутъ принимать участіе въ общественной дѣятельности, въ сеймахъ и коммиссіяхъ, равно какъ и тѣмъ, которые будутъ платить извѣстную высшую сумму подати или же получатъ высшіе чины на военной службѣ. И въ Коронѣ мѣщанамъ позволили покупать земельныя имущества, уничтожая, такимъ образомъ, исключительную привиллегію шляхты; ихъ допустили въ болѣе широкихъ размѣрахъ къ должностямъ и достоинствамъ, доселѣ предоставленнымъ исключительно шляхтѣ („патронизація", т. е. замѣщеніе сторонъ въ судахъ, канцелярскія и военныя должности). Конституція 3 мая, сохраняя въ принципѣ (ст. 2) привиллегіи шляхты, признаетъ за шляхтичами, собственно, лишь почетное первенство „первыхъ защитниковъ свободы и нынѣшней конституціи".

Духовенство и вѣроисповѣданія.

Относительно католической церкви государство стоитъ въ положеніи, занимаемомъ имъ уже въ теченіе ряда вѣковъ. Въ конституціи 1766 г., какъ и въ „кардинальныхъ правахъ" 1768 г. и въ конституціи 3 мая, оно признаетъ католическую религію господствующей въ Польшѣ. Король долженъ быть католикомъ, жена его не можетъ быть коронована, не будучи католичкой. Переходъ изъ католической религіи не разрѣшается, считается „отступничествомъ"; то же гласитъ и конституція 3 мая. Но права церкви въ области землевладѣнія подвергаются еще дальнѣйшимъ ограниченіямъ. Законы 1764, 1768 и 1776 гг. воспрещаютъ даже записи и пожертвованія на руки въ пользу церковныхъ учрежденій; ограничиваютъ имущественныя права постригающихся въ мо-

настырь мужчинъ и женщинъ до $^{1}/_{10}$ причитающейся имъ части и уменьшаютъ чиншъ съ „выдеркафовъ“ духовныхъ имѣній ниже обычной нормы—до $3^{1}/_{2}$% въ Коронѣ и 6% въ Литвѣ. Въ видѣ исключенія, ордену Піяровъ было позволено пріобрѣсти земельныя имущества на извѣстную, опредѣленную сумму, только въ виду заслугъ ордена въ области воспитанія. Послѣ уничтоженія ордена Іезуитовъ (1773 г.), государству достались ихъ владѣнія, изъ которыхъ былъ образованъ фондъ на школьное дѣло. Четырехлѣтній сеймъ пошелъ еще даже далѣе: онъ отобралъ въ „скарбъ“ имѣнія краковскаго епископа, назначивъ ему, взамѣнъ этого, ежегодное жалованье; онъ намѣревался поступить такимъ же образомъ и съ остальными епископствами; но постановленія его не были исполнены.

Относительно некатолическихъ вѣроисповѣданій государство сначала стоитъ на точкѣ зрѣнія правовыхъ ограниченій, не разъ противится расширенію ихъ правъ и, несмотря на давленіе со стороны иностранныхъ дворовъ, даже сокращаетъ эти права. Подъ такимъ давленіемъ сеймъ 1766 г поручилъ епископамъ опредѣлить права диссидентовъ относительно отправленія ими религіозныхъ функцій. Диссидентамъ были сдѣланы извѣстныя уступки, но очень незначительныя. Только трактатъ съ Россіей (въ особомъ первомъ актѣ), подтвержденный такъ называемымъ „Рѣпнинскимъ сеймомъ“ 1768 г., произвелъ радикальныя измѣненія. Диссиденты—какъ протестанты, такъ и дизуниты—были вполнѣ уравнены съ католиками. Въ области вѣроисповѣдныхъ вопросовъ была признана полная свобода каждаго вѣроисповѣданія, отмѣнены всякія ограниченія въ пользу господствующаго исповѣданія, признана возможность смѣшанныхъ браковъ, при чемъ религія дѣтей опредѣлялась религіей родителей (сыновья—по отцу, дочери—по матери). Точно также исчезли всякія ограниченія диссидентовъ въ общественныхъ правахъ, а, слѣдовательно, и относительно занятія должностей, выбора въ „послы“ и т. д. Апелляціи въ спорныхъ дѣлахъ, касающихся вопросовъ вѣры, должны были идти съ обычныхъ судовъ въ специальный смѣшанный судъ (iudicium mixtum), назначаемый королемъ наполовину изъ католиковъ, наполовину изъ диссидентовъ. Однако это, дѣйствительно, почти полное (за исключеніемъ

возможности перехода изъ католицизма въ другое исповѣданіе) равноправіе диссидентовъ существовало недолго. Этотъ вопросъ былъ снова затронутъ и урегулированъ въ трактатахъ о раздѣлахъ, утвержденныхъ конституціей 1775 г. Диссиденты снова были ограничены въ правахъ. Они потеряли право занимать сенаторскія и министерскія должности, въ посольской же избѣ имъ было предоставлено только три мѣста. Однако другія должности остались доступными для нихъ. Бракоразводные процессы, event. процессы о признаніи браковъ недѣйствительными, были предоставлены исключительно католическимъ церковнымъ судамъ, если только одна изъ сторонъ была католической вѣры. Уничтожили „iudicium mixtum“ (онъ, впрочемъ, еще не конституировался), передавъ всѣ дѣла, которыя должны были входить въ его компетенцію, ассессорскому суду, съ обѣщаніемъ приглашать въ его составъ для такихъ дѣлъ половину ассессоровъ изъ диссидентовъ. Однако свобода культа была сохранена, съ небольшими, впрочемъ, ограниченіями, имѣющими характеръ чисто полицейскихъ распоряженій.

Четырехлѣтній сеймъ немного занимался вопросомъ о правахъ вѣроисповѣданій. Конституція 3 мая только въ принципѣ установила свободу „всякихъ обрядовъ и религій“, впрочемъ, согласно конституціямъ страны. Слѣдовательно, пока остались еще въ силѣ ограниченія, введенныя въ 1775 г. Принципы, принятые этой конституціей, были дополнены особыми конституціями. Но относительно правъ исповѣданій такой конституціи не было издано. Только позднѣе (1791 г.) вышло постановленіе о сыновьяхъ духовныхъ лицъ—неуніатовъ, что они пользуются по отцу шляхетскими или мѣщанскими правами, если же отецъ происходитъ изъ крѣпостныхъ, то дѣти все-таки остаются свободными. Была утверждена и внутренняя церковная организація дизунитовъ, проведенная, по распоряженію сейма, на съѣздѣ, засѣдавшемъ въ Пинскѣ въ 1791 году.

›вода. Сравнительно болѣе всего было сдѣлано въ теченіе этого періода для поднятія городского класса. Городами занялись уже на „конвокаціи“ 1764 года; еще до четырехлѣтняго сейма на эти вопросы было обращено вниманіе и въ конституціяхъ 1768 и 1775 гг. О правахъ, данныхъ мѣщанамъ, упомянуто уже раньше; но и „кардинальныя права“ въ

1768 г. еще не признали горожанъ сословіемъ, и даже еще въ 1776 г. былъ изданъ для нихъ lex sumptuaria. Слѣдовательно, всѣ эти распоряженія имѣютъ еще половинчатый характеръ; еще царитъ непріязнь къ городскому сословію. Гораздо больше было сдѣлано для организаціи городовъ въ 1764 г., когда „конвокація" уничтожаетъ „юридики", впрочемъ, только тѣ, которыя не опирались на королевскія привиллегіи или конституціи, и отмѣняетъ всѣ изъятія изъ городского права домовъ, принадлежащихъ шляхтѣ и духовенству. На практикѣ эта конституція, кажется, не вполнѣ осуществилась. Одновременно были уничтожены и всѣ такъ называемыя „exofficia", т. е. обязанность отвода квартиры, напримѣръ, для сеймовыхъ пословъ и т. д., а въ 1768 году — и „сервиторіаты", которые точно также дезорганизовывали городской строй. Тотъ же сеймъ установилъ посылку въ города „люстраторовъ" для повѣрки городскихъ доходовъ, особенно—отъ „пропинаціи", что должно было предупредить частые споры изъ-за „пропинаціи" между городами и старостами. Однако этотъ сеймъ подтвердилъ власть старостъ, столь нежелательную и вредную для городовъ, санкціонируя, такимъ образомъ, положеніе дѣлъ, доселѣ державшееся только на обычаѣ. Удержались и права воеводы относительно цѣнъ, мѣръ и вѣсовъ.

Въ Литвѣ положеніе городовъ было значительно хуже. Съ этимъ печальнымъ положеніемъ старались бороться такимъ образомъ, что въ 1776 г. было отмѣнено магдебургское право, за исключеніемъ 11 самыхъ большихъ городовъ, и такимъ образомъ у городовъ было отнято ихъ самоуправленіе, замѣненное подчиненіемъ ихъ старостамъ, чего нельзя считать удачнымъ шагомъ.

Только четырехлѣтній сеймъ въ широкихъ размѣрахъ осуществилъ реформу городского строя, и эта реформа - одно изъ крупнѣйшихъ его дѣлъ. Сюда относятся четыре конституціи; двѣ 18 апрѣля 1791 г.: „Основы проекта о городахъ", „Наши королевскіе вольные города въ государствахъ Речи Посполитой", затѣмъ 24 и 27 іюня: „Внутреннее устройство вольныхъ городовъ" и, наконецъ, 30 октября 1791 г.: „Устройство городскихъ судовъ и ассессорій". Эти конституціи устраняютъ ограниченія и стѣсненія городовъ, даруя имъ полную свободу. Характерную черту этихъ конституцій со-

ставляетъ и то, что онѣ относятся ко всѣмъ городамъ, одинаково устраивая ихъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ каждый городъ основывалъ свое существованіе и свои права на своихъ особыхъ привиллегіяхъ. Впрочемъ, конституціи касаются только королевскихъ городовъ, которые уже были настоящими городами (городамъ, утерявшимъ локаціонную привиллегію, король выдаетъ новыя), event. такихъ поселеній, которыя конституція признаетъ городами или потому, что въ нихъ собираются сеймики, или потому, что они „придали своему жилищу пристойный видъ города". „Приватные" города уже могли входить въ составъ этой группы городовъ, но только съ согласія своихъ владѣльцевъ.

Горожане получили по этимъ конституціямъ такія права, которыми до сихъ поръ пользовалась только шляхта, а именно: свободу отъ тюремнаго заключенія, пока не будетъ доказана ихъ вина (neminem captivabimus); право пріобрѣтать земли (сопровождаемое подсудностью, по этимъ землямъ, судамъ шляхетскимъ), равно какъ и упомянутое уже право занимать государственныя и земскія должности. Въ предѣлахъ гмины полноправіемъ пользуются владѣльцы-собственники („поссессіонаты"), къ которымъ причисляли и иностранцевъ, открывающихъ въ городѣ ремесленныя заведенія или помѣщающихъ въ городскихъ предпріятіяхъ свои капиталы. Только эти владѣльцы-собственники имѣютъ право участія въ городскихъ собраніяхъ. Но городскимъ правомъ пользуются и лица, не обладающія недвижимымъ имуществомъ или капиталомъ; только для обѣихъ группъ должны вестись отдѣльныя книги городского права. И шляхта можетъ получить городское право, уже не теряя при этомъ своего шляхетства.

Въ небольшихъ городахъ городскія собранія состоятъ изъ всѣхъ владѣльцевъ. Въ болѣе значительныхъ городахъ такія собранія устраиваются по кварталамъ, на которые долженъ былъ раздѣляться городъ (частныя собранія), а общее собраніе состоитъ изъ „гминныхъ", избираемыхъ въ каждомъ случаѣ квартальными собраніями.

Города всей страны раздѣлены на „отдѣлы" („wydziały"). Города, принадлежащіе къ одному отдѣлу, имѣютъ свои особыя общія собранія, которыя состоятъ изъ депутатовъ, выбираемыхъ общегородскими собраніями въ небольшихъ городахъ и квартальными—въ болѣе значительныхъ. На со-

браніяхъ предсѣдательствуютъ директоръ и четыре ассессора, спеціально избираемые на каждомъ собраніи. Обыкновенно собранія происходятъ разъ въ два года, передъ сеймомъ и, кромѣ того, въ случаѣ надобности. Въ компетенцію ихъ входятъ выборы (городской администртціи, судей, полномочныхъ „пословъ" на сеймъ отъ собраній „отдѣловъ"), заслушиваніе отчетовъ депутатовъ и уполномоченныхъ, наконецъ, установленіе „складки", т. е. налога—деньгами или работой, въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, съ предварительнаго согласія на то полицейской коммиссіи.

Городскія должности замѣщаются путемъ выборовъ на два года. Во главѣ города стоитъ магистратъ, который въ незначительныхъ городахъ состоитъ изъ войта и четырехъ совѣтниковъ (radnych), равно какъ и кассира, а въ болѣе значительныхъ—изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ (по числу кварталовъ) и кассира, избираемыхъ общимъ собраніемъ. Во главѣ каждаго квартала стоитъ войтъ. Магистратъ назначаетъ „писаря" и „синдика". Магистратъ является представителемъ города, управляетъ городскими учрежденіями, имуществомъ и кассой, завѣдываетъ полиціей благотворительности и безопасности, и наконецъ, въ узкихъ предѣлахъ отправляетъ судопроизводство (какъ опекунская и дисциплинарная власть). Одновременно магистратъ помогаетъ центральнымъ властямъ, отдаетъ имъ отчеты, раскладываетъ подати и т. д. Президентъ, event. его замѣститель, предсѣдательствуетъ въ магистратѣ, подписываетъ документы, распоряжается городской милиціей и, въ случаѣ надобности, издаетъ временныя распоряженія. Войты по кварталамъ помогаютъ магистрату наблюдать за полиціей.

Автономія городовъ была ограничена отнятіемъ у нихъ права издавать статуты („вилькежи"). По вопросамъ самоуправленія города были подчины сильному контролю центральныхъ властей. Хотя эти узаконенія о городахъ и далеки отъ совершенства, все же они принесли много пользы, вводя въ городской строй гармонію и порядокъ и гарантируя населенію извѣстную самодѣятельность.

„Хлопы" (крестьяне).

Гораздо меньше было сдѣлано для упорядоченія крестьянскихъ отношеній, хотя литература занималась этимъ вопросомъ больше, чѣмъ городами. Что касается крѣпостныхъ отношеній, то въ литературѣ высказывалось требованіе

обезпечить крестьянамъ правовую защиту и даже даровать имъ личную свободу, т. е. возможность ухода изъ деревни, не считаясь съ желаніями „пана“. Что же касается отношенія крестьянина къ землѣ, то желали укрѣпить за нимъ право на землю, впрочемъ, не собственность на землю, а только прочность связи съ ней. Наконецъ, относительно лежавшихъ на крестьянахъ повинностей требовали точнаго опредѣленія ихъ, невозможности, такимъ образомъ, для „пана“ произвольнаго увеличенія ихъ, замѣны повинностей чиншемъ, или, по крайней мѣрѣ уменьшенія ихъ, слѣдовательно, экономическаго подъема обремененнаго „хлопа“ и возбужденія въ немъ охоты къ труду. Реформы проводились или по частной инціативѣ или при помощи государственныхъ узаконеній. Дѣятельность частныхъ лицъ сыграла при этомъ очень важную роль. Повинности уменьшались, точнѣе опредѣлялись, иногда замѣнялись чиншами, а иногда „кметямъ“ даже даровалась личная свобода. Однако эти реформы не могли имѣть очень серьезнаго значенія, ибо охватывали сравнительно только небольшое число деревень, къ тому же исходили собственно отъ той же власти господъ, которую хотѣли ограничить и, слѣдовательно, въ значительной своей части могли быть отмѣнены. Однако и законодательство не много сдѣлало въ первое время: собственно, въ вопросахъ этого рода всего труднѣе было влiять на общественное мнѣніе, ибо стремленіе къ реформамъ вызывало въ шляхтѣ опасеніе за свои доходы.

Еще въ „кардинальныхъ правахъ“ 1768 г. была гарантирована „неприкосновенность dominii et proprietatis владѣльцевъ“, слѣдовательно, и права ихъ надъ крѣпостными. Но все-таки это право было нѣсколько ограничено. Въ конституціи было оговорено, что владѣлецъ не имѣетъ права карать хлопа смертью; если бы хлопъ и заслуживалъ ее, то господинъ долженъ былъ передать его на судъ ближайшаго „грода“ либо города. Былъ уничтоженъ также и денежный штрафъ за убійство хлопа и замѣненъ смертной казнью, даже если убійцей окажется шляхтичъ. Судамъ было предоставлено опредѣленіе размѣра наказанія, въ случаѣ нанесенія раны хлопу. Это былъ все же частичный прогрессъ.

Гораздо дальше идетъ проектъ кодекса законовъ, составленный Андреемъ Замойскимъ, по порученію сейма 1776 г.

Однако этотъ проектъ былъ отвергнутъ сеймомъ 1780 г., главнымъ образомъ изъ-за приведенныхъ пунктовъ о крестьянахъ.

Четырехлѣтній сеймъ обнаружилъ значительную благожелательность къ крестьянамъ, но боялся проводить болѣе широкія реформы. Все-таки въ его конституціяхъ заключаются нѣкоторыя мелкія облегченія для крестьянъ. При устроеніи отношеній въ нѣсколькихъ староствахъ, доставшихся королю, а позднѣе и при продажѣ „королевщинъ", было оговорено точное опредѣленіе повинностей хлоповъ, чтобы, въ случаѣ перехода деревень въ частныя руки, эти повинности не могли испытать увеличеніе; въ королевскихъ имѣніяхъ повинности были еще сравнительно меньше. Свободными признаны были тѣ хлопы, которые отслужатъ въ войскѣ двѣ „капитуляціи", т. е. 12 лѣтъ. Самое важное, прямо принціпіальное значеніе имѣетъ конституція 3 мая, которая опредѣляетъ правовое положеніе хлопа въ своей 4 статьѣ. Она беретъ ихъ подъ защиту права и правительства страны, признаетъ законную силу за всякими договорами, заключаемыми хлопами съ господами, такъ что ни господа, ни ихъ наслѣдники не имѣютъ права одностороннe измѣнять эти договоры; заявляетъ, что иностранцы, поселяющіеся въ Польшѣ, какъ и возвращающіеся въ Польшу бѣглецы, становятся свободными, осѣдая же на чужой землѣ, могутъ заключать договоры, обязательные и для нихъ и для господъ. Коренныхъ измѣненій въ конституціи не заключается. Она стремится къ постепенному урегулированію отношеній пановъ къ хлопамъ путемъ отдѣльныхъ добровольныхъ договоровъ. Слѣдовательно, это скорѣе программа на будущее время. И „покровительство закона", гарантированное конституціей, могло имѣть только теоретическое значеніе, разъ не были установлены власти, осуществляющія это „покровительство", и не былъ точнѣе опредѣленъ видъ этого „покровительства". Но сеймъ уже не издалъ особой конституціи, которая дополнила бы указанную статью.

Правовое положеніе евреевъ въ этотъ періодъ не измѣнилось. Правда, тогда живо занимались и этимъ вопросомъ; *Евреи.* но тому направленію, которое стремилось къ реформѣ, къ ассимиляціи евреевъ, даже съ полнымъ устраненіемъ ихъ правовой обособленности, противодѣйствовало другое силь-

ное теченіе, которое хотѣло ограничить евреевъ, еще сильнѣе отдѣлить ихъ отъ общества, а въ случаѣ возможности— даже и совсѣмъ избавиться отъ нихъ. Конституція 1768 г. лишь постановляетъ, что въ городахъ евреи относительно родовъ своихъ занятій должны сообразоваться съ договорами, которые они уже заключили съ городами, event. должны вновь заключать такіе договоры. Конституція интерпретировалась въ ущербъ евреямъ: ее начали объяснять въ томъ смыслѣ, что евреи не имѣютъ права жить тамъ, гдѣ они не заключили договоровъ. На этомъ основаніи нѣкоторые города въ то время и отдѣлались отъ евреевъ. Чтобы склонить евреевъ къ земледѣлію, въ конституціи 1775 г. были обѣщаны значительныя податныя льготы тѣмъ изъ нихъ, которые сядутъ на пашню; но на практикѣ это почти ни къ чему не повело.

Четырехлѣтній сеймъ выбралъ даже особую коммиссію, которая должна была пересмотрѣть еврейскій вопросъ. Проектъ коммиссіи вообще не былъ подвергнутъ въ сеймѣ обсужденію. Вопросъ этотъ былъ частично урегулированъ резолюціей полицейской коммиссіи 1792 г., изданной вслѣдствіе петиціи евреевъ. На нихъ былъ распространенъ принципъ „neminem captivabimus", какъ общеобязательный; имъ было позволено держать христіанскую прислугу; и, наконецъ, они были обезпечены отъ произвольнаго повышенія повинностей, возлагаемыхъ на нихъ городами. Но было отклонено требованіе подчинить ихъ суду „гражданско-военныхъ коммиссій" или судамъ землевладѣльческимъ. Слѣдовательно, еврейскій вопросъ съ юридической стороны не былъ урегулированъ; старыя узаконенія пока сохранили свою силу.

…сударственный …рой.

Въ теченіе этого періода Польское государство попадаетъ въ извѣстнаго рода зависимость отъ другихъ государствъ, въ формѣ такъ называемой „гарантіи". Въ первый разъ это понятіе появляется въ трактатахъ съ Россіей, подтвержденныхъ сеймомъ 1768 г. Трактатъ гарантируетъ „кардинальныя права", способъ голосованія въ сеймахъ, права диссидентовъ, такъ что на всякія измѣненія сначала должно было испрашиваться особое согласіе Россіи. Пришелъ первый раздѣлъ. Польша утратила въ пользу Пруссіи: Королевскую Пруссію, за исключеніемъ Гданска и Торуня; въ пользу

Австріи: русское воеводство (безъ Холмской земли) и части Краковскаго и Сандомірскаго воеводствъ (по правому берегу Вислы); въ пользу Россіи: Инфлянты (за исключеніемъ части, которая отнынѣ представляетъ эту область) и цѣликомъ или въ значительной части воеводства: Витебское, Полоцкое, Минское и Мстиславское, въ общемъ—приблизительно одну треть своихъ территорій и населенія. Государства, участвовавшія въ раздѣлѣ, гарантируютъ Польшѣ неприкосновенность оставшейся у нея территоріи, а Польша, со своей стороны, гарантировала имъ то же самое (однако съ извѣстными оговорками). Впрочемъ, гарантія этихъ государствъ простирается на строй Польши и на постановленія — по крайней мѣрѣ, важнѣйшія—такъ называемаго „делегаціоннаго“ сейма 1773—1775 гг., который подтвердилъ эти трактаты о раздѣлѣ. Поэтому, для важнѣйшихъ измѣненій въ въ строѣ (напримѣръ, въ 1776 г.), требовалось предварительное согласіе дворовъ. Однако вопросъ о гарантіи строя Польши не былъ опредѣленъ съ достаточной полнотою. Совершенно противоположное разъясненіе ея даютъ двѣ декларацiи: русская, 5 ноября 1788 г., признающая для нея очень широкія границы, и прусская, 29 ноября 1788 г., подтверждающая, что гарантія не касается внутреннихъ отношеній Польши и не можетъ стѣснять ихъ реформы. Четырехлѣтній сеймъ 28 сентября 1790 г. постановилъ, что не признаетъ никакой гарантіи, и что тотъ, кто будетъ ссылаться на нее, будетъ признанъ врагомъ Польши. Это постановленіе вошло въ составъ „кардинальныхъ правъ“, въ видѣ VII статьи ихъ. Очевидно, это было только одностороннее опредѣленіе вопроса о гарантіи. На точкѣ зрѣнія полной свободы, непризнанія никакой гарантіи, стоитъ и конституція 3 мая; впрочемъ, въ ней нѣтъ ни одного отчетливаго опредѣленія по этому вопросу.

Съ точки зрѣнія внутренняго строя Польша и въ теченіе этого періода состоитъ еще изъ двухъ государствъ, связанныхъ уніей. Однако эта унія принимаетъ все болѣе тѣсный характеръ, ибо появляются уже центральныя власти, дѣятельность которыхъ простирается какъ на Польшу, такъ и на Литву („Постоянный Совѣтъ“—Rada nieustająca, „Эдукаціонная коммиссія“). Еще далѣе пошелъ четырехлѣтній сеймъ, который не только издаетъ одну правительственную кон-

ституцію для обоихъ государствъ, но и создаетъ, на основаніи этой конституціи, уже принципіально общія центральныя власти. Октябрская конституція 1791 г. принципіально нормировала эти взаимныя отношенія двухъ частей государства, какъ „взаимное поручительство обоихъ народовъ“. Обѣ половины должны имѣть общее правительство, общій „скарбъ“ и общее войско. Обѣ половины сохраняютъ особыхъ министровъ, но въ одинаковомъ количествѣ; однако власть, порученная каждому въ отдѣльности министру, простирается на все государство. Польша и Литва имѣютъ по равному количеству членовъ въ „Большихъ коммисcіяхъ“ (за исключеніемъ полицейской). Что касается финансоваго управленія, то на Литвѣ должна была существовать отдѣльная касса и особый высшій „скарбовый судъ“. Такъ вмѣсто двухъ государствъ, соединенныхъ уніей, было создано одно, уже объединенное, государство.

Изъ ленныхъ государствъ за Польшей остались, вплоть до третьяго раздѣла, княжество Курляндское и Семигалльское, правовыя отношенія котораго въ Польшѣ не подверглись измѣненію.

Королевская власть.

„Кардинальныя права“ 1768 г. подтверждаютъ какъ принципъ „элекціи“ вообще, такъ, въ частности, и принципъ „элекціи“ viritim, равно какъ и единогласія выбора. „Кардинальныя права“ 1775 г. пошли еще далѣе: они провозгласили, что королемъ можетъ быть только полякъ, и что „сыновья и внуки не могутъ занимать престолъ непосредственно (immediate) послѣ отца“, что такое занятіе допустимо развѣ только послѣ двухъ промежуточныхъ царствованій. Принципъ „элекціи“ принимаютъ и всѣ политическіе писатели, стараясь въ своихъ проектахъ только смягчить опасности безкролевій. Элекція санкціонируется и „Основами формы правленія“ 1789 г. и „Неприкосновенными кардинальными правами“ 1791 г. Однако высказывались и за элекцію преемника еще при жизни короля. 20 сентября 1790 г. было рѣшено справиться о мнѣніи по этому вопросу народа, т. е. сеймиковъ, и было получено согласіе на то, чтобы самый способъ элекціи рѣшался на основаніи трехъ четвертей всѣхъ инструкцій. Всѣ сеймики конца 1790 г. согласились на „элекцію“ при жизни короля, но лишь немногіе изъ нихъ высказались въ пользу наслѣдственности королевской власти.

Положеніе короля и его права въ теченіе этого періода подверглись новымъ ограниченіямъ. „Кардинальныя права" 1768 г. признали короля особымъ „чиномъ"—сословіемъ (stan), на ряду съ сенатомъ и „посольской избой", такъ что безъ его согласія никакая конституція не могла быть окончательно принята; сохранилась и отвѣтственность короля въ томъ видѣ, какъ она опредѣлена была уже прежде. Много потерь понесла и исполнительная власть короля. Съ образованіемъ, вмѣсто резидентовъ, „Постояннаго Совѣта" (Rada nieustająca), король долженъ былъ сообразоваться съ рѣшеніемъ большинства этого Совѣта, чиновниковъ же онъ могъ назначать только изъ тѣхъ трехъ кандидатовъ, которыхъ предлагалъ ему Совѣтъ. Послѣ уничтоженія Совѣта (1789 г.), король возвратилъ себѣ вновь право выбора чиновниковъ. Но зато почти всѣ остальныя дѣла снова перешли къ коммиссіямъ, а дипломатическія дѣла, на которыя король въ Совѣтѣ могъ всего больше вліять, именно теперь и были поручены новой коммиссіи, даже не обязанной сноситься съ королемъ.

На иныхъ принципахъ была обоснована королевская власть въ конституціи 3-го мая. Эта конституція вводитъ наслѣдственность престола, призвавъ на него саксонскаго курфюрста Фридриха-Августа, а послѣ его смерти—дочь его и ея мужское потомство. Король неотвѣтственъ; однако акты, издаваемые отъ имени короля, должны быть скрѣплены („контрасигнированы") однимъ изъ министровъ, который въ этомъ случаѣ и несетъ отвѣтственность за нихъ. Въ области законодательной власти король былъ лишенъ самостоятельнаго значенія: у него было отнято право санкціи, и, взамѣнъ того, ему предоставлено только право имѣть 2 голоса въ сенатѣ. Зато значительно была усилена исполнительная власть государя,—было создано сильное правительство. „Стража", которая является высшей властью, по отношенію къ королю оказывается только совѣщательнымъ органомъ, не связываетъ его никакими постановленіями, если только одинъ изъ министровъ кантрасигнируетъ его распоряженія. Королю было вручено и верховное командованіе арміей; онъ назначаетъ и предводителей, въ случаѣ войны. Въ области суда, который вершился отъ имени короля, за нимъ было признано право помилованія, хотя и въ ограниченномъ размѣрѣ. Слѣдовательно, королевская власть,

несмотря на ограниченія ея въ законодательной области, вообще получила теперь больше силы и значенія.

Сеймы и сеймики. Сеймы и сеймики имѣли многочисленныя и важныя задачи. Поэтому неудивительно, что реформы, на ряду съ должностями, въ сильной степени занимаются и вопросомъ о парламентарномъ строѣ. Однако, несмотря на это, строй этотъ колебался; коренную реформу принесла только конституція 3-го мая и другія дополнявшія ее конституціи.

Число сенаторовъ даже нѣсколько возрастаетъ вслѣдствіе включенія въ сенатъ, на положеніи министровъ, великихъ и польныхъ гетмановъ (1768) и придворныхъ подскарбіевъ (1775 г.). Появился одинъ новый воевода и нѣсколько вновь учрежденныхъ каштеляновъ. Несмотря на раздѣлъ Польши, сенаторскія и земскія достоинства утраченныхъ воеводствъ все-таки продолжали существовать, имѣя, конечно, чисто титулярное значеніе. Сенатъ не досчитывался всего лишь нѣсколькихъ епископовъ—зато въ 1790 г. получилъ въ немъ мѣсто кіевскій уніатскій митрополитъ. Въ 1768 г. сенаторовъ насчитывается 153; послѣ раздѣла въ 1775 г.— 154; и наконецъ, съ 1790 г.—155. Число членовъ посольской избы еще возрасло, благодаря увеличенію „пословъ“ изъ нѣкоторыхъ областей. Въ 1764 г., наконецъ, было опредѣлено количество пословъ изъ Пруссіи, съ назначеніемъ двухъ пословъ для каждаго повѣта. На сеймѣ 1768 г. всѣхъ пословъ насчитывается 226 (135—изъ Короны, 49—изъ Литвы, 6—изъ Инфлянтъ и 46—изъ Пруссіи). Послѣ раздѣла количество пословъ уменьшилось лишь въ зависимости отъ сокращенія числа сеймиковъ, ибо если воеводство, земля или повѣтъ и уменьшались въ своихъ размѣрахъ, то число пословъ оставалось прежнимъ. Сильнѣе чувствовалась только убыль многочисленныхъ прусскихъ пословъ. Однако для нѣкоторыхъ земель снова увеличили количество пословъ, такъ что „изба“ послѣ раздѣла состоитъ изъ 177 членовъ (123 изъ Короны, 48 изъ Литвы, 6 изъ Инфлянтъ). Четырехлѣтній сеймъ съ конца 1790 г. засѣдалъ въ двойномъ составѣ, т. е. насчитывалъ 354 посла.

Реформы устройства сеймовъ касаются способа дѣлопроизводства, слѣдовательно —„регламента“, и вопроса объ единогласіи. Уже „конвокація“ 1764 г. установила порядокъ засѣданій сейма, въ которомъ вполнѣ точно были опредѣ-

лены послѣдовательныя стадіи работъ сейма. Регламентъ основывается на практикѣ, не вводя почти никакихъ новшествъ; дѣло шло о томъ, чтобы устранить безпорядокъ и ускорить ходъ засѣданій. Самой важной реформой было подраздѣленіе дѣлъ въ засѣданіяхъ посольской избы (послѣ того, какъ обѣ избы разойдутся): прежде всего должны идти „дѣла престола", изложенныя въ королевскихъ универсалахъ на сеймики; потомъ—„дезидеріи" (т. е. предложенія пословъ), касающіяся всей страны, и, наконецъ, только послѣ всего этого—privata, относящіяся къ отдѣльнымъ воеводствамъ, землямъ или лицамъ. Регламентъ дѣлаетъ оговорку, что нельзя начинать новаго дѣла, пока не будетъ рѣшено то, которое дебатируется. Кромѣ того, посламъ было запрещено принимать инструкціи подъ присягой. Но зато почти не былъ затронутъ принципъ единогласія: принципъ большинства голосовъ былъ введенъ лишь относительно рѣшеній, касающихся финансовыхъ дѣлъ, при томъ второстепеннаго значенія.

И послѣдующіе сеймы (коронаціонный 1764 г., сеймъ 1766 г.) издаютъ мелкія распоряженія, дополняющія регламентъ 1764 г., но не имѣющія большого значенія. Новую реформу предпринимаетъ сеймъ 1768 г. Онъ устанавливаетъ новый, очень обширный регламентъ засѣданій. Но и этотъ регламентъ не приноситъ серьезныхъ перемѣнъ. И въ немъ удержанъ прежній порядокъ отдѣльныхъ стадій засѣданій, почти что совершенно совпадающій съ регламентомъ 1764 г.; не устранены были даже излишнія формальности, какъ, напримѣръ, сенаторскіе „воты", которые, впрочемъ, были нѣсколько ограничены. Дѣлались попытки нѣсколько усилить власть маршалка, но это не было достаточной реформой. Самыя важныя измѣненія касаются подраздѣленія всѣхъ дѣлъ на двѣ группы: 1) вопросы status и 2) вопросы экономическіе. Для экономическихъ вопросовъ былъ принятъ принципъ большинства голосовъ. Чтобы проектъ сталъ конституціей, требовалось большинство голосовъ какъ въ посольской избѣ, такъ и въ сенатѣ и, очевидно, еще согласіе короля. Въ вопросахъ status оставлено было въ силѣ единогласіе, что даже было признано „кардинальнымъ правомъ". Veto уничтожаетъ всѣ предварительно уже принятыя рѣшенія по вопросамъ status; но оно не касается рѣшеній по экономическимъ вопросамъ,

такъ что эти рѣшенія остаются въ силѣ, даже въ случаѣ „срыва“ сейма. Слѣдовательно, это уже былъ шагъ впередъ, правда, не слишкомъ большой. Дѣло въ томъ, что къ области status относили слишкомъ много такихъ вопросовъ, которые имѣли первостепенное значеніе для существованія государства, а именно: возвышеніе или вообще измѣненіе податей и тарифовъ, увеличеніе количества войска, заключеніе договоровъ, торговыхъ трактатовъ, объявленіе войнъ, созывъ „посполитаго рушенія“ и т. д., даже нобилитаціи и индигенаты. Слѣдовательно, пользы отъ принятія принципа большинства голосовъ на практикѣ оказалось не слишкомъ много. Зато уже совершенно вредное вліяніе оказывало принятое для засѣданій сейма правило о томъ, чтобы обсужденіе проектовъ велось categoriatim, т. е. по отдѣльнымъ частямъ и пунктамъ проектовъ. Вслѣдствіе этого правила пренія, которыя и безъ того отличались безпорядочностью и затяжнымъ характеромъ, теперь сдѣлались еще болѣе продолжительными. Постановленія же о власти маршалка (1764 и 1768 г.) мало помогли горю, ибо ими не пользовались; попрежнему каждый говорилъ, что̀ хотѣлъ и сколько хотѣлъ.

Реформа 1768 удержалась до четырехлѣтняго сейма. Однако на практикѣ найдены были способы частичнаго оздоровленія сложившихся отношеній, особенно устраненія принципа единогласія, именно при помощи „конфедераціи“ и „делегаціи“. Сеймы, собирающіеся во время существованія конфедераціи (именно сеймы 1764—1768 г.), признаются „завязанными“ этой конфедераціей и, слѣдовательно, дѣлаютъ постановленія большинствомъ голосовъ. Они засѣдаютъ такъ же, какъ и другіе, обычные, сеймы, съ тою только разницей, что обѣ избы не расходятся, а засѣдаютъ вмѣстѣ. Но теперь появляется неизвѣстное доселѣ новшество: сеймъ можетъ и самъ превратиться въ конфедерацію, хотя бы въ странѣ и не было „генеральной конфедераціи“. Конфедерація или заключается послами, — и тогда къ ней примыкаютъ другіе послы, а также и король (сеймы 1773—1775, 1788—1792 гг.), или же „завязывается“ королемъ въ „Постоянномъ Совѣтѣ“, передъ собраніемъ сейма, а тогда уже и послы присоединяются къ конфедераціи, что̀ обезпечиваетъ королю больше вліянія на конфедерацію (1776 г.). Въ засѣданіяхъ предсѣдательствуетъ маршалокъ конфедераціи. Слѣдовательно, и не

устраивая въ странѣ конфедераціи, можно было воспользоваться ея выгодами, т. е. принципомъ большинства голосовъ на сеймѣ. Конфедератскіе сеймы не были связаны опредѣленнымъ въ конституціяхъ срокомъ засѣданій — иногда они длятся по нѣскольку лѣтъ (делегаціонный сеймъ 1773—1775 гг., четырехлѣтній сеймъ 1788—1792 гг.).

Для облегченія, а точнѣе — для сокращенія засѣданій возникаетъ новая форма, такъ называемая „делегація". Впервые она вводится — по политическимъ соображеніямъ — сеймомъ 1768 г.; она повторяется на сеймѣ 1773—1775 гг.; очень часто пользуется ею и четырехлѣтній сеймъ. Избранная сеймомъ коммиссія либо получала право изготовить конституцію, при томъ на правахъ сейма, такъ что сейму потомъ приходилось только прослушать ея постановленія, — либо имѣла порученіе приготовить извѣстный проектъ, такъ что сеймъ потомъ могъ или принять его цѣликомъ, или цѣликомъ же отвергнуть, или, наконецъ, отослать обратно въ коммиссію для исправленія, но ни въ какомъ случаѣ не могъ самъ обсуждать отдѣльныхъ пунктовъ проекта. Такимъ-то образомъ пытались отъ случая до случая устранять принципъ обсужденія categoriatim. Четырехлѣтній сеймъ особенно часто пользовался этой формой, пока не установилъ, наконецъ (январь 1791 г.), — но только спеціально для себя, на время своего существованія — „торжественнаго ручательства за порядокъ въ избѣ". Въ этомъ „ручательствѣ" число рѣчей каждаго посла по одному и тому же вопросу было ограничено—самое большое—двумя, было оговорено, что нельзя прерывать обсужденіе одного дѣла для дебатированія другого и распускать засѣданіе до окончательнаго принятія проекта или отдѣльнаго его пункта. Проекты конституцій должны были раздаваться посламъ за три дня до ихъ обсужденія. Первое голосованіе полагалось явное, а затѣмъ только уже второе было — тайнымъ. Но и послѣ этой конституціи, которая нѣсколько облегчила ходъ засѣданій сейма, всетаки не сумѣли сдерживать болтовни „пословъ".

На ряду съ реформами сейма появляются въ этотъ періодъ и попытки реформы сеймиковъ. Усилія въ этомъ направленіи замѣчаются уже на обоихъ сеймахъ 1764 г., т. е. „на конвокаціи" и на коронаціонномъ сеймѣ, а также на сеймѣ

1766 г. Конституціи напоминають и утверждають предыдущія конституціонныя постановленія, которыя ввели въ цѣломъ рядѣ воеводствъ принципъ большинства голосовъ, въ случаѣ „элекціи", и лишали безземельную шляхту участія въ сеймикахъ. Эти постановленія были распространены и на нѣкоторыя другія воеводства, пожелавшія этого. Слѣдовательно, это былъ извѣстный шагъ впередъ. Но только сеймъ 1768 г. провелъ реформу въ болѣе широкихъ размѣрахъ, примѣнивъ ее уже ко всѣмъ сеймикамъ. Однако конституціи допустили къ участію въ сеймикахъ не только „поссессіонатовъ", но и безземельныхъ шляхтичей, если только они были въ воеводствѣ „фамиліантами", т. е. издавна проживали въ немъ; иначе говоря, онѣ оставили въ сеймикахъ „шляхту-голоту", участіе которой было крайне нежелательно. Зато, наконецъ, принципъ большинства голосовъ былъ проведенъ въ жизнь уже не только при „элекціи", но и при составленіи инструкцій и „lauda". Такимъ образомъ принципъ единогласія былъ совершенно устраненъ съ сеймиковъ. Уничтожены были и остатки финансовыхъ прерогативъ сеймиковъ, такъ какъ имъ было запрещено назначать какія-либо подати. Эта конституція покончила съ прежнимъ „правленіемъ сеймиковъ" („rządy sejmikowe").

Но реформа въ духѣ новаго времени, реформа, которая преобразовала идею польскаго парламентаризма, при всемъ сохраненіи давно уже выработанныхъ формъ его, была совершена постановленіями о сеймахъ и сеймикахъ въ конституціи 3-го мая и въ трехъ конституціяхъ, дополнившихъ и развившихъ эту реформу; это—конституціи: 1) 24-го марта 1791 г., подъ заглавіемъ: „Сеймики", составляющая интегральную часть конституціи 3-го мая; 2) 12 и 16 мая, подъ заглавіемъ: „Сеймы", и 3) 27-го мая того же года, подъ заглавіемъ: „Конституціонный экстраординарный сеймъ". Сеймъ долженъ быть всегда „готовымъ"; это значитъ, что депутаты избираются не на одинъ только сеймъ, а на извѣстный періодъ времени—на два года, такъ что, на ряду съ установленными закономъ законодательными сеймами, созываемыми каждые два года въ опредѣленный день, въ случаѣ необходимости, сеймъ можетъ, по призыву короля, собраться и въ любое время. Законодательный сеймъ долженъ про-

должаться 70 дней (не считая праздниковъ), но можетъ быть продленъ и до 100 дней. Онъ засѣдаетъ въ Варшавѣ, на третій же годъ—въ Гроднѣ. „Готовый" сеймъ собирается въ случаяхъ необходимости, по вопросамъ международнаго права (напримѣръ, войны), въ случаяхъ смуты, опасности, голода, смерти или тяжкой болѣзни короля, наконецъ, въ случаѣ столкновенія между королемъ и „Стражей" или между „Стражей" и коммиссіями. Если король не собираетъ сейма, то это можетъ сдѣлать маршалокъ сейма, ради этого, главнымъ образомъ, и засѣдающій въ „Стражѣ". Такой сеймъ обсуждаетъ только тотъ вопросъ, ради котораго онъ собранъ, и постановленія его имѣютъ только временную силу, до обыкновеннаго законодательнаго сейма, который долженъ утвердить ихъ. Черезъ 25 лѣтъ послѣ принятія конституціи 3-го мая долженъ былъ собраться конституціонный сеймъ, предназначенный для пересмотра принциповъ „правительственной конституціи", которыхъ нельзя было измѣнить въ теченіе этого періода времени.

Сеймъ долженъ былъ, попрежнему, состоять изъ короля, сената и „посольской избы". Но король имѣлъ въ сенатѣ только одинъ голосъ и лишь въ случаѣ равенства голосовъ—два голоса, т. е. онъ былъ лишенъ права санкціи. Въ составъ „посольской избы" входило 204 избираемыхъ сеймиками „пословъ", а также 21 (позднѣе 24) городскихъ „уполномоченныхъ", избираемыхъ собраніями „отдѣловъ", но безъ рѣшающаго голоса; сенатъ составлялся изъ воеводъ и каштеляновъ, но уже въ меньшемъ числѣ—102,—а также изъ епископовъ и министровъ, которые, впрочемъ, невсегда имѣли рѣшающій голосъ (всего—132 человѣка). Но сенатъ не получилъ такого значенія, какъ „посольская изба". Это проявлялось въ способѣ голосованія. Среди законовъ, устанавливаемыхъ сеймами, отличали основные законы („фундаментальныя права"), которые могъ измѣнять лишь конституціонный сеймъ, и „общіе законы", къ которымъ причисляли конституціонные, гражданскіе и уголовные законы и установленіе „реальныхъ" налоговъ, равно какъ и другіе законы, принимаемые „постановленіями" („uchwały") сейма. Въ „конституціонныхъ" сеймахъ дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ какъ сената, такъ и „избы". „Общіе законы" („права") принимаются въ избѣ

на ряду съ избраніемъ пословъ на сеймъ, должны были составлять для нихъ инструкціи. Однако инструкціи теперь касаются только „общихъ правъ“ (законовъ, не „постановленій“); если предположены измѣненія „общихъ правъ“, то король долженъ представить ихъ на сеймики. Кромѣ того, инструкціи заключаютъ пожеланія воеводствъ и повѣтовъ. Однако инструкція не связываетъ посла въ голосованіи. Только реляціонный сеймикъ можетъ лишить „посла“ его посольскаго званія (посредствомъ тайнаго голосованія). „Господарскіе“ (хозяйственные) сеймики обсуждаютъ нужды воеводства, но не имѣютъ права устанавливать подати. Всѣ постановленія принимаются большинствомъ голосовъ.

Конституція о сеймикахъ вошла въ жизнь, хотя дѣйствовала недолго. Но конституціи, касающіяся сеймовъ, имѣли только теоретическое значеніе. Уже ни одинъ сеймъ не собрался и не совѣщался на основаніи этихъ конституцій. Но онѣ очень важны, въ качествѣ памятника коренного преобразованія парламентарныхъ теорій въ Польшѣ.

Должности. Административныя реформы, произведенныя за этотъ періодъ, еще до четырехлѣтняго сейма, касаются почти исключительно реорганизаціи центральныхъ властей или, точнѣе, созданія новыхъ такихъ властей. Однако реформы почти не коснулись властей провинціальныхъ—земскихъ и гродскихъ. Появилось еще одно новое воеводство (Гнѣзненское, въ 1768 г.); появились новыя каштелянства и низшія земскія должности для нѣсколькихъ уѣздовъ. Относительно старостствъ единственной реформой была такъ называемая „эмфитевтическая реформа“ 1775 г. „Гродскіе старосты“ были лишены управленія имѣніями, земельнаго обезпеченія и стали получать содержаніе изъ „скарба“; но предѣлы ихъ власти остались неизмѣнными. Избраніе старостъ было передано сеймикамъ. Однако эти узаконенія были проведены лишь постепенно, по мѣрѣ исчезновенія тѣхъ, въ чьихъ рукахъ были староства въ моментъ изданія закона. Реформа этимъ и ограничилась, хотя именно власть старостъ и требовала особенно коренного преобразованія.

Изъ центральныхъ должностей наиболѣе потеряли значенія, благодаря реформамъ, именно министерскія, къ которымъ тогда причисляли уже и гетмановъ и „придворныхъ (надворныхъ) подскарбіевъ“. Путемъ уменьшенія власти канц-

церовъ и event. маршалковъ, были опредѣлены компетенція и составъ ассессорскихъ (1764 г.) и маршалковскихъ (1766 г.) судовъ. Маршалокъ былъ лишенъ управленія дворомъ (1766 г.). Остальныя функціи канцлеровъ и маршалковъ, равно какъ „подскарбіевъ“ и гетмановъ, почти цѣликомъ перешли къ созданнымъ вновь коллегіальнымъ властямъ; а права этихъ должностныхъ лицъ были ограничены почти однимъ только предсѣдательствомъ въ этихъ новыхъ органахъ государственной власти.

Такими новыми властями являются такъ называемыя „Большія коммиссіи“ и „Постоянный Совѣтъ“. Реформы эти соотвѣтствуютъ административнымъ преобразованіямъ, уже давно, начиная съ XVI столѣтія, произведеннымъ на Западѣ. Впрочемъ, на Западѣ реформы исходили отъ государя, имѣли цѣлью усиленіе его власти. Въ Польшѣ онѣ имѣютъ иной характеръ, ибо исходятъ отъ того фактора, который одержалъ верхъ надъ королемъ, отъ шляхты, представителемъ которой и былъ сеймъ. „Конвокаціей“ 1764 г. были установлены коммиссіи: двѣ „скарбовыя“—для Короны и Литвы и одна военная — для Короны; на коронаціонномъ сеймѣ и для Литвы была создана особая военная коммиссія, совершенно по образцу коронной; въ 1775 году была учреждена „эдукаціонная коммиссія“. Во главѣ „скарбовой“ коммиссіи стояли „великіе подскарбіи“ и, какъ ихъ замѣстители, „придворные (надворные) подскарбіи“; въ составъ ея входили сенаторы и члены рыцарскаго сословія—шляхты (въ общемъ, въ Коронѣ—16, а съ 1767 г.— 9; въ Литвѣ сперва — 9, а съ 1768 г.— 6), избираемые сеймами на два года, при томъ, по конституціи 1766 г., такимъ образомъ, что сеймъ выбиралъ коммиссаровъ изъ среды кандидатовъ, представленныхъ королемъ въ четверномъ количествѣ. Коммиссіи взяли въ свои руки собственно „скарбовую“ администрацію, скарбовой контроль, равно какъ и судъ по „скарбовымъ“ дѣламъ. Слѣдовательно, къ нимъ перешли функціи, которыя до тѣхъ поръ принадлежали „подскарбіямъ“, „равскому скарбу“ и „скарбовымъ трибуналамъ“. Поэтому „равскій скарбъ“ и „скарбовый трибуналъ“ перестали существовать съ этихъ поръ. Но, на ряду съ этимъ, коммиссіи имѣли еще болѣе широкую сферу дѣятельности, отправляли судъ по торговымъ и вексельнымъ дѣламъ (отчасти въ I-ой, отчасти во II-ой инстанціи)

и, кромѣ того, представляли своего рода министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ были обязаны имѣть попеченіе объ экономическомъ подъемѣ страны, особенно—покровительствовать торговлѣ и т. д.

Въ вѣдомствѣ военныхъ коммиссій—точно также во главѣ съ великими, event. польными гетманами,—состоявшихъ изъ выбираемыхъ сеймами (тоже на два года) коммиссаровъ (16, съ 1768 г.—6), находятся военныя дѣла, особенно же финансово-военныя (вмѣсто „скарбовыхъ трибуналовъ") и военно-судныя (т. е. дѣла, возникающія между военными, и дѣла гражданскихъ лицъ противъ военныхъ). Однако гетманъ сохранилъ еще извѣстныя прерогативы, особенно на случай войны. Въ 1766 г. военныя коммиссіи были упразднены, а прерогативы ихъ были переданы военному департаменту Постояннаго Совѣта.

Если всѣ эти коммиссіи (въ Коронѣ называвшіяся, вмѣстѣ съ ассессорскимъ и маршалковскимъ судомъ, „четырьмя юрисдикціями") приняли въ свое вѣдомство, прежде всего, дѣла, принадлежавшія прежде другимъ властямъ, то „Эдукаціонная коммиссія", созданная сеймомъ 1773 году, утвердившимъ 1-й раздѣлъ Польши, является до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ въ Польшѣ правительственнымъ учрежденіемъ. До тѣхъ поръ дѣломъ образованія занималась, главнымъ образомъ, церковь. Такимъ образомъ здѣсь приходится отмѣтить шагъ впередъ въ развитіи государственной администраціи, открытіе для нея новаго поля дѣятельности: хотя эдукаціонная коммиссія имѣетъ характеръ юридическаго лица („фундаціи"), а не правительственной власти, однако, въ виду зависимости ея состава преимущественно отъ правительства, она является какъ бы органомъ государственной власти. Коммиссія не имѣла точно опредѣленной организаціи. Она была избрана сеймомъ въ числѣ 8 лицъ на шесть лѣтъ, а потомъ ея полномочія продолжались и на слѣдующіе сроки. Коммиссія взяла въ свои руки управленіе всѣми общественными школами въ государствѣ, а именно: академіей, гимназіями, академическими колоніями и, сверхъ того, завѣдываніе предназначеннымъ на просвѣтительныя цѣли имуществомъ Іезуитовъ, которое досталось государству послѣ закрытія Іезуитскаго ордена. По дѣламъ, касающимся этихъ имуществъ, коммиссія является и судебной властью. Въ противо-

положность другимъ коммиссіямъ, „Эдукаціонная коммиссія“ распространяетъ свою дѣятельность какъ на Корону, такъ и на Литву.

Надъ этими властями сталъ Постоянный Совѣтъ („Rada nieustająca“), учрежденный въ 1774 г. Въ составъ Совѣта входятъ: король, 18 сенаторовъ и 18 членовъ рыцарскаго сословія, изъ которыхъ одинъ носитъ титулъ „маршалка рыцарскаго сословія“. Сессіи Совѣта продолжались въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. отъ одного сейма до другого. Совѣтъ раздѣлялся на пять департаментовъ: иностранныхъ дѣлъ, полиціи, или „добропорядка“, военный, юстиціи и „скарбовый“. Первый состоялъ изъ 4-хъ, остальные — изъ 8-ми членовъ. Во главѣ каждаго департамента стоитъ одинъ изъ министровъ, избранный въ Совѣтъ (канцлеръ, маршалокъ, гетманъ, второй канцлеръ, подскарбій). Слѣдовательно, остальные министры, не избранные въ составъ Совѣта, съ той поры уже не имѣли совершенно никакихъ функцій, если не засѣдали въ коммиссіяхъ. Король имѣетъ въ Совѣтѣ только два голоса, значитъ, долженъ сообразоваться съ рѣшеніями большинства. Весь Совѣтъ является исполнительною властью сейма, наблюдаетъ за исполненіемъ конституцій, составляетъ законопроекты, разсматриваетъ ихъ, если сеймъ поручитъ ему это дѣло. На ряду съ этимъ, въ вѣдѣніи Совѣта находятся дипломатическія дѣла: Совѣтъ отправляетъ пословъ, даетъ имъ инструкціи, принимаетъ реляціи и т. д. Совѣтъ предлагаетъ королю трехъ кандидатовъ на должности, которыя замѣщаетъ король, такъ что послѣдній можетъ только дѣлать выборъ изъ этихъ трехъ кандидатовъ. Наконецъ, отъ рѣшенія Совѣта зависитъ и распоряженіе эстраординарнымъ фондомъ (для цѣлей, непредвидѣнныхъ бюджетомъ). Совѣтъ формально занялъ мѣсто устраненныхъ теперь сенаторовъ-резидентовъ; однако его функціи гораздо шире: онъ является и высшей административной властью, чѣмъ не были сенаторы-резиденты.

Департаменты по отношенію къ Совѣту имѣютъ характеръ совѣщательныхъ органовъ. Постановленія конституціи не отличались полной ясностью относительно положенія Совѣта въ ряду прочихъ правительственныхъ властей и особенно коммиссій. И только сеймъ 1776 г. постановилъ, что всѣ правительственныя учрежденія обязаны подчиняться

Совѣту и исполнять его распоряженія, и, сверхъ того, ближе опредѣлилъ компетенцію департаментовъ. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ подготовляетъ дипломатическія дѣла для общаго собранія Совѣта; департаментъ полиціи наблюдаетъ за хозяйствомъ городовъ, департаментъ юстиціи — за порядкомъ въ судебномъ дѣлѣ. „Скарбовый" департаментъ соперничалъ съ коммиссіями; главнымъ образомъ онъ занимался ихъ контролемъ и слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ бюджета. Всего неопредѣленнѣе было отношеніе военнаго департамента къ военнымъ коммиссіямъ и къ гетманамъ. Чтобы положить конецъ этой неопредѣленности, военныя коммиссіи были упразднены (въ 1776 г.), и всѣ ихъ прерогативы были переданы департаменту, за исключеніемъ дѣлъ военно-финансовыхъ, порученныхъ „скарбовой комиссіи". За гетманомъ сохранялась только руководящая роль въ департаментѣ.

Военный департаментъ перестал существовать еще до уничтоженія всего „Постояннаго Совѣта", а именно въ силу постановленія четырехлѣтняго сейма еще въ началѣ его засѣданій (ноябрь 1788 г.). Вмѣсто него снова была создана военная коммиссія, но уже только одна для обѣихъ частей государства. Она имѣла, впрочемъ, временный характеръ; во главѣ ея стали гетманы (мѣняющіеся каждые три мѣсяца); состояла она изъ 18 лицъ, $^2/_3$ которыхъ были невоенные. Еще въ концѣ 1788 г. сеймъ создалъ особую, независимую отъ Постояннаго Совѣта коммиссію для дипломатическихъ дѣлъ, организація которой не была точно опредѣлена.

Въ началѣ 1789 г. Постоянный Совѣтъ былъ упраздненъ. Вмѣсто него на первое время не было установлено никакихъ другихъ властей, такъ что нѣкоторое время центральное управленіе находится въ рукахъ „скарбовыхъ коммиссій", равно какъ и тѣхъ двухъ коммиссій, которыя были созданы въ концѣ 1788 г. И король отчасти возвратилъ себѣ тѣ прерогативы, которыя ранѣе были отняты у него въ пользу Совѣта. Только конституція 3-го мая создаетъ для новаго государственнаго строя основы, развитыя потомъ многочисленными спеціальными конституціями (31/v 1791 г.— „Стража"; 17/vi и 20/vi 1791 г.— „коммиссія полиціи"; 27/x 1791 г.— „скарбовая" коммиссія; 18/v 1792 г.— „военная" коммиссія).

Высшей властью является „Стража“, въ составъ которой входятъ: король, примасъ, пять министровъ (одинъ изъ маршалковъ—министръ полиціи, одинъ изъ канцлеровъ—министръ государственной печати въ „Стражѣ“, или иначе—внутреннихъ дѣлъ, другой канцлеръ—министръ иностранныхъ дѣлъ, одинъ изъ гетмановъ—военный министръ, одинъ изъ „подскарбіевъ“—министръ „скарба“—финансовъ), наслѣдникъ престола, безъ права голоса, равно какъ и маршалокъ сейма, тоже безъ права голоса. Король черезъ каждые два года совершенно свободно назначаетъ министровъ въ „Стражу“ изъ числа всѣхъ наличныхъ министровъ. „Стражѣ“ подчинены всѣ правительственныя мѣста, съ которыми она сносится черезъ „Большія коммиссіи“. Относительно короля „Стража“ является только Совѣтомъ, который не связываетъ короля, лишь бы только одинъ изъ министровъ скрѣпилъ его распоряженія. Въ случаѣ столкновенія между королемъ и „Стражей“, король, event., въ случаѣ его нежеланія, сеймовый маршалокъ, обязанъ созвать сеймъ, который и рѣшаетъ споръ. За всѣ акты, издаваемые отъ имени короля и контрасигнированные однимъ изъ министровъ, отвѣтственность несутъ всѣ министры. Сеймъ можетъ привлечь ихъ къ этой отвѣтственности и покарать. Но, кромѣ того, сеймъ большинствомъ двухъ третей голосовъ можетъ устранить министра отъ должности. Это—уже принципъ парламентарнаго большинства, правда, проведенный въ такой, еще не вполнѣ соотвѣтствующей существу дѣла формѣ.

Коммиссіи организованы по образцу прежнихъ коммиссій. Общая характерная ихъ черта заключается въ томъ, что это—уже коммиссіи „обоихъ народовъ“, что, слѣдовательно, власть ихъ распространяется и на Польшу и на Литву. Онѣ состоятъ изъ не входящихъ въ составъ „Стражи“ министровъ, поочередно предсѣдательствующихъ въ нихъ, изъ коммиссаровъ (14 или 15), избираемыхъ сеймами на два года, а также изъ городскихъ „уполномоченныхъ“ (6). Въ военной коммиссіи перевѣсъ на сторонѣ невоенныхъ. Компетенція новой „скарбовой“ и военной коммиссіи приблизительно такая же, какъ и прежнихъ коммиссій, т. е. въ области „скарба“, event. военнаго дѣла, равно какъ и въ области судебныхъ дѣлъ, связанныхъ съ этими отраслями администраціи. Совершенно новымъ органомъ является „коммиссія полиціи“; это—мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ въ собственномъ смыслѣ слова. По конституціи, къ вѣдомству этой коммиссіи относится не только безопасность и спокойствіе, т. е. собственно полицейское дѣло, но и „общественная польза", т. е. администрація. Слѣдовательно, коммиссія полиціи завѣдываетъ полиціей безопасности, нравовъ, торговли, народнаго здравія, благотворительности, охраняетъ литературную собственность, собираетъ статистическія данныя, заботится о дешевизнѣ продуктовъ, легкости пріисканія работы, о путяхъ сообщенія и т. д. У нея огромный кругъ дѣятельности. Однако, въ виду тогдашняго строя и привиллегій шляхты, она пользуется полнотой правъ только относительно королевскихъ городовъ; что касается всей страны, то въ вопросахъ полицейскаго характера ей приходится ограничиваться изданіемъ предупрежденій и объявленій. Однако, несмотря на такое частичное ограниченіе дѣятельности коммиссіи, введеніе въ жизнь понятія объ администраціи было весьма желательнымъ новшествомъ.

Дѣятельность этихъ центральныхъ властей должна была дополняться „распорядительными гражданско-военными коммиссіями", которыя были образованы уже ранѣе, въ ноябрѣ 1789 г., сначала для Литвы, потомъ — для Короны. Онѣ состоятъ изъ коммиссаровъ, черезъ каждые два года избираемыхъ „господарскими сеймиками", въ количествѣ, по крайней мѣрѣ, 15 человѣкъ — для Литвы и 16 — для Короны. Въ составъ ихъ входятъ еще, по должности, и нѣкоторые чиновники. Коммиссіи завѣдываютъ гражданско-военными дѣлами: расквартированіемъ, рекрутовкой, паспортами, устройствомъ складовъ для войска, доставкой для него подводъ, а также и вопросами „экономическими": составляютъ статистическія таблицы, даютъ совѣты по сельскому хозяйству, поддерживаютъ ремесла и торговлю, школы, организуютъ призрѣніе бѣдныхъ и т. д. Кромѣ того, эти коммиссіи исполняютъ порученія „Большихъ коммиссій" и помогаютъ имъ. Слѣдовательно, и здѣсь видно все то же стремленіе создать органы — при томъ коллегіальные — государственной администраціи, расширить кругъ ея дѣятельности. Задачъ этихъ до сихъ поръ не исполняли ни старосты, ни сеймики, хотя и назывались „господарскими" (хозяйственными). Дѣятельность распорядительныхъ гражданско-военныхъ коммиссій,

равно какъ и коммиссія полиціи, была уже предвѣстникомъ иныхъ, свойственныхъ новому времени взглядовъ на государство, на его нужды и цѣли.

Финансы. Особый королевскій „скарбъ“ имѣлъ свои собственные доходы. Сверхъ того, уже въ 1768 году ему было назначено (хотя и не уплачено) ежегодно по $1^1/_2$ милліона польскихъ „злотыхъ“ изъ государственнаго „скарба“. Когда, вслѣдствіе 1-го раздѣла Польши, исчезли главные источники доходовъ королевскаго „скарба“, особенно богатыя экономіи и „жупы“, а отчасти и таможенныя пошлины, тогда делегаціонный сеймъ 1773—1775 г. назначилъ королю, взамѣнъ этихъ потерь, четыре староства и ежегодное жалованье изъ скарба, въ количествѣ 7 милліоновъ польскихъ злотыхъ. Но уже въ 1776 г. эта сумма была уменьшена до 4 милліоновъ злотыхъ. Кромѣ того, въ теченіе этого періода государственный скарбъ неразъ оплачивалъ королевскіе долги, иногда очень большіе. Для управленія королевскимъ „скарбомъ“ въ 1781 г. была учреждена особая „экономическая коммиссія скарба Его Королевскаго Величества“.

Уже конвокація 1764 г. занялась вопросомъ объ увеличеніи доходовъ государственнаго скарба. Для увеличенія дохода отъ „кварты“ была назначена новая „люстрація“ королевскихъ имѣній; валовая сумма поголовной еврейской подати была замѣнена уплатой 2 польскихъ злотыхъ съ каждой головы; былъ установленъ общій таможенный налогъ, при чемъ отмѣнялась шляхетская привиллегія свободы отъ таможенныхъ пошлинъ; стали лучше собирать и „гиберну“. Правда, первоначально еще сохранили и поголовную шляхетскую подать; но она подлежала отмѣнѣ съ того времени, когда въ „скарбъ“ начнутъ поступать соотвѣтствующія суммы отъ таможенныхъ сборовъ. Но реформы отчасти не удались: „генеральная“ (общая) таможенная пошлина не была проведена, а вслѣдствіе этого продолжала существовать и христіанская поголовная подать. Сеймъ 1766 года возстановилъ ее въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ она собиралась и ранѣе; зато онъ произвелъ извѣстныя реформы въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ, уничтоживъ внутреннія пошлины. Тотъ же сеймъ возстановилъ „чеповый“ и „шеленжный“ налогъ, въ качествѣ налога на потребленіе,—на пропинацію и распивочную продажу питей, въ размѣрѣ 10%

чистой прибыли; этотъ доходъ долженъ былъ замѣнить поголовную подать. Но и эта подать все-таки удержалась. Сеймъ 1768 г. составилъ новый бюджетъ, который однако также не вошелъ въ жизнь, какъ и другія финансовыя реформы этого сейма; была только введена генуезская лотерея (1769 г.), при томъ въ видѣ частнаго предпріятія, подлежавшаго государственному налогу. Сеймъ, утвердившій 1-ый раздѣлъ Польши (1773—1775 г.), снова очень серьезно занялся вопросомъ о финансахъ. Конституціи этого сейма (1775 г.) заключаютъ цѣлый рядъ реформъ. Окончательно была уничтожена поголовная христіанская подать, а вмѣсто нея введена подымная, которую должно было собирать во всѣхъ имѣніяхъ, какъ королевскихъ, такъ и церковныхъ и шляхетскихъ, одинаково и съ крестьянскихъ и съ городскихъ „дымовъ", хотя въ различныхъ размѣрахъ, смотря по тѣмъ разрядамъ, на которые были подраздѣлены какъ города, (четыре разряда), такъ и деревни (два разряда). „Гиберна" была замѣнена половиной подымной подати, очевидно, только съ тѣхъ имѣній, которыя и до сихъ поръ платили эту „гиберну". „Кварта" была увеличена въ полтора раза, а въ въ Литвѣ—даже въ два раза („сугубая кварта"). Была проведена такъ называемая „эмфитевтическая" реформа староствъ, т. е. съ тѣхъ поръ, при освобожденіи „староствъ", уже нельзя было раздавать ихъ, а должно было съ аукціона отдавать ихъ за извѣстный чиншъ въ эмфитевтическую аренду на 50 лѣтъ. Еврейская поголовная подать была повышена до 3 польскихъ злотыхъ съ головы. Были осуществлены еще неисполненныя узаконенія 1768 г., которыя имѣли въ виду, съ помощью иныхъ способовъ сбора, поднять доходъ отъ „чеповаго" налога. Была возстановлена „генеральная" таможенная пошлина 1764 г., при чемъ были отмѣнены всякія освобожденія отъ этой пошлины; была введена также и новая пошлина на соль. Былъ установленъ налогъ на табакъ, введена гербовая бумага, равно какъ налогъ на игральныя карты, календари и еврейскія книги; реформирована была и лотерея. Духовенство увеличило свое subsidium charitativum до 600.000 польскихъ злотыхъ въ годъ. Постановленія сейма 1775 г. были только нѣсколько модифицированы въ 1776 г. и удержались до четырехлѣтняго сейма, когда, вслѣдствіе возрастающихъ государственныхъ

нуждъ, пришлось увеличить доходы. Сеймъ 1788 г. установилъ „добровольное пожертвованіе на настоятельныя нужды отечества“, т. е. на войско, слѣдовательно, пожертвованіе, не имѣющее характера налога. Но уже съ 1789 г. сеймъ проводитъ значительныя реформы съ цѣлью увеличенія государственныхъ доходовъ. Началомъ было постановленіе о вторичномъ взносѣ подымнаго налога, такъ называемаго „протунковаго“ (protunc), который представляется принудительнымъ государственнымъ займомъ. Было обѣщано возвратить этотъ налогъ потомъ, послѣ установленія другихъ налоговъ; но впослѣдствіи это обѣщаніе въ значительной степени не было исполнено. Явились и новые доходы. Былъ установленъ довольно высокій гербовый сборъ при назначеніи на всякаго рода должности—духовныя (поскольку замѣщеніе ихъ зависѣло отъ короля) и свѣтскія, при пожалованіи орденовъ, индигената и нобилитаціи. Однако самыми важными—при томъ одновременными—постановленіями вводились: удвоеніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и еще болѣе сильное увеличеніе (до 3½ разъ) „кварты“, равно какъ и взиманіе 20% сбора съ доходовъ духовенства (за исключеніемъ приходскихъ священниковъ съ доходомъ ниже 2.000 польскихъ злотыхъ), и „реальное пожертвованіе областей обоихъ народовъ на усиленіе силъ страны“, въ качествѣ шляхетскаго налога, который, согласно ясному указанію конституціи, нельзя было переводить на крѣпостныхъ. „Пожертвованіе“ должно было равняться 10% постояннаго годичнаго дохода, устанавливаемаго на основаніи „люстраціи“, которая производилась особыми коммиссіями (отсюда названіе: „пожертвованіе 10-го гроша“). Хотя шляхта уже и ранѣе платила подать,—именно поголовную, однако лишь это „пожертвованіе десятаго гроша“ имѣетъ характеръ настоящей подати: „поголовная подать“ была слишкомъ низка, не соотвѣтствовала податямъ, которыя платили остальные классы населенія. Но именно это-то „пожертвованіе десятаго гроша“, особенно вслѣдствіе недостаточно точной и не вездѣ одинаково проведенной „люстраціи“ доходовъ, и обмануло возлагавшіяся на него надежды. Поэтому въ 1790 г. была избрана особая, такая называемая „конвокаціонная депутація“, задачей которой было уравненіе и повышеніе этого налога. Депутація лишь въ 1792 г. окончила свою дѣятельность,

которая, такимъ образомъ, уже не имѣла практическаго значенія. Но еще въ теченіе 1789 г. обратились къ изысканію новыхъ источниковъ дохода. Изъ доходовъ отобранныхъ въ государственный „скарбъ" имѣній краковской епископіи выдавалось только жалованье краковскому епископу, остальное поступало въ „скарбъ". Былъ установленъ новый налогъ на кожи, уплачиваемый мясниками in natura,—кожами же; но такъ какъ этотъ способъ сбора налога былъ очень неудобенъ, то потомъ онъ былъ замѣненъ налогомъ на бойни. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ городахъ была увеличена въ половину подымная подать. Былъ установленъ 10% налогъ на жалованія, превышающія 10.000 польскихъ злотыхъ; снова былъ повышенъ „чеповый" налогъ, и введены еще нѣкоторые менѣе важные налоги. Тѣмъ не менѣе четырехлѣтній сеймъ въ концѣ своихъ засѣданій снова возвратился къ финансовой реформѣ, рѣшивъ въ декабрѣ 1791 г. распродажу королевскихъ имѣній, а въ маѣ 1792 г.—большой заемъ въ 30.000.000 польскихъ злотыхъ, равно какъ и повысивъ, въ виду войны, всѣ существующія подати, т. е. „пожертвованіе", подымную и поголовную еврейскую подати. Всѣ эти постановленія, особенно два первыхъ, не были исполнены.

Государственные расходы шли главнымъ образомъ на войско. Однако при Станиславѣ-Августѣ и жалованье чиновниковъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Основой расходовъ первоначально служилъ бюджетъ 1717 г. Сеймъ 1768 г. составилъ новый бюджетъ, который, впрочемъ, не вошелъ въ жизнь. Только бюджетъ, включенный въ конституціи 1775 г., сталъ основой для расходованія суммъ „скарба". Въ эпоху четырехлѣтняго сейма увеличились расходы какъ на войско, такъ и на жалованье чиновниковъ; однако новый бюджетъ не былъ составленъ. Особые доходы имѣла „эдукаціонная" коммиссія, которая самостоятельно и распоряжалась ими. Подати и „скарбы" воеводствъ въ 1768 г. были окончательно уничтожены.

Управленіе „скарбомъ" въ началѣ этого періода перешло въ руки „скарбовыхъ коммиссій". „Скарбовыя коммиссіи" объединили въ своихъ рукахъ всю скарбовую администрацію и контроль, совершенно устранивъ тѣ власти, которыя до сихъ поръ исполняли обѣ эти функціи. Въ концѣ 4-лѣтняго

сейма онѣ были замѣнены одной „скарбовой" коммиссіей обоихъ народовъ".

Въ судебной области тоже не обошлось безъ реформъ, цѣль которыхъ состояла въ усовершенствованіи этой стороны строя; но всѣ мѣропріятія, предшествующія четырехлѣтнему сейму, не касаются существа дѣла. Только этотъ сеймъ предпринимаетъ болѣе серьезныя реформы. Суды первой инстанціи, т. е. суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, до четырехлѣтняго сейма остаются безъ перемѣны; только число ихъ нѣсколько увеличивается. Апелляціонной инстанціей были трибуналы. „Конвокація" 1764 г. раздѣлила коронный Трибуналъ на два: особый великопольскій, который долженъ былъ собираться по очереди то въ Петроковѣ, то въ Познани или Быдгощѣ, и особый малопольскій, сессіи котораго происходили поочередно то въ Люблинѣ, то во Львовѣ. У обоихъ трибуналовъ были особые председатели; число депутатовъ тоже было нѣсколько увеличено. Но уже въ 1768 г. оба трибунала снова слились въ одинъ, засѣдающій поочередно въ Петроковѣ и Калишѣ для Великой Польши, и въ Люблинѣ или Львовѣ для Малой Польши, а съ 1775 г. снова—только въ Петроковѣ и Люблинѣ. Въ Литвѣ такого же рода раздѣленіе трибунала было отчасти проведено коронаціоннымъ сеймомъ 1764 г., который назначилъ Вильну мѣстомъ засѣданій трибунала для разбора дѣлъ литовскихъ воеводствъ, и Новгородъ и Минскъ—по очереди—для разбора дѣлъ русскихъ воеводствъ. Но во главѣ трибунала остался одинъ маршалокъ. Въ 1775 г., вслѣдствіе послѣдовавшаго 1 раздѣла Польши, мѣстомъ засѣданій трибунала назначили Вильну и Гродну. Около того же времени были установлены и включены въ конституціи обширныя „ординаціи" обоихъ трибуналовъ, Литовскаго въ 1764 г., Короннаго въ 1768 г., которыя были нѣсколько исправлены въ 1775 г. Въ 1775 г. нѣсколько былъ видоизмѣненъ составъ сеймовыхъ судовъ, въ составъ которыхъ входили, кромѣ короля и сената, еще 54, а съ 1776 г. 30 „пословъ". Компетенція ихъ осталась прежней, безъ значительныхъ перемѣнъ. Новая „ординація", включенная въ конституціи 1776 г., была издана и для этого суда. Ассессорскими судами усердно занимались уже первые сеймы 1764 г.; да и позднѣйшія конституціи кое-что добавляютъ и измѣняютъ въ ихъ строѣ: *Суды.*

къ канцлерамъ, которые до сихъ поръ сами рѣшали самостоятельно всѣ дѣла, теперь присоединили ассессоровъ, отчасти такъ называемыхъ „nati“ (т. е. такихъ чиновниковъ, какъ: великіе секретари, „писаря“, референдарп и т. д.), отчасти же избираемыхъ сеймомъ изъ состава сената и пословъ. Введенъ былъ и принципъ большинства голосовъ, связывающій канцлера почти во всѣхъ дѣлахъ, предоставляя ему самому рѣшеніе лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кромѣ дѣлъ, и до сихъ поръ подвѣдомственныхъ ассессорскимъ судамъ, имъ поручили теперь и causae iuris colonarii, т. е. дѣла крѣпостныхъ крестьянъ королевскихъ имѣній противъ старостъ и тенутаріевъ, рѣшавшіяся до тѣхъ поръ въ референдарскихъ судахъ, которые такимъ образомъ были теперь упразднены. Такимъ же образомъ, по конституціи 1776 г., были упразднены ассессорскіе суды и въ Литвѣ. Но тотъ же самый сеймъ изъялъ изъ вѣдомства коронныхъ ассессорскихъ судовъ дѣла крѣпостныхъ королевскихъ имѣній и возстановилъ референдарскіе суды. Конституція 1776 г. и этотъ судъ превратила въ коллегіальный, вводя въ его составъ ассессоровъ изъ числа чиновниковъ, рѣшеніе которыхъ, принятое большинствомъ голосовъ, имѣло для референдаря обязательную силу. И маршалковскіе суды стали коллегіальными. Уже въ 1766 г. къ маршалкамъ были присоединены ассессоры изъ сената и рыцарскаго сословія, число и способъ назначенія которыхъ нѣсколько разъ мѣнялись. Была составлена и „ординація“ этихъ судовъ, утвержденная конституціей 1768 г.—Другихъ судовъ—особенно городскихъ и еврейскихъ—не коснулись. Конституція 1768 г. совершенно уничтожила „каптуровые суды“, постановивъ, что обыкновенные суды должны сохранять свои прерогативы и во время безкролевья.

Коренныя реформы судебнаго строя, равно какъ и составленіе новаго кодекса, возвѣщаются конституціей 3-го мая (ст. 8). Кодексъ не былъ составленъ. Однако была проведена реформа организаціи судовъ—хотя и не всѣхъ—въ цѣломъ рядѣ обширныхъ конституцій, какъ-то: „сеймовые“ суды—устройство судовъ городскихъ и ассессорскихъ (1791 г.); „земяньскій“ судъ—судъ короннаго Трибунала—судъ трибунала въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ (1792 г.). Слѣдовательно, остальные суды (реляціонные, референдарскіе) продолжали существовать безъ всякихъ измѣненій.

Сравнительно меньше значенія имѣла конституція о сеймовыхъ судахъ, которые были устроены по прежнему образцу; въ составъ суда входятъ 12 сенаторовъ и 24 посла; къ компетенціи этого суда относятся точно опредѣленныя дѣла относительно общественнаго насилія, государственной измѣны и общественнаго вреда. Очень серьезной является реформа шляхетскихъ судовъ первой инстанціи. Послѣ многовѣковаго существованія были, наконецъ, уничтожены земскіе и гродскіе суды, исчезла та двойственность, которая столь долго держалась, не имѣя серьезной причины для существованія. Повидимому—хотя и не навѣрно—вмѣстѣ съ ними исчезли и подкоморскіе суды. Ихъ мѣсто занялъ новый „земяньскій" судъ. Точно было опредѣлено мѣсто засѣданія этихъ судовъ. Каждый судъ состоитъ изъ 10 судей, выбираемыхъ депутатскими сеймиками на 4 года, не считая двухъ „писарей", изъ которыхъ одного избираетъ на 7 лѣтъ самъ судъ, другого же—пожизненно—сеймикъ. Этому суду подлежатъ всѣ дѣла, которыя до сихъ поръ были въ вѣдѣніи „земства" и „грода", т. е. въ 1 инстанціи всѣ вообще дѣла, касающіяся шляхты и всѣхъ землевладѣльцевъ, хотя бы и не шляхтичей, за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, для которыхъ предназначался иной судъ. „Земяньскій" судъ—и это важное и желанное новшество—дѣйствуетъ круглый годъ, а не сессіонно, какъ это до сихъ поръ было въ земскихъ и гродскихъ судахъ. Окончательно, по ясному указанію конституціи, исчезла изъ суда латынь, уступая мѣсто польскому языку. Менѣе перемѣнъ произошло въ организаціи Трибуналовъ. Въ Коронѣ снова были учреждены два особыхъ трибунала, одинъ въ Петроковѣ для Великой Польши, другой въ Люблинѣ для Малой Польши; въ Литвѣ же остался одинъ трибуналъ, въ Вильнѣ. По правилу трибуналы составлялись изъ свѣтскихъ депутатовъ, избираемыхъ сеймиками, и изъ духовныхъ, присылаемыхъ капитулами; только иначе, очень подробно, былъ опредѣленъ способъ избранія ихъ воеводствами. Трибуналы остались апелляціонными судами послѣдней инстанціи относительно „земяньскихъ" судовъ. Насколько уничтоженіе дуализма въ 1 инстанціи и замѣна ея единымъ судомъ являлись очень желательнымъ новшествомъ, настолько же слѣдуетъ признать ошибкой учрежденіе двухъ высшихъ судовъ въ Коронѣ, равно какъ

и отклоненіе сеймомъ посредствующей инстанціи и введеніе—при томъ на короткое время—принципа избранія судей, отъ которыхъ не требовалось никакой юридической квалификаціи. Но это, впрочемъ, не единственная ошибка: всѣ вообще конституціи четырехлѣтняго сейма, особенно же 1791 и 1792 гг., составлялись наскоро и потому неразъ обнаруживаютъ пробѣлы и неточность редакціи.

Такое же серьезное значеніе имѣла и реформа судебнаго строя въ городахъ. Конституція устанавливаетъ нѣсколько видовъ судовъ для горожанъ (мѣщанъ): 1) городскіе суды (вмѣсто „лавъ“ и городскихъ Совѣтовъ), состоявшіе изъ бурмистра и четырехъ судей, избираемыхъ городскими собраніями, а въ большихъ городахъ—участковыми собраніями; 2) обыкновенные („поточные“) единоличные суды войтовъ по участкамъ въ тѣхъ городахъ, которые были раздѣлены на такіе участки; 3) апелляціонные суды „отдѣловъ“, состоящіе изъ пяти судей, избираемыхъ собраніями этихъ „отдѣловъ“; 4) ассессорскій судъ, или высшій апелляціонный судъ, въ Варшавѣ—для Короны и въ Вильнѣ—для Литвы, состоявшій изъ канцлеровъ, какъ предсѣдателей, изъ сенаторовъ (двухъ въ Польшѣ, одного въ Литвѣ), восьми ассессоровъ изъ рыцарскаго сословія и восьми—изъ горожанъ, которые избирались сеймомъ (въ Литвѣ—по 4). Текущія гражданскія дѣла, т. е. о самыхъ мелкихъ суммахъ, разбираются на судѣ войта, который рѣшаетъ ихъ безапелляціонно. Въ концѣ концовъ, такія дѣла направляются и въ городской судъ, который безапелляціонно рѣшаетъ болѣе мелкія изъ нихъ; по болѣе важнымъ дѣламъ допускается апелляція въ суды „отдѣловъ“. Эти послѣдніе суды, въ свою очередь, окончательно рѣшаютъ менѣе важныя изъ тѣхъ дѣлъ, которыя поступаютъ въ нихъ; по важнѣйшимъ же дѣламъ тоже допускается апелляція въ судъ ассессорскій. Сверхъ того, суды „отдѣловъ“ рѣшаютъ въ 1 инстанціи и уголовныя дѣла. Апелляціи въ этого рода дѣлахъ не допускаются; только если дѣло идетъ о продолжительномъ или пожизненномъ тюремномъ заключеніи, то именно ассессорскій судъ долженъ утвердить это наказаніе. Для исполненія приговора была установлена новая, до тѣхъ поръ неизвѣстная въ такой формѣ власть, отдѣленная отъ суда,—лавники, тоже избираемые въ числѣ шести человѣкъ, въ большихъ же

городахъ—по 4 человѣка отъ участка. Устройство всѣхъ этихъ городскихъ судовъ, введеніе посредствующей инстанціи, уничтоженіе апелляціи по уголовнымъ дѣламъ—все это является значительнымъ прогрессомъ. Однако и здѣсь въ принципѣ одержала побѣду всюду примѣнявшаяся избирательность должностей. Всѣ эти судебныя власти избираются черезъ каждые два года.

Войско.

„Посполитое рушенье“ еще и въ этотъ періодъ сохраняло свой обязательный характеръ; даже „явки“ снова были возстановлены. Впрочемъ, уже хорошо понимали, что настоящей вооруженной силой можетъ быть только постоянное войско. Это войско продолжало оставаться наемнымъ (рекрутскимъ). Конституціи 1775 г. увеличили количество войска до 30.000 для Короны и Литвы; точно также были изданы довольно обширныя инструкціи относительно обязанностей офицеровъ. Точнѣе было формулировано право „вольнаго барабана“, т. е. право вербовки войска; обострены были распоряженія о томъ, что можно вербовать въ солдаты только людей совершенно свободныхъ, не связанныхъ никакими обязательствами, при томъ лишь по городамъ и мѣстечкамъ, но не по деревнямъ. Образованіе военныхъ коммиссій, а позднѣе департамента, во всякомъ случаѣ, оказало довольно благопріятное вліяніе на развитіе военнаго строя. Только четырехлѣтній сеймъ, желая развить вооруженную силу государства, стремится къ болѣе быстрой реформѣ. Уже въ самомъ началѣ засѣданій, еще въ 1788 г., сеймъ рѣшаетъ увеличить количество войска до 100.000 человѣкъ. На практикѣ этой цифры не достигли; и очень подробное росписаніе 1789 г. ограничивалось количествомъ 65.000 человѣкъ. Но и до этого количества войско не было доведено. Въ томъ же 1789 г. сеймъ измѣняетъ способъ вербовки. Сохраняя „свободу барабана“, онъ вводитъ и новое начало, очень важное и ранѣе неизвѣстное—принудительную вербовку. Въ королевскихъ и духовныхъ помѣстьяхъ съ каждыхъ 50 „дымовъ“ долженъ идти одинъ рекрутъ, а въ частныхъ владѣніяхъ—одинъ со ста дымовъ. Тѣ дымы въ частныхъ имѣніяхъ, которые не поставляютъ рекрута, обязаны вносить по 2 злотыхъ съ дыма въ пользу того помѣщика, изъ деревни котораго былъ взятъ рекрутъ, чтобы такимъ образомъ вознаградить помѣщика за понесенный

имъ убытокъ. Служба рекрута продолжается отъ 6 до 8 лѣтъ, и періодъ этотъ называется „капитуляціей“. Гражданско-военныя коммиссіи, учрежденныя въ томъ же году, должны были, прежде всего, помогать въ военныхъ дѣлахъ, вербовкѣ, продовольствованіи и т. д. Въ томъ же году былъ устроенъ особый военный коммиссаріатъ, какъ главное военное интендантство. Слѣдовательно, и въ этой области были сдѣланы значительные шаги впередъ, при томъ не только въ конституціяхъ, но и въ ихъ исполненіи. Однако не хватило времени сполна осуществить эту реформу.

ıдение ıо-)арства. Реформы всего этого періода осуществлялись подъ сильнымъ вліяніемъ умственныхъ теченій, которыя шли изъ-за границы. Не обошлись безъ нихъ особенно реформы, проведенныя четырехлѣтнимъ сеймомъ. Однако, несмотря на это, всѣ реформы, особенно же конституція 3-го мая, являются плодомъ польскаго духа, естественнымъ развитіемъ, усовершенствованіемъ того строя, который былъ созданъ историческимъ развитіемъ польскаго государства. Въ томъ-то и заключается великое достоинство этихъ конституцій, что онѣ были свободны отъ доктринерства, что, принимая все хорошое изъ чужихъ воззрѣній, онѣ сумѣли согласовать это хорошее съ туземными элементами. Реформы не шли слишкомъ далеко, не разрушали сполна давно уже выработанныхъ учрежденій. Если же иногда и создавались новыя по формѣ учрежденія, то все же сущность узаконеній основывалась на прежнихъ образцахъ, поскольку послѣдніе признавались хорошими. И хотя эти конституціи на практикѣ существовали очень короткое время, а иногда даже и вовсе не могли осуществиться въ жизни, все же цѣнность ихъ заключается въ томъ, что онѣ указываютъ на возможность оживленія польскихъ учрежденій послѣ столькихъ лѣтъ летаргіи, свидѣтельствуютъ, что государство и такимъ путемъ, безъ абсолютизма, могло достигнуть новой эпохи, строя государства новаго времени, имѣющаго своей цѣлью благо не сословій, а всѣхъ членовъ государства.

Реформы падаютъ уже въ 1792 г. Власть переходитъ въ руки Тарговицкой конфедераціи; конфедерація, ставъ „генеральной“, подчиняетъ себѣ всѣ власти, и король также присоединился къ ней. Но конфедерація не признаетъ положенія дѣлъ, созданнаго конституціей 3-го мая, и, слѣдова-

тельно, повсюду возстанавливаетъ тѣ же отношенія, тотъ же строй, которые существовали въ жизни до этой конституціи. Кромѣ „генеральной“ конфедераціи, по воеводствамъ были устроены воеводскія конфедераціи, вмѣстѣ съ особыми конфедератскими судами. Начали учреждать даже новыя власти, какъ, напримѣръ, „депутацію для иностранныхъ дѣлъ“ и т. п. Но все это было лишь временнымъ правительствомъ. Новый строй государства долженъ былъ дать сеймъ, созванный въ Гроднѣ въ 1793 г. Этотъ сеймъ издаетъ для польскаго государства, оставшагося еще послѣ второго раздѣла (1793 г.), обширные законы, охватывающіе весь строй общественной и государственной жизни. Тутъ имѣются и „основные законы“, и права шляхты и городовъ, и намѣченная организація властей, вмѣстѣ съ королемъ, Постояннымъ Совѣтомъ, Большими коммиссіями, сеймами, сеймиками; тутъ опредѣлена организація судовъ, войска и „скарба“. Въ общемъ, это—кодифицированныя узаконенія эпохи, предшествующей четырехлѣтнему сейму, слѣдовательно, въ духѣ сословнаго строя, съ „элекціей“ короля и т. д.; но и въ нихъ все-таки отражается, хотя отчасти, вліяніе реформъ, измѣнившихся воззрѣній (напримѣръ, въ уничтоженіи liberum veto или въ проведеніи новой однообразной организаціи городовъ, по образцу конституцій четырехлѣтняго сейма).

Но только что эти власти начали функціонировать, только что, хотя отчасти, были проведены въ жизнь узаконенія Гродненскаго сейма, какъ вспыхнуло возстаніе Костюшки (1794 г.). На нѣкоторое время оно снова беретъ въ свои руки кормило правленія и снова создаетъ свои власти. Во главѣ государства становится Временный Совѣтъ, а потомъ Верховный Народный Совѣтъ (изъ 8 совѣтниковъ и 32 замѣстителей), раздѣленный на отдѣленія: иностранныхъ дѣлъ, „скарба“, порядка, безопасности, юстиціи, инструкціи, продовольствія и военныхъ нуждъ; для Литвы создается особая „Центральная депутація Великаго Княжества Литовскаго“. Войско находится въ рукахъ „Начальника высшей народной вооруженной силы“, съ властью диктатора. По воеводствамъ управленіе переходитъ къ „Распорядительнымъ коммиссіямъ“. Очевидно, при такихъ условіяхъ о реформахъ не могло быть и рѣчи. Лишь относительно крестьянъ Костюшко старается провести хотя частичныя реформы, принимая ихъ подъ за-

щиту закона, обезпечивая имъ свободу передвиженія и вѣчное право на землю, равно какъ и уменьшая барщину; все это онъ дѣлаетъ, издавая два универсала: 2-го мая въ лагерѣ подъ Винярами и 7-го мая 1794 г. въ лагерѣ подъ Поланьцомъ.

Наступаетъ третій раздѣлъ Польши. Въ 1795 г. заканчивается исторія польскаго государства.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Цѣль этого списка—вовсе не указаніе всѣхъ вообще трудовъ, касающихся исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Такой, очень подробный, списокъ по 1900 годъ имѣется въ отдѣлѣ „Prawo Polskie" въ „Bibliografia historyi polskiej" проф. Финкеля, изданной Академіей Наукъ въ Краковѣ (t. II, str. 789—869 и дополненія t. III str. 1611—1626). Литература, приведенная здѣсь мною, должна указать только важнѣйшіе, главнымъ образомъ болѣе новые труды, касающіеся исторіи строя Польши, а изъ болѣе старыхъ—такіе, которые еще и теперь обязательно нужно принимать во вниманіе. Въ настоящемъ указателѣ приняты во вниманіе и тѣ работы, которыя появились послѣ выхода перваго изданія предлагаемой книжки.

1) Общія сочиненія.

Lengnich, G.: Jus publicum regni Poloniae, 2 t. Gdańsk, 1742—1746, и 1765 (и по-польски: Prawo pospolite królestwa polskiego. Kraków, 1761,—и изданіе Гельцеля, обычно употребляемое теперь, Krakow, 1836).

Skrzetuski, W.: Prawo polityczne narodu polskiego. Warszawa, 1782.

Bandtkie, J. W.: Historya prawa polskiego (написано до 1830 г.). Warszawa, 1850.

Hüppe, S.: Verfassung der Republik Polen. Berlin, 1867.

Balzer, O.: Historya ustroju Polski. Przegląd wykładów uniwersyteckich. Kraków, 1905.

Ленгнихъ представляетъ устройство Польши при Саксонской династіи; книга до сихъ поръ является важнымъ источникомъ вслѣдствіе обилія матеріала, который она даетъ, равно какъ и въ виду вниманія ея къ обычному праву. Скшетускій поверхностнѣе: онъ даетъ картину устройства государства передъ реформами четырехлѣтняго сейма. Бандтке устарѣлъ. Хюппе обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на новое время, при томъ съ партійной точки зрѣнія. Трудъ Бальцера даетъ только очеркъ лекцій. Съ нѣкоторыми воззрѣніями предлагаемой книги, именно относительно дѣленія исторіи строя Польши на періоды, характера польскаго государства при Локеткѣ и Казимірѣ Великомъ, равно какъ и оцѣнки конституціи „Nihil Novi", полемизируетъ:

Balzer, O.: Z powodu nowego zarysu historyi ustroju Polski. Kwart. hist., t. 20, 1906.

— O kilku kwestyach spornych z historyj ustroju Polski. Kwart. hist., t. 21, 1907.

— Państwo polskie w pierwszem siedmdziesięcioleciu XIV i XVI wieku. Kwart. hist. t. 21, 1907.

Отвѣтъ на критику первой изъ этихъ статей даетъ:

Kutrzeba, S.: Kilka kwestyi z historyi ustroju Polski. Kwart. hist. t. 20, 1906.

2) Первоначальный строй.

Kadlec, K.: Rodinný nedíl čili zádruha v právu slovanském. Praha, 1898.

Balzer, O.: Rewizya teoryi o pierwotnem osadnictwie w Polsce. Kwartalnik hist., 1898.

— O zadrudze słowiańskiej. Kwart. hist., 1899.

3) Шляхта.

Bobrzyński, M.: Geneza społeczeństwa polskiego na podstawie kroniki Galla i dyplomatów XII w. Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie, tom 14, 1881.

Piekosiński, Fr.: O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i jego pierwotnym ustroju. Тамъ же, t. 14, 1881.

— Obrona hipotezy najazdu jako podstawy ustroju społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. Тамъ же, t. 16, 1883.

— O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu. Kraków, 1888.

— Rycerstwo polskie wieków średnich, t. I—III. Kraków, 1897—1901.

Małecki, A.: Studya heraldyczne. Lwów, 1890, t. 2.

Профессоръ Пѣкосиньскій защищаетъ гипотезу „наѣзда", основывая свои выводы главнымъ образомъ на гербахъ. Эту теорію опровергаетъ проф. Малэцкій. До сихъ поръ нѣтъ установившейся гипотезы о генезисѣ шляхты. Позднѣйшаго развитія шляхты касаются:

Semkowicz, W.: Nagana i oczyszczenie szlachectwa w Polsce w XIV i XV wieku. Lwów, 1899.

Piekosiński, Fr.: Zdobycze szlachty polskiej w dziedzinie prawa publicznego w XV wieku. Czasopismo prawnicze i ekonomiczne, t. I. Kraków, 1900.

Potkański, K.: Zagrodowa szlachta i włodycze rycerstwo w województwie krakowskiem w XV i XVI w. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil., t. 23, 1888.

О правахъ и привиллегіяхъ шляхты довольно много говорятъ и сочиненія, касающіяся польскаго парламентаризма (особенно Рембовскаго: Rokosz i konfederacya и Павиньскаго: Rządy sejmikowe).

4) Духовенство и религія.

Abraham, W.: Organizacya kościoła w Polsce do połowy wieku XII, wyd. 2-gie. Lwów, 1893.

— Pierwszy spór kościelnopolityczny w Polsce. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 32, 1895.

Ulanowski, B.: Laudum Vartense. Тамъ же t. 21, 1887.

Balzer, O.: Laudum Cracoviense. Przewodnik nauk. i lit., 1888, и Studya nad prawem polskiem. Poznań, 1888.

Prochaska, A.: O dacie ugody małopolskiej. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 39, 1900.

Zakrzewski, W.: Powstanie i wzrost reformacyi w Polsce 1520—1572. Lipsk, 1870.

5) «Хлопы» (крестьяне).

Этихъ вопросовъ, поскольку дѣло идетъ о самомъ старомъ времени, касаются труды о генезисѣ общества. Сверхъ того, спеціально:

Piekosiński, F.: Ludność wieśniacza w Polsce w dobie piastowskiej. Kraków, 1896.

— O łanach w Polsce wieków średnich. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 21, 1888.

Bujak, Fr.: Studya nad osadnictwem Małopolski. Część I. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 47, 1905, и отдѣльно.

Szelągowski, A.: Chłopi dziedzice we wsiach na prawie polskiem do końca XVI w. Lwów, 1899.

Potkański, K.: O pochodzeniu wsi polskiej. Ognisko, 1903, zeszyt 10.

Lubomirski, T. J.: Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII w. Warszawa, 1862 (и Biblioteka warsz. 1858—1862).

Bobrzyński, M.: Karta z dziejów ludu wiejskiego w Polsce. Rocznik zarządu Ak. Um. r. 1892. Przegląd polski, 1892. Kraj, 1892.

Ulanowski, B.: Wieś polska pod względem prawnym od wieku XVI—XVIII. Rocznik zarządu Ak. Um., 1894. Przegląd polski, 1894 и отдѣльно, 1894.

Stadnicki, Al.: O wsiach t. zw. wołoskich. Biblioteka Ossolińskich, 1848 и отдѣльно.

— O kniastwach we wsiach wołoskich z poglądem na wójtostwa we wsiach na magdeburskiem prawie osadzonych. Еженедѣльное прибавленіе къ „Gazeta Lwowska“, 1853 и отдѣльно.

6) Города.

Трудовъ о городахъ и городскихъ учрежденіяхъ вообще мало. Главной основой для знакомства съ городами являются монографіи о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ городахъ:

Szujski, J.—Piekosiński, F.: Dawny Kraków. Kraków, 1901.

Warschauer, A.: Stadtbuch von Posen t. I (введеніе). Poznań, 1893.

Czołowski A.: Obraz dziejowy Lwowa i pogląd na organizacyę władz miejskich do 1848. Въ изданіи: Miasto Lwów w okresie samorządu. Lwów, 1896.

Sygański, J.: Historya Nowego Sącza, 3 t. Lwów, 1901—1903 (городской строй въ t. II).

Daszyńska-Golińska, Z.: Ujście solne. Kraków, 1906.

Stesłowicz W.: Cechy krakowskie w okresie powstania i wzrostu. Kwart. hist. t. 6, 1892.

Pazdro, Z.: Uczniowie i towarzysze cechów krakowskich do drugiej połowy XVII w. Lwów, 1900.

Ulanowski, B.: Kilka zabytków ustawodawstwa królewskiego i wojewodzińskiego w przedmiocie handlu i ustanawianie cen (введеніе). Archiwum Komisyi prawniczej Ak. Um. t. I, 1895.

7) Евреи.

Bloch, H.: Die General-Privilegien der polnischen Judenschaft. Zeitschrift der historischen Gesellschaft für die Provinz Posen. Poznań, 1891.

Schorr, M.: Organizacya żydów w Polsce. Kwart. hist., 1899.

Kutrzeba S.: Stanowisko prawne żydów w Polsce w XV stuleciu. Przewodnik nauk. i lit., 1901.

Schorr, M.: Żydzi w Przemyślu do końca XVIII w. Lwów, 1903.

8) Организація государства.

Lewicki, A.: Über das staatsrechtliche Verhältniss Litauens zu Polen unter Jagiełło und Witold. Altpreussische Monatsschrift, 1894, и отдѣльно.

Кояловичъ, М.: Люблинская унія на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Петербургъ 1863.

Balzer, O.: Sejm mazowiecki pod rządem koronnym 1526—1540. Księga pamiątkowa Uniwersytetu lwowskiego w 500—ną rocznicę uniw. Jagiell. Lwów, 1900.

Lengnich, G.: Jus publicum Prussiae Polonae. Gdańsk, 1758.

Bostel, F.: Przeniesienie lenna pruskiego na elektorów brandenburskich. Przewodnik nauk. i lit., 1883, и отдѣльно.

Эти вопросы, особенно съ правовой стороны, почти совсѣмъ не обработаны. Соотвѣтствующіе отдѣлы предлагаемой книги опираются почти исключительно на изученіи источниковъ.

9) Наслѣдованіе престола.

Balzer, O.: O następstwie tronu w Polsce. Część I.: Sprawa następstwa po Kazimierzu W. na tle piastowskiego prawa dziedziczenia. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 36, 1897.

Smolka, S.: Testament Bolesława Krzywoustego. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 13, 1881.

Piekosiński, F.: Czy król Władysław Jagiełło był za życia królowej Jadwigi królem polskim? Тамъ же, t. 35, 1897.

Semkowicz, W.: Stanowisko publiczno-prawne Władysława Jagiełły w Polsce. Przegląd prawa i admin., 1899.

Szujski, J.: Jeszcze o elekcyi w epoce Jagiellonów. Dzieła, serya II, t. VII.

Объ элекціяхъ въ IV періодѣ подробно говоритъ Ленгнихъ. Однако слѣдуетъ дополнить свѣдѣнія о двухъ первыхъ „безкоролевьяхъ", формы которыхъ еще не особенно выработаны.

10) Парламентаризмъ.

Pawiński, A.: Sejmiki ziemskie, początek ich i rozwój aż do ustalenia się udziału posłów ziemskich w ustawodawstwie sejmu walnego, 1374—1505. Warszawa, 1895.

Prochaska, A.: Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiellonów. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t· 38, 1899.

Piekosiński, F.: Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich. Тамъ же, t. 39, 1900.

Bobrzyński, M.: O ustawodawstwie nieszawskiem. Kraków, 1874.

Hube, R.: Statuta nieszawskie z r. 1454. Warszawa, 1876.

Bobrzyński, M.: Sejmy polskie za Olbrachta i Aleksandra. Ateneum, 1876, t. II.

Chodynicki, H.: Sejmiki ziem ruskich w wieku XV. Studya nad historyą prawa polskiego, t. III, z. I, 1906.

Rymar, L.: Udział Krakowa w sejmach i sejmikach rzeczypospolitej. Rocznik Krakowski t. VII, 1905.

Konopczyński, W.: Geneza liberum veto. Przegląd historyczny, t. I, 1905.

Kutrzeba, S.: Skład sejmu polskiego 1493—1793. Przegląd historyczny, t. II, 1906.

Siemieński, J.: Organizacya sejmiku zemi dobrzyńskiej Rozpr. Ак. Um. Wydz. hist.-fil. t. 48, 1906.

Sawczyński, H.: Sprawa reformy sejmowania za Jana Kazimierza. Kwartalnik hist., 1893.

Pawiński, A.: Rządy sejmikowe. Warszawa, 1888. (Dzieje ziemi kujawskiej, t. I).

Ulanowski, B.: Wiadomość o badaniach w przedmiocie konfederacyi polskich w XIV i XV w. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 24, 1889.

Rembowski A.: Konfederacya i rokosz w dawnem prawie polskiem. Warszawa, 1893.

Въ этихъ сочиненіяхъ говорится вообще и о положеніи и о привиллегіяхъ шляхты; послѣднее сочиненіе даетъ широкое воззрѣніе на развитіе сословій въ Польшѣ. Сверхъ того, слѣдуетъ обратить вниманіе на монографіи объ отдѣльныхъ сеймахъ и конфедераціяхъ.

11) Должности.

Kutrzeba, S.: Urzędy koronne i nadworne w Polsce, ich początki i rozwój do r. 1504. Przewodnik nauk. i lit., 1903, и отдѣльно.

— Starostowie, ich początki i rozwój do końca XIV w Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 45, 1903, и отдѣльно.

— Dawny zarząd Wawelu. Rocznik Krakowski. t. VIII, 1906.

О земскихъ должностяхъ нѣтъ общаго труда; что касается должностей въ новое время, то всего болѣе свѣдѣній даетъ Ленгнихъ.

12) Финансы.

Lubomirski, T. J.: Trzy rozdziały z historyi skarbowości w Polsce (1507—1532). Kraków, 1868.

Blumenstock, A.: Plany reform skarbowo-wojskowych Zygmunta I. Przewodnik nauk. i lit., 1888.

Kutrzeba, S.: Szos królewski w Polsce. Przegląd polski, 1900, и отдѣльно.

Pawiński, A.: Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego. (Żródła dziejowe, t. VIII). Warszawa, 1881.

Kleczyński J.: Pogłówne generalne w Polsce i oparte na niem popisy ludności. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 30, 1893.

Нѣтъ трудовъ по первоначальной исторіи финансовъ. О позднѣйшей—много говоритъ Павиньскій въ названныхъ выше: „Rządy sejmikowe".

13) Суды.

Hube, R.: Prawo polskie w w. XIII. Warszawa, 1874.

— Prawo polskie w w. XIV. Ustawodawstwo Kazimierza W. Warszava, 1881.

— Prawo polskie w w. XIV. Sądy i ich praktyka pod koniec XIV w. Warszawa, 1886.

Piekosiński, F.: Sądownictwo w Polsce wieków średnich. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 35, 1898.

— Kutrzeba, S.: Sądy ziemskie i grodzkie w wiekach średnich. Тамъ же, t. 40 и 42, 1901—1902.

Abraham, W.: O justycyaryuszach w Polsce XIV i XV w. Тамъ же, t. 19, 1885.

Balzer, O.: Geneza trybunału koronnego. Przewodnik nauk. i liter., 1884, и отдѣльно.

— Początki sądów kapturowych. (Studya nad prawem polskiem). Poznán, 1888.

Grużewski, B.: Sądownictwo królewskie w pierwszej połowie rządów Zygmunta Starego. Stud. nad hist. pr. pol. t. II. z. 4, 1906.

Kutrzeba, S.: Studya do historyi sądownictwa w Polsce. Przegląd prawa i admin., 1901—1904, и отдѣльно.

Pazdro, Z.: Sądy konfederacyjne z roku 1672—3. Kwart. hist. t. XIV, 1900.

Bobrzyński, M.: O założeniu wyższego sądu prawa niemieckiego na zamku krakowskim. Rozpr. Ak. Um. Wydz. hist.-fil. t. 4, 1876.

Piekosiński, F.: O sądach wyższych prawa niemieckiego w Polsce wieków średnich. Тамъ же t. 18, 1884.

— Przywilej króla Kazimierza W. w przedmiocie założenia sądu wyższego prawa niemieckiego na zamku krakowskim. Тамъ же, t. 35. 1897.

Samolewicz, J.: Sąd wyższy prawa niemieckiego na zamku sanockim. Lwów, 1903.

Lubomirski, T. J.: Juryzdykcya patrymonialna w Polsce. Warszawa, 1861.

Pazdro, Z.: Organizacya i praktyka żydowskich sądów podwojewodzińskich w okresie 1740—1772. Lwów, 1903.

14) Военное дѣло.

Górski, K.: O wojskowości polskiej za Piastów. Przegląd powszechny, 1897.

Friedberg, J.: Pospolite ruszenie w Wielkopolsce w drugiej połowie XV wieku. Lwów, 1900.

Kutrzeba, S.: Materyały do dziejów pospolitego ruszenia z lat 1497 i 1509 (введеніе). Archivum Komisyi hist. Ak. Um. t. 9, 1901.

Górski, K.: Piechota wybraniecka i łanowa. Niwa, 1892.

— Wojsko kwarciane. Тамъ же.

Jarosz, W.: Legenda Batoryańska. Kwartalnik histor., 1903.

15) Реформы при Станиславѣ-Августѣ.

Korzon, T.: Dzieje wewnętrzne Polski za Stanisława Augusta. 6 t. (изд. 2-ое). Warszawa, 1897.

Balzer, O.: Reformy społeczne i polityczne konstytucyi 3-go maja. Kraków, 1891 и 1901.

Starzyński, St.: Konstytucya 3-go maja na tle współczesnego ustroju innych państw europejskich. Lwów, 1892.

Очевидно, въ предлагаемой книгѣ приняты во вниманіе и другія многочисленныя работы, здѣсь не названныя, равно какъ и труды изъ области литературы политической

исторіи, часто въ очень сильной степени занимающіеся и вопросами общественно-государственнаго строя. Изложенные въ книгѣ результаты не всегда, наконецъ, согласны съ результатами использованныхъ работъ (особенно по вопросамъ о генезисѣ шляхты, развитіи взаимоотношеній сословій, государственной идеи, проявляющейся въ инкорпораціяхъ и уніяхъ, о генезисѣ, развитіи и идеѣ парламентаризма и проч.), такъ какъ я постоянно старался провѣрить эти результаты и въ значительной мѣрѣ дополнялъ и исправлялъ ихъ на основаніи собственныхъ изученій источниковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

